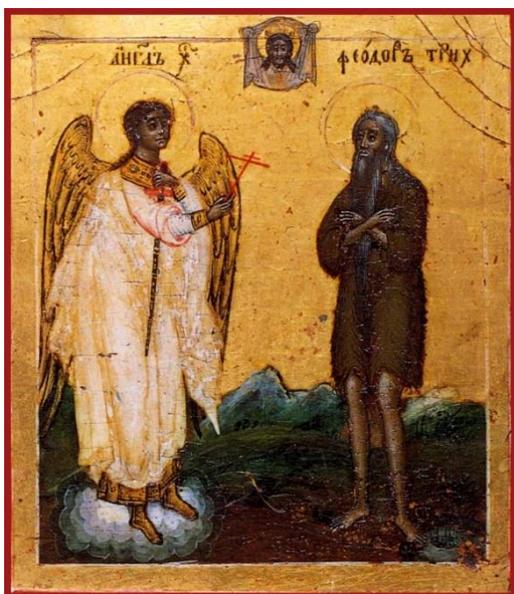

Память 03 мая (ст.стиль 20 апреля)

Память преподобного отца нашего Феодора Трихина

Преподобный Феодор Трихина, т. е. власяничник¹, был сыном богатых родителей и происходил из города Константинополя. Оставивши для Бога родителей и богатство, и славу, он удалился из отечества и принял монашество в одном пустынном монастыре.

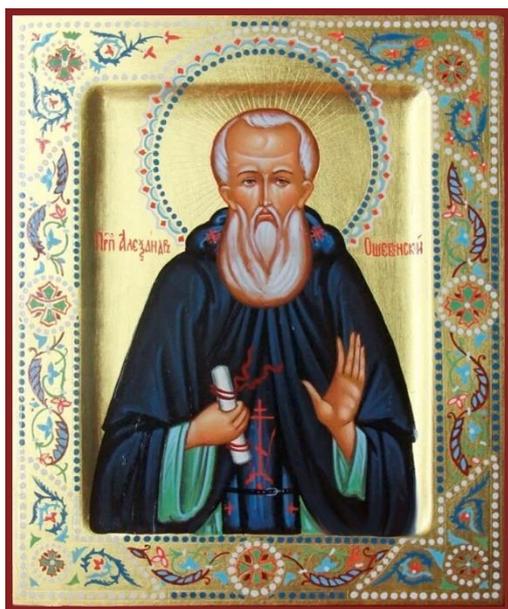
Здесь он проводил столь строгий образ жизни, что весьма истощил плоть свою, так что по лицу сделался похожим на мертвеца. В течение целых ночей он стоял на молитве и, несмотря на холод и мороз, никогда не покрывал своей головы и носил только одну колючую волосяную одежду, за что и был прозван, как сказано, власяничником или трихиною. Затем его же именем стал называться и тот монастырь, в котором святой проводил свою суровую жизнь. За свои подвиги святой Феодор получил от Бога власть над бесами, и, сотворив

много чудес, с миром отошел к Господу². Он совершал чудеса не только при своей жизни, но и после своего преставления, ибо от его святых мощей истекало благовонное целебное миро, которым во славу Христа Бога нашего излечивались многие болезни и изгонялись нечистые духи.

1 От греческого "трикс" - волос.

2 Время жизни святого Феодора точно неизвестно. Достоверно только, что он жил между IV и IX веками.

Александр, иугмен Ошевенский, преподобный

О родителях блаженного отрока Алексия.

Я хочу написать житие преподобного отца нашего Александра, которому прозвание — Ошевен. Ведь вы, отцы блаженные, воистину преблаженные, понудили меня грешного и недостойного невежду. Но выше моих сил это дело, ибо препятствует недостойнство мое и слабость ума моего, не могу осмелиться, и рассказывать стыжусь. А пройти молчанием мне горько, я боюсь ослушания и не могу утаить слова. Ибо любовь к святому и желание поведать чудеса его жжет, как огонь, внутренности мои. Но умоляю вас, честный собор, христоименитое стадо, богоизбранное собрание, святое ополчение: если вы хотите узнать и разумно услышать, прежде помолитесь обо мне, чтобы дано мне было слово от Бога, чтобы я с помощью Божией и в надежде на

молитвы преподобного мог рассказать, что вы желаете.

Добро же есть, отцы святые и братия боголюбезные и чада возлюбленные о Христе, прежде поведать о сем блаженном отроке, из какой он был области и от кого родился: от области славного города Бела озера, находящегося в стране северной. Есть там озеро, называемое Вещеозеро. Верст около шестидесяти от города того есть село, также называемое Вещеозерским. Там жил некий человек, именем Никифор, по прозванию Ошевен. Тот Никифор был человек мужественный и известный в стране той; не был он вельможею, не отличался высоким саном, но был славен своею добродетельною жизнью. Был он земледелец, благочестивый, богобоязненный и весьма нищелюбивый. Сиял добродетелями и творил много добра всеми силами, более же всего был украшен добронравием, беззлобием и правдивостью, милостью и кротостью. Молитвою и постом угождал Богу. Избрал он себе в жены подобную себе, именем Фотинию, и сочетался с ней законным браком. Во всяком добронравии следовала она мужу своему. Так во благочинии и чистоте, в смирении любви жили они безмятежно.

И родились у них сыновья и дочери. Просветив их Божественным крещением и научив добронравию, радовались они о Господе. Затем прошло несколько лет, и не родилось у них еще детища. Оба они грустили и весьма сожалели об этом, и были души их погружены в великую жалость и уныние. И за то муж укорял и оскорблял блаженную Фотинию, говоря: «Есть в тебе, женщина, какой-то порок или грех!» Верная и благонравная супруга, по своему смирению, ничего не отвечала на упреки, но только от жалости и умиления проливали слезы. Видя, как унывает и печалится его супруга, Никифор перестал говорить ей об этом. Фотиния же, чувствуя, что муж ее, снедаемый горем, теряет душевную бодрость, отвергла от себя всякую печаль, возложила надежду на Бога и Пречистую Его Матерь и, избрав благополучное время, пошла в соседний монастырь. Войдя в церковь Пресвятой Богородицы, во имя честного Ее Успения, Фотиния пробыла там долгое время, молясь о даровании сына.

Так поступила Фотиния не один раз, не дважды, но много раз. Однажды пришла она в церковь и, став на месте, где всегда обычно молилась, воздела руки кверху и, возрев на образ Пречистой, горько стеная и умильно плача, сказала: «О всемилостивая Госпожа, Владычица Богородица! Нет у меня иной надежды, кроме как на Тебя, Госпожа Богородица: никто не уходит от Тебя посрамленным, но просит и получает; и ныне, Госпожа, сотвори мне знамение во благо и исполни просьбу нашу. Тебя же ублажают все роды и все века, аминь».

Пала она ниц на землю и от великого плача и рыдания пришла как бы в иступление ума, или впала как бы в сон. Вдруг увидела она великое сияние и в свете том Жену некую, светлообразную, на лицо Которой невозможно смотреть, как на лучи солнечные. Была Она облечена в багряную ризу и Ей сопутствовало много святых мужей в белых ризах. И еще увидела женщина старца светлепого, украшенного сединами. Указывая на старца, светлообразная Жена сказала: «Веселитесь ныне, добрые супруги! Ибо по прошению вашему, молитвами старца сего, подаст вам Бог сына знаменитого», – и назвала старца Кириллом. «Сим отроком прославится имя Господне, и Бог прославит его, и многие через него спасение получат».

Поднявшись с земли, Фотиния не могла сказать ни слова от радости и ужаса и не поняла случившегося в то время. Потом начала она воздерживаться от зачатия детища, отлучилась от законной любви и от ложа, отдельно и в чистоте тела желая себя сохранить до конца своей жизни.

«Благ Господь всем призывающим Его и молитвы их услышит» (Пс. 144, 18–19). И услышал Господь моление их, как и прочих праведников, ибо сказано в некоем писании: лишь только человек возведет свои мысли к Богу с верою, вселится Бог в сердце его и, сияя, как солнце, просветит ум его и житие светом разума.

Спустя некоторое время родился у супругов младенец и нарекли ему имя Алексий. Родился блаженный младенец, как мы узнали, в 1427 году, в 17-й день месяца марта, при державе царя и великого князя всея России Василия Васильевича, при великом князе

белозерском Андрее Димитриевиче и при митрополите Киевском и всея России Фотии. Родители блаженного младенца весьма обрадовались и прославили Бога.

Немного времени спустя еще раз возродили они детище свое – водою и Духом, просветили его Божественным крещением. Блаженный же отрок укреплялся духом о Господе и хорошо рос. Когда достиг он поры учения, отдали его на обучение грамоте и святым книгам одному из бывших там учителей – дьяку некоему. Отрок быстро освоился с книжными занятиями и получил навык в Божественном Писании. Учитель отрока удивлялся столь быстрым его успехам, и сказал себе: «от Бога далось ему понимание книг, а не от моего преподавания». А было это все по смотрению Божию, ибо всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе Отца светов! (Иак. 1, 17).

В один из дней пошел освященный отрок Алексей, по обычаю своему, в церковь Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, пал ниц перед образом Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери и сказал со слезами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный! Не скрой от меня заповедей Твоих, но подай разум мне, ищущему Тебя, во всем, ибо Ты благословен во веки. Аминь».

Когда блаженный отрок лежал на земле, проливая многие слезы, явилось ему некое явление Божие и услышал он глас: «Встань без боязни! Получишь ты, о чем просишь».

Услышав сие от Божественного гласа, отрок тотчас поднялся с земли, воздал благодарственные молитвы к Богу и удалился в дом свой, весьма радуясь. Видя сияющее лице сына, родители возрадовались душою, уразумев, что было ему посещение от Бога. Благодарили они за сие Господа, еще большая любовь к сыну овладела ими и, повседневно глядя на него, не могли наглядеться. И не только родители радовались разумности отрока, но ближние и соседи их говорили, что сей блаженный отрок какой-то особенный, просияет добродетелями, красотой телесной и многой мудростью. Ибо отрок был благообразен и весел душою; преуспевая в учении, день и ночь внимая чтению Божественных книг, пребывал во всяком повиновении родителям своим, стараясь ни в чем не преслушать их.

И предался он воздержанию, изнуряя тело свое постом; по всем дням единожды вкушал он хлеб, и то в меру и не досыта, от ранней пищи он воздерживался. Ночью мало вкушал сна. Родители изумевались чудному воздержанию его, ибо необычно для такого возраста усиленное подвижничество. Мать стала ласково увещать его, говоря: «Возлюбленное мое чадо, зачем ты сокрушаешь свое тело? Разве ты не знаешь, что многое воздержание причиняет вред телу, особенно, когда оно молодо и расцветает. Нам ты этим доставишь немалую скорбь. Поэтому, чадо, не преслушайся нас, но вместе с нами вкушай пищу и спи, подобно нам».

На это благоразумный отрок отвечал: «Зачем, мать, ты так говоришь мне, отлучая меня от сладостного для меня воздержания! Я думаю, что нет ничего полезнее воздержания для тех, кто им обладает, и я не слышал, чтобы родители научали своих детей злomu и бесполезному. Ибо, угождая плоти, они удаляются от Бога, особенно когда дитя юно и борется с плотью. В Писании ведь сказано, что брашно и питье нас не поставляет перед Богом (1Кор. 8, 8). Позволь же мне, мать, совершить с Божией помощью то, что я начал».

Мать отрока удивилась премудрому ответу и, видя его доброе о Боге произволение, ответила ему: «Как хочешь, чадо, так и твори, возлюбленный». Затем со вздохом сказала ему: «Послушай, чадо, что скажет тебе мать твоя, и слова эти вложи в сердце твое».

И стала ему рассказывать все подробно, как она молилась Пресвятой Богородице и как ей явилось чудное видение и свет неизреченный, а в свете том увидела она Жена светлообразную, одетую в багряную ризу, и светоносного старца, на которого Жена показывала перстом; передала она ему подробно и слова, произнесенные Ею. Услышав это от матери, блаженный отрок удивился и, увлеченный ее рассказом, спросил: «О мать моя! слышу о чуде и удивляюсь; я понял, что та Жена была Пречистая Богородица, но не знаю, кто был чудный тот старец, где жилище его, или монастырь, или пустынь, жив ли он, или преставился. Не скрывай, мать, сию тайну от чада своего!»

Ласково улыбнувшись, мать ответила ему: «Чадо Алексей, как мне утаить того, кого Господь Бог по всей вселенной прославил чудесами. Верст шестьдесят или несколько далее от нашего селения, по правую сторону Бела озера, есть монастырь, Кириллов называемый. А сей Кирилл был в том монастыре игуменом: велико было о Боге житие его, и тот монастырь создал он, и церкви воздвиг, и собрал братию. Монастырь его чуден и славен и братия его отличается великим воздержанием. Сам игумен Кирилл преставился в созданном им монастыре, но не знаю, сколько лет прошло по преставлении его. Только мы слышим, что многие чудеса проистекают от раки его. Память же преставления его празднуется 9/22 июня. Многие из нашего селения ходили на тот праздник – память его и получали пользу.

Выслушав эти слова от матери своей, блаженный юноша скрыл их в своем сердце и стал еще более приучать себя к подвигам. И никогда ум его не отклонялся, как это свойственно детям, к играм и смехотворным словам. Но вместо смеха предавался он изнеможению и печали. И насколько он заботился о простоте, настолько питал он ум свой премудростью и насыщался постоянным воздержанием, голод и холод считал он наслаждением. Было видно, что по разуму своему он далек от детского возраста, так что все говорили: «Новое некое знамение проявится в сем отроке, ибо на нем благодать Божия».

И отсюда произошло начало премудрости – страх Божий. Вместе с тем отрок становился причастником Божественной любви, и день ото дня разгорался в нем огонь непрестанного желания. Славу, богатство и все мирское называл он многомятежным и непостоянным, видимую красоту и роскошную жизнь считал за тень, обильную пищу, веселие и все, что есть человеческого на земле, полагал он как суетное и несущественное. По правому пути пошел он, упражнялся в поучении Божественных книг и ежедневно без лености посещал церковь; хотя и далеко от церкви было его жилище, но он был близок к ней верою и теплою любовью. И не причинила ему вред никакая тварь, ни жар дневной, ни зной солнечный, ни дождь, ни ярость зимы, ни лютость мороза, ни буря и вихрь, ни иней, ни снег во время хождений в храм Божий. Приходя в церковь, слушал он Божественное пение и сам пел и читал жития и поучения святых отец. Слушал он и старался все так исполнить.

Любил он пост и сухоядение; празднословие же, смехотворение бесчинное, песни нечистые и душевредные, юношескую страсть – все что оскверняло его душу – он бесконечно ненавидел. Был он благ, кроток, приветлив ко всем, весьма нищелюбив, но более всего любил и почитал иноческий сан, так что и сами родители его удивлялись, видя столько сдержанности и благонравия в юном его возрасте, как будто не от них он был рожден, но воистину дан Богом.

Родители хотят сочетать Алексея законным браком, но он отходит в Кириллов монастырь и остается в нем. Когда блаженный возмужал и минуло ему лет восемнадцать, родители пожелали сочетать его законным браком. Блаженный же юноша испытывал непрестанное желание бежать от мира и от всех земных похотей и приблизиться к Богу. Уже слышал он от матери своей и от других о монастыре Кирилла чудотворца, о постящихся в нем братиях и прочих пустынных монастырях, где Богу работают и спасаются.

Готов Господь к молитве рабов Своих, и сей блаженный был как бы научен Богом. Пришла ему мысль идти в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке. И захотел он исполнить сию мысль на деле. Пришел блаженный к родителям и попросил их отпустить его с обычным благословением и молитвою: «О господа мои, если я получу от вас благодать и вы меня благословите и отпустите, то вот и спутники мне готовы. Есть у меня желание, хочу я исполнить обет, пойти в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке. Если же я замедлю там, не прогневайтесь на меня».

Отец, желая исполнить просьбу его, сказал ему: «Господь с тобой, чадо; да благословит Он тебя и поможет в пути твоём!»

Мать же, как матерям свойственно, обняла его и любовно поцеловала. И отпустили они его с миром, наказав ему скоро возвратиться, ибо они видели, что не просто в ту обитель хочет он идти, но желает найти живой источник – Христа, чтобы Он напоил его душу, пылающую желанием любви к Богу. Приняв от родителей благословение, блаженный юноша вышел из дому, не имея с собой ничего, кроме одежды и куска хлеба, ради телесной немощи. Недалеко отойдя от дома своего, блаженный оглянулся, посмотрел издали на дом свой и сказал: «Боже, Ты повелел Аврааму, рабу своему: изыди от земли твоея и от рода твоего (Быт, 12, 1); научи ныне и меня страху твоему. Вот я оставил дом свой имени Твоего ради. Не затвори же от меня дверей Царствия Твоего!»

Долго плакал блаженный. Затем устремился в путь свой и наполнился многою радостью. Быстро догнал он своих спутников и весело пошел со своими товарищами. Немного дней спустя достигли они обители и, приблизившись к монастырю, увидели церковь Пречистой Богородицы. Прежде чем войти в монастырь, блаженный пал ниц на землю и помолился Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери. Долго молился блаженный со слезами, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой, за то, что Ты не оттолкнул меня, грешного и недостойного раба Твоего, и сподобил меня видеть дом Пречистой Твоей Матери. Сподоби меня поселиться здесь и сопричти меня избранному Твоему стаду; пусть я буду ему слугою».

Восстав от молитвы, блаженный увидел, что дружина его ушла вперед. Он быстро и скоро догнал спутников. Подойдя к воротам монастыря, они увидели вратаря, стоящего у ворот, поклонились ему и сказали: «Господине, скажи о нас игумену; мы хотим, чтобы он благословил нас».

Вратарь пошел и сказал о них игумену. Игумен же велел прийти им к себе. Они пришли и поклонились игумену до земли. Справившись через старшего о именах их и о селении, игумен спросил: «Зачем вы пришли к нашему смирению?»

Назвали они игумену свое селение, поведали ему свои имена и сказали: «Пришли мы, господине отче, во святую сию обитель помолиться Спасу и Пречистой Его Матери, приложиться к чудотворцевой раке, благословиться от твоей святыни и принять от отцов молитву».

И дали они игумену на молебен, сколько были в силе. Когда игумен беседовал с ними, то часто взглядывал на юношу Алексея, и подумал: «Что это значит? Сего юношу я очень полюбил. Не знаю почему, но благодать Божия почиет на нем». Но не сказал ничего. Затем игумен благословил их и дал им приставника, чтобы он отвел их приложиться к гробу чудотворца и потом пошел с ними к келарю, чтобы тот поставил им трапезу, накормил их и дал им отдельное помещение, где бы они отдохнули с дороги. Приставник пошел с ними к чудотворцеву гробу, а потом к келарю. Келарь накормил их и дал им особое помещение для отдыха, как велел игумен.

Настал праздник памяти Кирилла чудотворца, и собралось множество народа от многих областей. Праздник честно праздновали, веселясь духовно; радостно проводили его, и все множество народа разошлось, каждый на место своего жительства.

Блаженный же юноша Алексей скрылся от своей дружины, поведав лишь одному из друзей своих: «Хочу здесь остаться, побыть несколько времени».

Родителям же своим послал он письмо, запечатав его. Человек, с которым было послано письмо, пришел в дом Никифора; помолившись Спасову образу и Пречистой Его Матери, поклонился он до земли господину дома, Никифору, а также жене его, и сказал: «Сын ваш Алексей челом бьет». Вздохнул Никифор и сказал: «Горе мне и беда! Что случилось с сыном нашим, где он остался, почему не пришел с вами, жив ли он, или умер, – скажи скорей, не медли!»

Жена Никифора также исполнилась жалостью многою и зарыдала. И был в дому Никифора плач великий, вопль и рыдание горькое, точно над мертвым. Пришли соседи, но не могли ни уговорить хозяев, ни утешить их в печали. А человек, который принес письмо, не успевал ничего сказать, но только отирал на лице пот, ибо день был очень жаркий, а шел

он скоро, и пот лил с него рекою. Лишь успел он проговорить: «О Никифор! не плачь и не печалься: сын ваш, Алексей, жив и был в добром здравье, когда оставил нас».

Затем, опустив руку в суму, вынул он письмо и подал Никифору. Никифор взял письмо и дал дьяку, а дьяк стал читать написанное: «Господа мои; родители, сын ваш меньшей, Алексей, челом бьет. Не прогневайтесь на меня за то, что я остался послужить в обители некоторое время. Снова я возвращусь к вам, творя вам удобное. Вы знаете, господа мои, что я никогда не ослушался вас и не прекословил. А в обители сей многие из бояр и из вельмож и из простых людей трудятся, служа Бога ради. Не запрещайте же мне побыть здесь. Будьте здоровы о Господе, господа мои». Прослушав такое письмо от сына своего, Никифор сильно опечалился и огорчился и с великой болью сердца сказал: «Тотчас пойду я в монастырь, с великим бесчестьем возьму Алексея, приведу домой и поставлю его на тяжелую работу, и будет он для меня не сын, но злой и негодный раб. Все мы хотели сочетать его законным браком, чтобы он жил с нами до дня смерти нашей, покоил бы старость нашу, стал бы наследником нашего достояния и погреб кости наши. Когда я воспитывал своих детей и заботился, как их вырастить и научить добру, не имел я покоя ни днем ни ночью, работая, как раб у господина без выкупа, желая получить честь. Не щадил я имени своего, творя им удобное. А теперь кто не посмеется нашему безумию и глупой старости, кто не скажет: этот человек по пустому прожил дни свои; детей воспитал и распустил, один сюда ушел, а другой туда. Кто успокоит старость нашу, кто накормит нас и напоит, кто погребет кости наши? Сын наш изучил Божественные Писания, а ум его не достиг совершенного смысла, забыв написанное у святых отцов: «тогда сын будет свободен, когда погребет кости родителя своего». Сей же сын наш, нами рожденный и воспитанный, ушел от нас, не захотел о нас заботиться, не захотел нас покоить и поддержать, желая ходить праздным все дни. А ведь известно ему писание святых отцов, где сказано, что всякое зло от праздности рождается».

Все это сказал Никифор, не зная от великой жалости и печали, что делать. Также и жена его говорила с плачем: «О чадо мое Алексей, что ты наделал! От своего отца ты скрыл свой замысел, но отчего ты не поведал его мне, матери своей? Я бы понемногу уговорила мужа, господина своего, твоего отца, чтобы ты не разбил сердце отца своего и не причинил скорби мне, матери своей. Теперь и заслуживаю двойного плача, видя мужа, господина своего, снесаемого печалью, и лишаясь тебя, своего детища. Уже я не вижу тебя, сидящего с нами за трапезою и веселящегося с братьями, не слышим мы из уст твоих чтения Божественных слов, ни твоих скромных речей. Ты оттолкнул любовь родителей и оставил в унынии братьев своих».

Так пропела печальную песню доброгласная ласточка. Жалостно было это зрелище и достойно умиления! Кто знает, какая скорбь бывает у родителей о детях, жалость тому сокрушает сердце, снесает печаль душу.

В это время старший сын Никифора Амвросий, работавший на поле с братьями и слугами, пришел домой, еще не зная случившегося. Услышав в доме плач и рыдание, ужаснулись они и подумали: «Что это значит? Уж не прилучилась ли внезапно какая беда?»

Вошли братья в горницу и увидели своих родителей унылых, ослабевших и сетующих. Узнав о происшедшем, стали они утешать их: «Господа наши! Что вы смущаетесь, что думаете, что скорбите, зачем вы истомили себя печалью? Сын ваш взялся не за дурное дело, не задумал злого, но пожелал благого, ни погубить, ни скрыть в землю Богом дарованного ему таланта, но намереваясь сотворить им прикуп. Для того переселился он во святую обитель, чтобы научиться и достигнуть большего и получить лучшее».

Услышав такие слова от детей своих, родители сказали: «Хороша сия речь и благ сей совет, полезно и послушать».

И разрешил Господь недоумение родителей и наполнил сердце их радостью. Всю печаль возложил Никифор на Господа и предоставил сына своего Божьей воле.

О приходе блаженного отрока к игумену. Между тем, покинув свою дружину, блаженный юноша улучил потребное время, пришел к игумену и поклонился ему до земли.

Игумен спросил его: «Кто ты, чадо, как твое имя, из какого ты селения и чего ты желаешь от нас?» С великим смирением отвечал игумену юноша: «Пришел я, господине отче, к твоей святыне; желая твоего благословения и молитвы. Из селения я Вещеозерского, имя мне Алексей. Просьба же моя такова: умоляю твою, отче, святыню, прими меня во святую сию обитель служить святой братии, по силам моим, сколько могу!»

Игумен, взирая духовными очами на юношу, видя его смирение и душевную чистоту и с удовольствием выслушав его слова, уразумел, что благодать явится на нем, и сказал ему: «Хочешь ли ты, чадо, быть иноком и служить Господу?» Юноша отвечал игумену: «Ей, отче, воистину желаю, но пока еще не время, потому что я, будучи молод, боюсь общего врага, совратившего прадедов наших и поколебавшего многих святых. Если же, господине отче, повелит твоя святыня, послужу я святой братии и года три испытаю юность свою».

Игумен, слушая его и видя, что он не просторечив, но говорит от Божественного Писания, сказал ему: «Чадо, читал ли ты святые книги?» Юноша отвечал: «Мало, отче; с детства немногому я научился, пребывая в небрежении». Игумен же сказал ему: «И сие послужит тебе на великий успех, к твоему спасению».

Принял его игумен и, благословив, послал его к казначею, чтобы тот дал ему одежду, обувь и все необходимое. Потом послал его к некоему дьяку разумному и искусному, знающему Божественное Писание. Придя к дьяку, Алексей сказал с великим смирением: «Пришел я к тебе, господине, по повелению игумена, чтобы ты научил меня, поселянина и невежду».

Видя его смирение и покорность, дьяк принял его с любовью и стал его учить не как ученика, но как родного брата, за многое его смирение и послушание. Блаженный же юноша еще более увеличил свое воздержание, утруждая себя постом, бдением и молитвами. Постоянно читал он книги и ежедневно без лености ходил в церковь и слушал там пение и чтение Божественного писания. Внимал своему учителю, почитал его, во всем повиновался ему и с удовольствием слушал его наставления, и не давал ни единому слову его пасть на землю. И научился он всякому добронравию и всякому благочинию, и был он украшен правдою и беззлобием, более же всего любил душевную чистоту, ибо с нею каждый Бога узрит, помня сказанное Господом: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). И стал тот дьяк, учитель его, дивиться такому воздержанию отрока и добродетельному житию его, и еще более полюбил его. Отрок же, пребывая в обители, старался угодить своею службою, трудясь каждый день и делая своими руками. Всех он слушал и всем творил угодное. И все его полюбили.

Прошел год и приближался праздник преставления Кирилла чудотворца (9/22 июня). Вспомнил Никифор о сыне своем и сказал: «Пойду я теперь в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке; посмотрю я и на пребывание там сына своего и возьму его домой, а если он захочет, то оставлю его побыть там и другой год. Но только повидать бы мне его».

Отправился Никифор в путь, совершил его в немного дней и достиг обители. Пришел он к игумену принять благословение. И спросил его игумен: «Кто ты, чадо, и какой области, как твое имя, зачем пришел ты к нам и чего желаешь от нашего смирения?»

Никифор же сказал игумену: «Господине отче! Я – из северной страны, Бела озера, из деревни Вещеозерской, имя мне Никифор, а называют меня люди Ошевен. Пришел я, господине отче, во святую сию обитель помолиться Спасу и Пречистой Его Матери, приложиться к раке чудотворца и получить благословение от твоей святыни и молитвы от отцов-иноков, а также проведать сына своего, если повелит твоя святыня». Игумен спросил Никифора: «Кто сын твой?» – «Отче, – сказал Никифор, – сын мой служит на святую братию в сей обители, а имя ему Алексей».

По обычаю монастырскому игумен дал Никифору приставника, чтобы тот шел с ним приложиться к чудотворцевой раке и потом к келарю. И велел игумен келарю почествовать Никифора как следует, напитать его различными брашнами и напоить его вдоволь квасом житным и медом (вина же и пива в монастыре не водилось, таково было приказание

настоятеля). Велел игумен дать Никифору и помещение особое для отдыха с дороги. Приставник пошел с ним в гробницу к раке чудотворца, а потом к келарю. Келарь достойно почтил Никифора, стал питать его различными брашнами и питиями, и побеседовал с ним о душевной пользе. В то же время велел келарь приставнику пойти и известить Алексея через дьяка, что пришел отец его Никифор. Услышав это, Алексей тотчас пришел, поклонился образу Спасову и Пречистой Его Матери и, взяв от келаря благословение, пал на землю к ногам отца своего с умилением и со слезами и попросил у него благословения и прощения. «Согрешил я, отче, не знал, что ты придешь сюда». Никифор же сказал ему: «Бог простит тебя, чадо».

Когда Никифор вдоволь насытился пищей и питием, принял он благословение от келаря и пошел к сыну своему в келлию отдохнуть. Келарь же велел приставнику отнести Никифору квасу, сколько надобно, и пригласил Никифора в трапезу, к пению и к ядению. Из трапезы Никифор с сыном своим пришел в келлию, поклонился образу Спасову и Пречистой Его Матери, посмотрел на обиталище сына своего, на то, как берегли его игумен и братия, предоставивши ему такое жилище. И похвалил Никифор Бога, сказав про себя: «Владыко Человеколюбче! Слава неизреченной милости Твоей и благоутробию! Что я воздам Тебе за все добро, которое Ты творишь мне, грешному?»

Алексий же, упав к ногам родителя своего и испуская жалостные слезы, сказал ему нежно: «Отче, прости меня, прогневал я твою старость и огорчил тебя своим промедлением и небрежением. Но я надеюсь на твое милосердие и чадолюбие. Ныне же я и не знаю, что велишь мне делать, рабу своему? Только я возношу Богу хвалу за сие, пою Господу, благодетельствовавшему мне, пою Богу моему, дондеже есмь (Пс. 103, 33), ибо Господь сподобил меня видеть тебя, родителя моего, и насладиться воззрением на доброту старости твоей, чтобы я возвеселился, взирая на твои седины, и облобызал твои ноги, которыми ты потрудился для меня. Что, отче, воздам тебе за труд твой? Для меня прошел ты такой путь, ища свою заблудшую овцу, потерянного ребенка. Кто видел столь чадолюбивого отца, как ты, не оставивший меня и пришедший посетить свое чадо!»

И каких только жалобных и нежных речей не наговорил Алексей отцу своему, заливаясь слезами и рыдая. Никифор пришел в умиление от слов сына, обнял его и сказал: «Встань, чадо!» Тот встал, отец поцеловал его, а сын обнял отца. Долго они плакали и едва могли прекратить плач свой; затем сели, и стал Никифор со слезами жалости рассказывать сыну своему все по порядку: «Приходил к нам посланный с письмом от тебя, выслушали мы написанные тобою речи, и так мне стало больно и печально, что я уже не надеялся видеть тебя на сем свете, чадо мое возлюбленное! Также и мать твоя с того дня и донныне ни единого раза не вкусила хлеба без слез и скорби. И только Господь утешил сердца наши слухом, что ты здоров».

Стал и Алексей рассказывать отцу своему, что случилось: как он покинул дружину свою, как игумен принял его с любовью, как его берегут и игумен, и братия. И показал он отцу покой свой и различные одеяния, червленые и багряные, и иными различными цветами украшенные. И сказал Никифор: «Вижу я, чадо, что Бог споспешествует тебе; об этом свидетельствует все, что я видел. Теперь, чадо, если ты хочешь, пробудь здесь и другой год».

Блаженный отрок отвечал: «Не оставлю я тебя, отче, ибо ты прошел такой путь, ради меня ты заставил свою старость сделать это. Но пойду я с тобою, утешу печаль матери моей, посмотрю на любовь братьев моих и пробуду с вами до конца жизни вашей, творя вам удобное. Хотел бы я, отче, еще побыть здесь, но не смею говорить об этом, так как я тебя прогневал».

И сказал ему отец: «Чадо! Я говорю тебе, не искушая тебя и не с лукавством. Но правду говорю тебе: если хочешь, останься здесь. Посмотрев на твое жительство, я убедился, что благодать Божия, вселившаяся в тебя, не останется тщетной. И за то благодарю Бога. Придя домой, расскажу я матери твоей, как ты живешь, избавлю ее от скорби и утешу печаль ее и

обрадую братьев твоих. Ты же, чадо, останься здесь, сколько Господь повелит тебе, и будешь ты утешением в скорбях наших».

Алексий же сказал отцу своему: «Если, отче, это так, то Бог исполнит любовь твою».

Затем перестали они говорить о сем и кончили беседу. Никифор лег отдохнуть, а Алексий занялся своей службой. Мы же, прочитав сие, похвалим Бога и обратимся к дальнейшему рассказу.

О празднике Кирилла чудотворца и о собрании народа. Когда наступило празднование Кирилла чудотворца, из разных областей собралось много народа. Князья, бояре, вельможи, сановники, священники, клирики, купцы, земледельцы, богатые и величавые, знатные и незнатные, великие и малые, старцы и юные, мужи и жены, нищие и убогие, больные и недужные – все радостно праздновали и духовно веселились, ликуя друг со другом, слушая Божественное пение и чтение поучений святых отец, видя, как славится и хвалится Господь на земле, точно на небе, со страхом и трепетом, также слушая и видя чудеса Кирилла чудотворца. Кто может исповедать неисчетную милость щедрот Божиих и кто передаст словами неизреченное человеколюбие и благодать Его, какими чудесами прославил Господь угодника Своего на земле, какими дарами почтил его на небеси!

Также и игумен с братиею праздновали честно и с любовью, благодарно похваляя Бога, и пели они молебны во славу Божию. А гостям они воздавали честь, каждому по его достоинству, питая их различными яствами, поставляя и многие брашна и пития из житных квасов и сладости медовой. Князей же, бояр и сановников они почитали дарами от изделий монастырских.

Когда праздник окончился, все множество народа разошлось, каждый восвояси. И все шли, радуясь, никто не уходил неудовлетворенным, не получив Божией милости. Один слышал пения Божественные и благодарил Бога, другой – наслаждался чтением и поучением святых отец; от чудес Кирилла чудотворца недужные стали здоровыми, а больные получили исцеление; нищие же и убогие получили милостыню от христоролюбцев.

Никифор пришел к игумену и попросил благословения на обратный путь в дом свой. Игумен поучил его от Божественных писаний, наставил его духовной беседой, почтил дарами от вещей монастырских, благословил его и отпустил. Также и Алексий одарил отца тем, что Бог ему даровал, послал он дары и матери своей, сколько надобно, и братьям своим, что следует каждому. Братья же у него были: старший Амвросий, второй – Лукиан, третий – Леонтий, а он, Алексий, был четвертым. Проводив отца своего далее, чем за пять верст, Алексий нежно поцеловал его, и так, проливая умильные слезы, они расстались. Алексий возвратился в обитель к службе своей, а Никифор пошел к себе домой, встретили его домашние, и видя, что он весел и любовно говорит с ними, сами стали веселы. Войдя в дом и поклонившись образу Спаса и Пречистой Его Матери, Никифор сел и, немного отдохнув, начал рассказывать по порядку все, что случилось: как он пришел в обитель, как игумен с любовью благословил его, что за чин видел он в монастыре, какое пение слушал и какие чудеса творились перед ним от чудотворцева гроба. Поведал он, что сын его здоров и как он живет в монастыре. Мать Алексия и братья его пролили слезы от радости, ибо сподобились слышать, что Алексий благоденствует. И славили они за это Бога.

Спустя немного лет Никифор захотел переселиться с своей родины и со всей своей семьей прибыл в Каргополь, где прожил один год. Затем он переехал в селение, по прозванию Волосово, находящееся в тридцати верстах от Каргополя, вниз по реке Онеге. И прожил он в том селении несколько лет.

Однажды отправился он с своими сыновьями на охоту за десять верст, в лес над рекой Чурьягой, и в тех лесах нашел место, подходящее для заселения. Обойдя место то возле реки, Никифор полюбил его и, отправившись в Великий Новгород, испросил грамоту у посадского боярина Иоанна Григорьевича и у детей его. Дал ему боярин Иоанн грамоту слободскую собирать слободу и созывать насельников. И названа была слобода Ошенева, как зовется до сих пор. Но мы, оставив это, возвратимся к прежнему.

О пострижении блаженного Алексия. Уже прошло более шести лет, как блаженный Алексий служил в обители. Услышав, что родители его скоро переселились в дальнюю сторону, он очень опечалился и, вздохнув, сказал себе: «Весьма дивлюсь я тому, что родители мои, пожив праведно, переселились как изгнанники со своей родины в дальнюю страну. Что делать мне, окаянному? Ради малого покоя телесного лишусь я Небесного Царствия подобно прадеду нашему Адаму, который из-за вкушения сладкой пищи был изгнан из рая. И буду отослан лютыми ангелами во тьму кромешную и предан вечным мукам».

Сказавши все это, он застонал и прослезился. Но тут вспомнил он писанное в псалмах: Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь (Пс. 26, 1). И, улучив подходящее время, пришел он к игумену. Тот спросил Алексия, зачем он пришел: «Прошу я, отче, – сказал юноша, – твоего благословения и молитвы; преподобный отец, помолись обо мне Богу. Надо мне побеседовать с тобою, если позволит твоя святыня».

Игумен же, взирая на юношу внутренними своими очами и видя его душевную чистоту, внимательно выслушал слова его и уразумел, что на нем будет явлена благодать. И повелел он Алексию войти в келлию. Блаженный юноша поклонился иконам и, упав к ногам игумена, сказал: «Поведай мне, отче, каким путем шествовали к Богу угодившие Ему и какова была стезя их». И спрашивал он о всем, что должно быть во святом монастыре, и об иноческом жительстве. Игумен рассказал ему все по чину пустынного, как происходит в монастыре общежительное пребывание, и отдельное пребывание двух ли трех иноков совместно, и полное уединение в пощении и молчании живущих. Обо всем этом он прекрасно сказал Алексию.

Юноша же, слушая о жизни иноков, о попечении их к Богу и добром их упражнении, рекою точил из очей слезы и, наконец, сказал: «Вижу я, отче, что Господь Всеведущий, увидев страдание сердца моего, послал меня к твоей святыне, чтобы укрепить меня, окаянного. И ныне утешилось сердце мое и душа моя возвеселилась радостью неизглаголанною. Ныне уразумел я, что воистину блаженны и треблаженны те, которые сподобились такого беспечального и немятежного жития. Что же делать мне, честный отче, как бежать мне от многомятежного мира сего и суетного жития и сподобиться такой жизни ангельской? Если возвращусь к родителям, они пожелают сочетать меня браком и, удержанный плотолюбием, я ни одного дня не проведу в таком житии. А я хотел бы жить так, чтобы любосластие мира ко мне не прикасалось и, против моей воли, не отвлекло душу мою от любви к ангельскому житию, как поучаешь ты, честный отче. Если же я не стану слушаться родителей, то причину им печаль и, к великому стыду моему, прииму клятву, а не благословение».

Игумен же сказал блаженному: «О, чадо желанное! Есть любовь родительская и соединение естества нерушимого, но Владыка повелевает отвергнуть это, взять крест на плечи. Ему усердно последовать и перестрадать все, подражая страданиям Его за нас, не в драгоценностях красоваться и не искать телесного покоя, но наготы и голода, прилежать бдению и молитве, умилению и плачу с воздыханием сердца и сокрушением. Вот для боголюбивых какой предлагается удобнейший путь к добродетели. И это они вменяют во славу, истину и в настоящий себе почет».

Слушая это, блаженный юноша принимал слова игумена в сердце свое, как земля доброплодная приемлет семена, и рыдал неудержимо. Игумен же дивился теплейшей его любви к Богу и Божественному расположению души его. И сказал игумен: «Вижу, чадо, что душа твоя погрузилась во глубину любви; поспешу же совершить доброе твое желание, чтобы сеятель злых плевел не посеял в сердце твое и не укрепились бы они и не заглушили бы пшеницы – твоей благой мысли, и чтобы не изменилось твое благое рвение от плотолюбия и любострастия. Ибо, удержавшись, ты ничего не достигнешь, кроме порока и укоризны, и будешь равен тем, которые порицаемы в Евангелии за то, что ради приобретения сел и волов и ради новобрачной жены отказались от сладкой вечери и бессмертной пищи, и поистине были названы недостойным избранного звания и веселия».

Небесного Жениха, Христа. Лучше опечалить родителей своих, нежели Бога. Ибо Он создал и спас, они же много раз погубили и предали муке. Любовь к Богу побеждает любовь к родителям. Господь сказал, что Он принес не мир, но меч (Мф. 10, 34–35). Он радуется разделению и разлучению, которые происходят ради любви к Нему. Не поощряет он слезы родителей и друзей. И не вечно ли тебе придется плакать, когда они окружают тебя, подобно пчелам, или скорее – осам, рыдая о тебе? Ведь нельзя одним оком смотреть на небо, а другим на землю. Горе сердцу, которое мыслит надвое, и грешнику, идущему на два пути.

Выслушав все это, блаженный юноша почувствовал, что разум его как бы окрылился. Поклонившись игумену до земли, стал он просить со слезами, чтобы тот постриг его в иноки. Смотря на блаженного юношу, склонившегося к земле и проливающего слезы, игумен предугадал, что на нем должна явиться благодать, и стал говорить ему: «О, чадо! Знаешь ли ты, что место это трудное и требует всяких подвигов, а ты еще юн и, как мне кажется, не можешь переносить скорбей места сего».

Это он говорил, только испытывая его, а прозорливыми очами видел, что блаженный сей юноша пришел, как бы наставляемый Богом, и что он будет сосудом избранным. Блаженный же юноша со многим смирением отвечал игумену: «О, честный отче! Господь, все провидящий, привел меня к твоей святине, желая спасти меня. Чтобы ты ни повелел мне, все сотворю я, только причти меня к братии».

Тогда игумен сказал ему: «Благословен Бог, чадо, укрепивший тебя на сие рвение! Отныне работай Господу и служи братии со всяким терпением, покорением и послушанием».

Услышав это от игумена, блаженный юноша снова поклонился ему до земли. И так остриг он власы головы своей и вместе с отнятием влас отложил долу увлекающие мудрования. И нарекли ему имя Александр. А было ему, когда он принял иноческий образ, 25 лет. С этих пор преподобный Александр всего себя предал Богу и обратился на многие труды. Все ночи проводил он в бдении и молился без лености, сонную тяготу прогоняя славословием. Днем же он изнурял плоть свою делом телесным и работал своими руками каждый день.

Так жил он здесь, трудясь с братией и прилагая труды к трудам. Всяким воздержанном смирял он свою душу, истомля свое тело работой и подвигом, а душу питая постом и молитвой.

Затем блаженного послали в пекарню и в хлебню, и там он терпеливо трудился: зажигал печь, терпя зной, носил на плечах воду и дрова, месил тесто, пек хлебы и приносил их братии – мягкие и теплые, от братии же принимал он теплые молитвы. В сей службе пробыл он немалое время. Потом настоятель послал его в поварню и здесь он также ревностно нес свою службу, приготовляя братии пищу, вкусную и достаточную. Много он трудился и мучил тело свое, днем угорая от огня, ночью же замерзая от стужи. И оттого стяжал он умиление великое. И в этой службе пробыл он некоторое время, повинувшись игумену и братии. Все наложенные на него службы монастырские блаженный юноша выполнял со всяким терпением, послушанием и кротостью великою; ранее всех приходил он в церковь и, став на своем месте, пребывал неподвижно и без смятения ума совершал блаженное славословие. Поэтому все, видя его труды и смирение, почитали его не как человека или брата своего, но как отца или как Ангела Божия. Игумен и вся братия дивились его смирению, и покорению и такому в юности благоданию, крепости и бодрости, и много славили за то Бога, говоря между собою: «Что делать нам, видящим столь великого подвижника, который безответно и беспрекословно работает со всяким рвением, как вечный раб!»

Услыхал эти слова, блаженный Александр и вменил их себе в вину: он не мог утаить своих подвигов от людей. Слава, которую он имел среди братии, по его мнению, делала его труды напрасными и лишала загробного блаженства. Эти мысли угнетали блаженного Александра. Отселе уразумел он, что его считают за великого. Видя, как его чтут игумен и

братия, как все его хвалят и прославляют, преподобный вменял все это в стыд и во грех и, стремясь бежать от славы человеческой, задумал идти путем уединения и работать Богу.

О приходе блаженного к игумену с просьбой, чтобы тот благословил его и отпустил идти в область Каргопольскую. Однажды пришел блаженный к игумену и, припав к ногам его, стал у него просить благословения и отпущения с молитвою. И открыл он тайные помышления свои, не утаил причину своего намерения и сердечного помысла, говоря: «Задумал я, отче, идти в область Каргопольскую, чтобы повидать там родителей своих и принять от них благословение и последнее прощение».

Игумен же сказал: «Чадо! Пусть будет тебе отцом тот, кто может и желает потрудиться с тобою за бремя греха, матерью же – умиление, которое может омыть тебя от скверны, братьями же – кто будет беседовать с тобою и сострадать тебе в стремлении к совершенству. В безотлучную супругу себе возьми память смертную, чадами пусть тебе будут Святые силы: при исходе души помогут твоему успеху, если станут тебе друзьями».

Александр же сказал игумену: «Есть у меня, отче и другой помысл, отыскать где-нибудь уединенное место, поселиться в пустыне, безмолвствовать и трудиться».

Удивился игумен нежелательной его просьбе и совершенно отказал в ней, говоря: «Нет, чадо, ты еще юн и не принесет тебе пользы жизнь в уединении. Живя в обители, братия друг друга назидают и укрепляют, когда же случится болезнь или печаль, брат, живущий с тобою, или кто-либо другой приготовит пищу и подаст питье, своими руками поднимет, положит тебя на постель и устроит все необходимое и всячески послужит. Когда же придет напасть какая от диавола, то братия все соборне Бога о тебе молят. Ты же не хочешь и одного дня пожить в послушания игумену и в мире с братьями и служить им, потрудиться для Господа и ради своего спасения. А труд по Бозе не остается без mzды. Хочешь ты жить один, не ведая еще козней диавола, не утвердив ногу внизу первой ступени общего жития послушанием, и не достигнув верха – молчанием. Ты хочешь испытать уединение и всегда распорядиться собою по своей воле. Но все хорошо в свое время. Ныне ты задумал уйти из монастыря, ненавидящий же все доброе враг, видя твое повинование, уведет тебя из монастыря и отлучит от братии, наполнит тебя гордостью, возвысит величанием. Ты станешь жить без дела и займешься не молитвами и трудами, но наставничеством, не в состоянии быть еще учеником. Если случится болезнь, то кто тебе послужит и накормит? И когда случится с тобою в пустыни безнадежная напасть от общего людям врага или от мужей крови, тогда все будут упрекать за то, что ты повиновался своей воле».

Так было сказано блаженному. И это произошло не без воли Божией, но по изволению благости щедрот Его. Выслушав сие, блаженный Александр во всем повиновался игумену и сказал: «Воля Господня на нас, честный отче, да будет».

И продолжал он жизнь свою в послушании братии, помогая всем в необходимых работах, и много трудился он. За его великое смирение все любили его и удивлялись ему. Днем он служил братии в ее телесных потребностях, ночь же проводил в молитвах и имел часто целонощное стояние, и казалось, что он был как бы бесплотен или имел особое крепчайшее тело, как бы одушевленного истукана. Он умерщвлял свою плоть возлежанием на земле и непрерывным коленапреклонением. Лишь хлеб и воду вкушал он и то помалу, изнуря цвет юности, зимою же он мерз, довольствуясь худой и много раз заплатанной одеждой, только бы плоть была прикрыта. Так творя, он являлся для тела своего немилостивым врагом. Дивились игумен и вся братия таковому рвению его и благой перемене, он же на редкость возлюбил усердное шествие по жестокому пути.

О втором приходе блаженного ко игумену. Спустя некоторое время снова пришел блаженный к игумену и, припав к ногам его, просил, чтобы тот помолился, благословил и отпустил его. Видя смирение и умиление блаженного, игумен прозрел, что благодать Божия явилась на нем, принял его моление и сказал: «Бог да благословит тебя, чадо; что Богу угодно, то и будет, куда Бог хочет, туда ты и влечешься».

Получив от игумена благословение, блаженный Александр наполнился радостью и обильные слезы лились из его глаз. Усердно помолившись Всемилоствому Спасу и

Пречистой Богоматери, ушел он из монастыря, ничего не взяв с собою, кроме необходимой одежды и малого количества хлеба немощи ради телесной. С помощью Божией пустился он в путь, несколько дней плыл озерами и реками и достиг Каргополя. Оттуда же он отправился в селение, называемое Слобода, чтобы посмотреть, как живут родители его. И пришел он в дом отца своего. Когда Никифор увидел сына в таком печальном положении, ибо лицо его изменилось от тяжкого труда воздержания, обнял его и горько заплакал. Немного успокоившись, сел он. И стал Никифор рассказывать сыну своему, как переселился в Каргополь, как нашел он место и ходил в Новгород и грамоту слободскую взял у боярина и как они поселились здесь. «Теперь мы, благодаря Бога, живем по своей воле и насилия никто не творит нам, так что я уже забыл прежние свои скорби».

Стал и Александр рассказывать отцу своему: «Я же, отче, когда услышал, что вы ушли в дальнюю сторону, так опечалился, что даже хлеба не мог вкушать без слез».

Пробыв у отца недолгое время, Александр снова захотел возвратиться в обитель. Никифор же стал увещать Христова слугу: «Чадо Александр, пойдти на ту сторону реки нашей и поселись там и твори, что тебе надо на потребу и на спасение души твоей. А если Господь захочет, ты воздвигнешь и храм Божий и потом устроишь монастырь. Место же то пригодно к построению монастыря. Только не разлучайся с нами, родителями своими. А когда мы умрем и ты похоронишь тела наши, тогда снова возвращайся в монастырь свой или делай, что захочешь. Если ты пойдешь в монастырь, то один спасешься, а здесь, если Бог повелит, многие души приведешь ко Христу и спасешь. Подумай сам с собою, чадо, какая мзда больше, та или эта – спасти себя одного или же с собою многочисленную братию».

Услышав от отца своего такие слова, Александр умилился, подумал и сказал: «Пойду и посмотрю то место. Если будет воля Господня, может Бог и дело сотворит». И вот однажды блаженный Александр, вставши утром и взявши с собою старшего брата, пошел с ним на ту сторону реки Онеги. Много места обошли они и пришли на некое место, как бы Богом наставляемые. И увидел Александр, что место то пригодно к построению монастыря. Вокруг него повсюду были болота и дебри непроходимые. И возлюбил сие место преподобный и поставил там крест, который носил с собою. И преклонил колена Александр и молился Господу, чтобы Он благословил место будущей обители и помог создать ее во имя святителя Николая чудотворца.

Помолившись, они сели, и тотчас блаженный задремал и уснул легким сном. И слышит он глас, называющий его по имени: «Александр, угодник Мой! Вот Я приготовил тебе место, куда ты ныне пришел сам, без зова. Сотвори себе пребывание, живи здесь и спаси душу свою. И будет тебе покой во веки веков и через тебя многие получают спасение».

Тотчас Александр проснулся, но никого не увидел. От голоса же того исполнился он великой радости, изумился Божию посещению и тому неизреченному призыву и сказал себе: «Отныне, Господи, даю обет пребывать мне здесь все дни жизни моей. Пойду в монастырь свой, и, взяв от игумена благословение, возвращусь на место сие. Здесь мне будет во веки веков покой. Здесь поселюсь я, как пожелал Господь». И пошел он с братом в родительский дом, радуясь и удивляясь, что нашел, чего желал. Дома поставили им трапезу, и они насытились. Видя сына своего веселым и любовно беседующим, отец стал его спрашивать, пригодно ли то место к построению монастыря. «Весьма пригодно, отче, – сказал Александр, – и если воля Господня будет, обещаюсь жить на месте том».

Видя усердие сына своего и любовь ко Господу, Никифор стал его еще более уговаривать: «Вот что скажу тебе, чадо. Место, которое ты видел, кажется мне, не простое, но некая благодать Божия воссияет на нем. Не я один, но и многие поселяне, живущие близко к месту тому, слышали иногда звон, иногда голоса поющих, иногда же видели некий луч, озаряющий место то. Ты же, чадо, приди на то место, куда ты позван Богом, воздвигни там церковь и поставь там монастырь, и с Божией помощью собери братию. Я же с радостью буду работать Богу на построение обители Его, сколько сил моих хватит помочь тебе. Не забудь, чадо, обета своего!»

Александр клятвенно подтвердил отцу своему, что не преступит обета, если Господь пожелает. И решили они, что Александр спустя некоторое время пришлет отцу письмо с поручением нанять рабочих, чтобы они приготовили лес на создание церкви, на поставление келлий и на устройство монастыря. Пробыв неделю у своих родителей, блаженный возвратился в монастырь.

О приходе блаженного в монастырь. По прибытии в монастырь блаженный идет к игумену и просит у него прощение за долгое отсутствие. Игумен же, зная доброе житие его и добронравие, не упрекал его и не поставил его в новоначальные, но, благословив, принял с любовью и устроил его клириком. Блаженный достиг высшего чина, добродетели стяжал, показал великое усердие и всех препобедил смирением.

Это воспоминал он всякий день и от того явилось у него великое умиление, и о исходе души имел он постоянное попечение, и источники слез изливались из очей его.

Когда блаженный пробыл в том чину некоторое время, игумен, по совету с братией, сподобил его священного сана. Приняв сан священнический, блаженный в чистоте душевной служил, принося жертву Богу. Служил он по неделям, как и прочие священники; когда же был свободен, то уходил работать в поварню или хлебню и много помогал братии в ее службах. Не знал он совершенно лени и не превознесся мыслью ради сана священнического. Не уподобился оному ленивому рабу, не скрыл в земле дарованного ему таланта, но пожелал принести прикуп сторицею. Так жил он, служа Пречистым Тайнам, повинуюсь во всем настоятелю.

Послал он письмо отцу своему, чтобы тот велел готовить лес на сооружение церкви и на поставление келлий.

О третьем приходе Александра ко игумену. Спустя несколько времени, блаженный снова пришел к игумену и просил благословения и отпуска с молитвою, чтобы идти на вышеупомянутое место. Игумен же не захотел сотворить по желанию его: «Чадо, не нарушай обета своего, как ты обещался терпеть здесь даже до последнего вздоха».

Блаженный стал горячо просить игумена и с умилением и со слезами рассказал ему все по порядку: как его звал на то место чудесный голос и как он обещался и поклялся сдержать обет, как отец рассказывал ему о слышанном звоне и поющих голосах. Видя его стремление к Богу, игумен не просто отпустил его, но послал с ним брата некоего, искусного инок, хорошо знающего чин монастырский. Благословил он их и отпустил с молитвой, дав блаженному на утверждение Непобедимую Помощницу – образ Пречистой Богородицы, зовемый Одигитрия, с Предвечным Младенцем на руках, и другую икону – образ святителя Николая чудотворца. Образа эти стоят в обители и донныне, Богом соблюдаемые в притворе, над гробом преподобного отца нашего Александра, на глазах у всех.

Приняв от игумена благословение, блаженный и другой инок взяли необходимое для пути и отправились. Дойдя до некоего селения, по прозванию Короткое, сели здесь в насад и отплыли в Каргополь. Наконец, прибыли они в селение Слободу, в жилище родителей Александра. Родители обрадовались приходу блаженного, он же обрадовался свиданию с родителями своими. Поставили путникам трапезу, чтобы они напитались и потом отдохнули с дороги, ибо уже был вечер.

На другой день блаженный встал рано утром; было это осенью, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Тотчас пошел он на вышеупомянутое место, поставил там навес, сделал киот и поместил в нем образ Пречистой Богородицы Одигитрии и икону святого Николая чудотворца, и, упавши на землю, молился Богоматери, прося заступления от козней диавольских и спасения для него, желающего работать и молиться на сем месте. Окончив молитву, блаженный обошел место и измерил. Нанял он работников и начал ставить келлию.

И скоро построили ее, Божией благодатью, и стал он жить в ней в трудах и во бдениях, молясь Богу. Затем он нанял работников церковь рубить и строить. Отца своего Никифора приставил он к делу нарядчиком и надзирателем, а сам собрался в Великий Новгород и позвал с собою пришедшего с ним старца. Брат тот не отказал ему, и так пошли они в путь,

захватив необходимое. Путь этот посуху и по водам был благоприятен для святого, и через недолгое время прибыл он в славный Новгород.

О приходе преподобного к архиепископу. Пришел блаженный к архиепископу Ионе и, поклонившись ему до земли, объяснил цель своего прихода. И сказал: «Владыко святой! В Каргопольской области, над рекою Чурьягою, есть волостка, Слобода по прозванию, на той же стороне реки есть место, пригодное к построению монастыря. И если Бог пожелает и твое благословение будет, то мы там и храм воздвигнем. Повели, владыко, дать антиминос на освящение церкви. А потом Бог поможет твоими святыми молитвами, составим пустынь или устроим монастырь. Благослови меня быть там игуменом».

Архиепископ благословил его, велел ему сесть и начал подробно наедине вопрошать его о Божественном Писании и о прочих вещах, о пострижении и пребывании его и о том, достанет ли земли на устройство монастыря. Александр поведал ему о себе все. Архиепископ же убедился по виду и по прозрению разума и смысла его, что он – раб Божий, посвятил его в сан иерея и поставил его игуменом богосозданной обители, Ошевнева монастыря, который так и прозвался. И дал архиепископ игумену Александру что следует на монастырскую потребу и грамоту игуменскую настольную и велел выдать на освящение церкви антиминос и, благословив, отпустил его с миром. Игумен же принял от архиепископа благословение и удалился.

О приходе игумена Александра к боярыне Анастасии. И пришел Александр к боярыне Анастасии, жене Иоанна, и к сыну ее Георгию. Видя, что Александр старец искусный, тихий лицом и смиренный взором, она не сочла его простым человеком, но встав, поклонилась ему и сказала: «Благослови, отче!»

Игумен благословил ее, она же пригласила его сесть и стала расспрашивать: «Откуда, отче, и зачем пришел ты к нам и что ты желаешь от нас?» И начал говорить ей игумен тихо и смиренно: «Слышал я о тебе, государыня, боголюбивая жена, боярыня Анастасия, что имя твое славно среди людей, добродетельного ради жития, и что великую веру имеешь ко Господу Богу и ко святым Его. Пришел же я возвестить тебе следующее. Я грешный чернец, именем Александр, саном игумен, с Онеги реки, как зовется у вас, из Заволочья, Каргопольской области. И есть в вашей области над рекою Чурьягою волостка, зовемая Слобода, а на той стороне реки есть место, пригодное к построению монастыря. Если воля Господня будет и твоя вера к Богу, повели нам воздвигнуть церковь во имя великого чудотворца Николая и монастырь построить. Дай земли для построения монастыря, и ты примешь от Бога мзду великую, и мы с тобою получим малую часть, по своему труду».

Услышав эти слова от игумена, боярыня, воистину имевшая великую веру к Богу и ко святым Его, тотчас встала; упав на землю перед образом Спаса и Пречистой Его Матери, усердно помолилась. Потом обратилась она к игумену и, весело и умильно взглянув на него, низко поклонилась ему и с чувством сказала: «Отче! Благословенны Богом уста твои, ибо такую весть принес ты мне и такие слова сказал мне. Я не считаю тебя за странника и за пришельца, но, думаю, что ты послан Богом посетить мое смирение. И ныне, отче, обнимаю и целую ноги твои. Господь Бог изочтет стопы твои и по твоему труду воздаст тебе».

Умиленный словами боярыни, отвечал ей игумен: «Встань, государыня, я уже потерял ум, стоя и дивясь мудрым словам твоим и вещанию сладких речей твоих. И в ответ на это могу лишь сказать, что не считаю тебя за обыкновенную женщину, но за мужественного мужа или за мудрого философа. Я же человек грешный, и недостойн слышать такие слова, которые ты мне говорила».

Она прекратила эти похвалы и сказала преподобному: «Приими, что ты просил, я же дам на монастырь, сколько тебе угодно будет. Если ты хочешь, всю волостку я дам тебе».

Александр, подумав, сказал про себя: «Если я попрошу для обители всю волостку, то обижу родителей своих и братьев, вознегодуют они и уйдут прочь».

И сказал он боярыне: «Дай мне, государыня земли, сколько потребуется для монастырского строения, и угодя на реке, заливных лугов для сенокосов. А устроит Бог монастырь. Бог его и пропитает. Волосткою же владей сама».

И сказала Анастасия: «Посоветовавшись с сыном, велю я, отче, написать грамоты, какие тебе угодно, и дам их тебе».

И воздала она игумену достойную честь, и во все дни питала его различными яствами и питиями вдоволь. Немного времени спустя Анастасия призвала игумена и дала ему четыре грамоты. В этих грамотах говорилось о пожертвовании земли и леса на построение обители, о праве селить крестьян на пожертвованной земле, монастырском земледелии в лесных участках, наконец, о пожертвовании монастырю деревни Лисицынской. Одарив игумена и старца, с ним пришедшего, Анастасия отпустила их. Игумен поклонился соборной церкви Святой Софии и прочим святым церквям новгородским и ушел восвояси. Благодарью Христовою благополучно достигли они обители. Пошел игумен к отцу своему, и рад был Никифор возвращению его. Трижды они облобызались, вошли в дом и сели. И стал Александр рассказывать отцу своему по порядку о своем пребывании в Новгороде. По благодати Божией построили они церковь и трапезу на собрание братии. И освятил игумен церковь во имя чудотворца Николая. И так жил он, проводя постническое житие и прилежало великому воздержанию, всенощному бдению и молитве. Кто может поведать, какое исправление показал сей добрый муж! Много напастей претерпел он от бесов, много пота пролил он в трудах и заботах о составлении монастыря, делая потребное для монастыря своими руками.

Прошло немного времени, и брат тот, который пришел с ним, видя его великие труды и страдания, великое воздержание, суровую жизнь и не имея отдыха в работе, не мог перенести такого труда. К тому же место было неустроено, пустынно и непроходимо и приближалась зима. И захотел тот брат удалиться. Преподобный весьма этим опечалился, но никак не мог его уговорить. И дали они друг другу целование о Христе, испросили каждый себе мир и благословение, и, сотворив молитву, брат пошел в путь свой.

Об уединении преподобного Александра. В полном одиночестве остался преподобный Александр на месте том.

Жил он во плоти, подобясь Ангелам. О его добродетельном житии пронеслась всюду молва. Многие горячо желали сожителем с ним и слушать из уст его слово спасения. Любящих Бога и жаждущих наставления он поучал не только словами, но и делами.

Наступила весна, и процвело место подвигов преподобного Александра, а вместе с тем подвижник должен был устраивать место своего поселения. Отягчал он себя трудами, посекая деревья и собирая хворост, пожигая его огнем и готовя нивы, удобряя и умягчая землю и приготавливая ее к посеву. Так он усиленно подвизался, работая своими руками. От труда своего кормил он нищих и странников и нуждающимся подавал неоскудно, и всего им было вдоволь. Так начала устраиваться Ошевенская обитель преподобного Александра.

О приходе братии к преподобному. Из окрестных областей стали приходиться к преподобному иереи и диаконы для священнодействия, клирики и иноки, странники и пришельцы. Приходили они по одному, но два, по три, желая жить с ним в ревности к добродетельному его житию и исправлению. Преподобный же Александр, точно чадолюбивый отец, всех принимал с радостью, любовно утешал и давал им телесный покой. Они же во всем повиновались ему, видя чудное его житие. И начали келлии ставить по чину, поварню, хлебню и иные здания, необходимые братии в устроенном монастыре. Все они имели в изобилии и по чину уставному: а чин положили они в монастыре весьма изрядно, по типу иерусалимскому. Прежде всего украсили церковь иконами и книгами. Затем он поставил братию по службам, сначала уставщика, потом пономаря и келаря и казначея, иного в хлебню, другого в поварню. И весь чин монастырский устроил чудный отец наш – трапезу всем равную, одеяние и обувь, пищу и питье. И заповедал преподобный, чтобы ничего не звали своим, но все бы имели общим, согласно апостолу; в церкви бы никто не разговаривал друг с другом, но все бы молчали, пребывая в своем чине. Также поклонение Святому Евангелию и святым иконам соблюдали они по уставу и по старшинству шли на места и к трапезе; за трапезою сидели каждый на своем месте в безмолвии, и никого не было слышно, кроме одного чтеца. Вставши же от трапезы, расходились по своим келлиям в

молчании, благодаря Бога. И в келлиях они не пребывали праздными, но каждый имел свое попечение о келейном правиле и о рукоделии. Во время пения все находились в церкви, идя же на дело монастырское или куда бы то ни было, святой игумен заповедал братии всегда во устах иметь псалом Давидов или молитву Иисусову; тем и дело благословится и душа освятится. И не было среди них никакого празднословия; «при встречах же ваших, – указал игумен, – поклоняйтесь брат брату, как прилично монахам; по вечерней молитве не творите никакой беседы».

Так учил он, говоря им: «Братие, на что вы вышли, над тем и работайте, ибо всякий час подобает нам бодрствовать о часе смертном, ужасаться и трепетать огня вечного».

И утешал он их, говоря: «Чада, пусть не утешит вас мысль, что место наше пустынное и трудное; ибо вы знаете, что нам подобает скорбями внити в Царство Небесное. Вот средства спасения: пощение, молитва от чистого сердца, смирение ко всем, любовь по Бозе нелицемерная, милостыня к нищим, посещение странных и заключенных в темницах».

И еще говорил им преподобный, понуждая их к благоразумию: «Молю вас, братие, попечемся о спасении душ наших, отступим от путей лукавых, которые суть сии: любодеяние, воровство, клевета, пьянство, объедение, братоненавидение; от всего этого, братие, уклонимся, и сим возгнушаемся, не оскверним души своей, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в жизнь вечную. Покаемся во грехах своих: покаяние же есть путь, ведущий к Небесному Царствию, оно ключ к сему Царствию, и без него нельзя войти туда: покаяние есть путь, вводящий в рай. Сего пути, братие, будем держаться, по нему направим стопы наши, к тому пути не приближается змий лукавый, шествие по тому пути скорбно ныне, но конец его полон радости и утешения. Обратимся же, братие, скорее к подвигам, чтобы получить те блага и избежать всего, что должно случиться с ленивыми и нераскаянно живущими».

Так творил и учил братию святой наставник их, они же подобно тому, как многоплодная земля приемлет семена, принимали слово его, принося трудов своих плоды Богу, один сторицею, другой в шестьдесят раз, иной в тридцать, каждый по мере дарования Божия и своих трудов.

Мы же, прочитав сие, оставим и в дальнейшем писании найдем еще полезнее писанного.

О приходящих к преподобному людям пользы ради и о приносящих. Когда все так совершалось, во все стороны области той распространилась слава о нем, как легкокрылая. Имя Александра произносилось повсюду, и всюду прославлялось житие его, так как Бог прославил угодника Своего. И стали приходить к нему христоролюбивые мужи из многих мест: одни – желая получить благословение, другие – за молитвой, иные – намереваясь спросить его о каком-либо своем недоразумении или трудном деле. У каждого была своя забота. Преподобный поучал всех от святых Писаний, наказуя душеполезными словами и духовными беседами. И было видно всем, что за человек был он – смиренный, незлобивый, рассудительный. Бог подал ему дар слова и отвержение устам. Уста его исполнены были разума, и все он мог сказать им и каждому вопросу давал разрешение. Всех уговаривал он с любовью, утешал и благословлял. Никого не отпускал неудовлетворенным. И все радостно благодарили Бога и с веселием возвращались в дома свои. И дивились речам его, благодати Божией, исходящей из уст его, и чудному разуму его, и премудрому рассуждению. И говорили про себя: «люди эти живут по Божьему и могут печального утешить». Все более и более отовсюду приходили к блаженному: одни – принося нечто на устройство монастырское, другие же – присылая милостыню от достатков своих на утешение братии. Преподобный видел в этом благу волю Божию, с благодарностью принимал он то, что приносили, как Богом посланное, и о всех приносящих молил Бога. Посещали его родители, братья и родственники его и приносили необходимое. Он же благодарил Бога за то, что Господь сподобил его принять милостыню от родных своих.

О том, как преподобный постриг двух родственников своих. Было у преподобного два родственника, которые имели к нему великую веру. Один – сын старшего его брата Амвросия, Никон именем, другой же – Лукианов сын, Петр. Чаше других приходили они к

нему. Преподобный мало-помалу начал увещать их душеполезными словами и духовными беседами, поучая от святых Писаний, чтобы они оставили мир, разлучились с родителями, восприяли иноческое житие и, возлюбив ангельское пребывание, соединились с Богом и Того Единого возлюбили, Ему Единому работали и волю Его творили. Так говорил он часто; они же, в сладость наслушавшись речей и поучений его, вняли им и послушались повеления его. Преподобный же постриг их и нарек Никона Никифором, и Петра – Порфирием, и поставил Никифора келарем, а Порфирия – пономарем.

Услышавши о пострижении детей своих, родители весьма вознегодовали. Старший брат преподобного, Амвросий, человек мужественный и буйный, будучи вооружен диаволом против преподобного, желая смутить его покой, сказал брату своему Лукиану: «Пойдем в монастырь, сломаем замки, рассечем двери и возьмем детей своих. Что нам сделать со злодеем нашим чернецом Александром? Мы к нему относились, как к отцу, и почитали, как господина, он же причинил нам зло, отлучая от нас детей наших и постригая. Что печальнее той скорби, какую испытывают родители о детях своих, что тяжелее той беды, какую является жалостная сия разлука с детьми нашими! Не желая держать у себя чернецами пришлых странников, так как они не могут переносить страды его и постоянных тяжких трудов и уходят, ныне он хочет нашими детьми наполнить монастырь». И взяв топор, Амвросий быстро пошел. Брат же его Лукиан, человек смиренный, бросился за ним и стал его уговаривать тихими словами и смиренными речами: «Брат, оставь это, – говорил он, – ибо так пожелал Господь, и чада наши по своему желанию пришли к нему. Он же не насильно постриг их, но сотворил по их воле».

Но Амвросий еще более разъярился и, подойдя к келлии преподобного, стал говорить некие оскорбительные речи, которых не следует ни произносить, ни слушать. Блаженный же, молясь Богу, пребывал в келлии своей и ничего не отвечал, не убоился он, не утрастился, не смутился. Лукиан же еще более стал увещевать брата своего Амвросия: «Брат, как ты не побоялся Бога и не постыдился святости мужа сего! Если мы обидим столь святого мужа, который показал такие труды, церковь поставил и монастырь устроил, он, не стерпев нашего поношения, уйдет прочь, и ты примешь проклятие, а не благословение. Какое осуждение примем мы от Бога, и от людей великий срам будет нам! Начнут говорить: если они такового святого мужа изгнали, к тому же и брата родного, то кто может жить у них, пришлых странников, и терпеть их суровость и несогласие. Бог созидает и собирает, а ты один хочешь разорить. Не спорь с Богом. Попросим прощения и благословения и пойдем домой».

Амвросий молчал, не зная, что сказать. Преподобный же Александр вышел перед сени келлии своей и сказал: «Люди, что вы смущаетесь о детях ваших? Никому не было пользы от детей ваших, ныне же они – слуги Божии». И возвратился в келлию свою. Амвросий устыдился святости мужа и смиренных слов преподобного, умилился и, вздохнув из глубины сердца, сказал: «Горе мне, грешному! Днем или утром, а конец будет, я же успеваю все в горших грехах».

И придя к келлии преподобного с великим молчанием, стал просить прощения и благословения. Преподобный безо всяких упреков дал прощение. И ушли они домой, славя Бога, а детей своих оставили на Божией воле.

О преставлении родителей блаженного и о ненависти родственников. Немного времени спустя скончался отец преподобного, уснул с миром о Господе. В короткое время преставилась и мать его. Преподобный похоронил тела родителей своих, отпел надгробные псалмы и, с песнопениями духовными проводив их, персть отдал персти и помолился над ними. Когда родители его преставились от жития, преподобный еще сильнее сознал, что он смертен, и стал он совершать еще большие подвиги и увеличивал труды свои, и придерживался он изнурительного воздержания, стараясь всяким образом соблюсти себя чистым и отразить всякую дурную мысль. Видя великие труды его и воздержание, братия говорили между собою, что не могут переносить такого жестокого жития. И прочь уходили, иные же, придя в обитель, жили в ней недолго и снова уходили, и мало было тех, кто

претерпел с ним таковые труды. Испытывая стеснение и боясь, как бы святой не изгнал их от места того, бесы, видя его чудную борьбу с ними, грозили святому: «Уйди с места сего, а то мучительно умрешь здесь!»

Много неизреченного перенес он от досаждения бесовского! И сказать о том невозможно. Святой же, вооружившись молитвою, не убоился и не утрашился козней их, ни свирепого лаяния их. Видя некрепкую их силу, постоянно рвущуюся подобно паутине благодатью Христовой, продолжал он пребывание свое невредимо от них. Подобно пламени исходила молитва из уст святого и тотчас попаляла бесов и заставляла их исчезнуть. Видя себя поругаемым и гонимым, диавол придумал иную лукавую кознь, которую и сотворил, чтобы смутить святого. И внушил злодей враг родственникам святого ненависть к нему. Сначала они начали стыдиться святого и удаляться от него. Он же, почувствовав перемену в любви их, стал прилежнее посещать их, и учил и наставлял их, как отец – своих детей. Они же, будучи юными, не подозревали сетей диавольских и не принимали наставлений святого, но еще более стали ненавидеть и не слушаться его, а также зачастую и прекословить. И говорили они между собою: «Мы молоды и не можем переносить такой страды».

И, посоветовавшись между собою, ушли прочь, неизвестно куда. Преподобный Александр весьма опечалился и огорчился удалением своих родственников. Начал он плакать и рыдать, не мог ни говорить, ни вкушать пищи. Когда наступила ночь, преподобный стал на молитву и просил Господа укрепить в борьбе с диаволом и посрамленным прогнать его. Молился до утра и рыдал. И вдруг услышал он голоса множества бесов; со скрежетом зубов говорили они: «Одолел ты нас Христовой благодатью и своим терпением!» И пропали без вести, и потом не было ему пакости от бесов, и остался он невредимым, сохраняемый непобедимой силой Божией.

Как преподобный впал в недуг и получил исцеление от явившегося Кирилла чудотворца. Спустя немного времени преподобного постигла болезнь, и была она очень тяжела. Все члены тела его ослабли, не мог он ни головы поднять, ни руку протянуть, ни ногой двинуть, ни уста открыть, ни языком сказать. Так он сильно страдал и не мог ни пить, ни есть, ни сколько-нибудь уснуть. Всеведущий же Бог не пожелал видеть долгих страданий угодника Своего. И послал Бог благую мысль в сердце его. Подумал он и сказал: «Сколько чудес творит Бог через отца нашего Кирилла! Может быть, он и надо мною умилосердится и умолит Господа Бога и Пречистую Богоматерь, чтобы облегчил Бог болезнь мою и подал мне здравие, его молитвами».

Через короткое время преподобный впал как бы в исступление и видит, что пришел к нему светолепный старец, украшенный сединами, в белых ризах, с крестом в руке. «И как только увидал я святого, – рассказывал преподобный, – узнал его по образу писанному, ибо в живых не видел я его», и стал он со слезами молиться ему: «Отче Кирилле, избавь меня от болезни сей».

Святой же осенил его крестом, который держал в руке, и сказал: «Не скорби больше, брат, ибо я буду молить Бога и Пречистую Его Матерь, чтобы ты исцелился. Но не забудь обета своего, как ты обещался не оставлять места сего и своего начинания. Я же буду помощником тебе, вместе молясь о месте сем».

Придя в себя от видения и почувствовав, что болезнь его стала легче и он получил отраду, преподобный возрадовался. Утром он не мог стать на ноги и пошел в церковь, по молитвам и явлению чудотворца Кирилла. И начал он рассказывать всем явление чудотворца, от которого получил исцеление. Услышав о бывшем посещении святого Кирилла и видя отца своего игумена здоровым, вся братия уразумели Божие дело в том, что великая болезнь столь скоро переменилась на здравие и в короткое время исцелился тяжкий недуг. И прославили они Бога, Пречистую Его Матерь и святого Кирилла.

Раб же Божий Александр пребывал во многих трудах и воздержании, имел в себе память смертную и наставлял себя на подвиги, плача по душе своей, как по мертвецу. Так проводил он свою жизнь благочестно и в добром исповедании, никогда не оставляя своих трудов и

славословия Божия, но для Господа изнурял себя и оставил добрый пример жившим там инокам.

О преставлении преподобного Александра. И уразумел преподобный отхождение свое ко Господу и ни о чем уже не мог возвестить, кроме смерти. Видя приближение своего конца, он призвал всю братию, сколько их было тогда, и сказал им: «Братия и чада! Вот что поведаю я вам: уже отхожу от света сего. Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя, и страх и трепет суда Божия прииде на мя, и покры мя тьма недоумения. Вот что скажу я вам: некое искушение пошлет на вас Бог по моем отшествии; много будет приходиться к вам пришельцев и странников, желающих жить с вами. Назовутся они иереями, пастырями и учителями, также клириками и иноками, и обещают собрать и наполнить монастырь, обманывая лживыми речами, как сказал пророк: языки своими льщаху, и яд аспидов под устнами их. Игумены же и иереи не как пастыри и наставники будут, но как волки, расхищающие и распугивающие братию, они озлобят и опечалят. Также клирики и иноки не только не будут собирать и восполнять, но как тати и хищники, как бы сговорившись заодно, начнут разорять, расточать и разносить, один – книги, другой – ризы церковные, иной одежду и обувь и прочие вещи. Беря и грабя, недолго пожив в обители, будут они уходить и уносить, как бы никем не сохраняемое и необерегаемое, ни смерти не боясь, ни ожидая суда Божия, по которому им место будет в негасимом огне, и они получают геенну огненную вместо корысти. Вы же пребудьте, терпя скорби и напасти, во искушении Господнем, ожидая от Него воздаяния, как сказал Господь во Евангелии: претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22).

Братия же стояли, проливая слезы и горько рыдая, и говорили: «Молим тебя, отче, не оставь нас сырых по твоем отшествии. Ибо ты отец наш, в тленной жизни сей заботился о смирении нашем. Кто же будет нам наставником и вождем ко спасению?»

Блаженный же сказал им: «Чада мои, отходя от вас, я передаю вас Всемогущему Богу и Пречистой Его Матери. Он будет вам прибежище и стена от сетей вражиих. И молитвенника к Господу Богу вы имеете у себя, великого чудотворца Николая, и всех святых. Терпите на месте сем лютые скорби, как ранее говорил я вам, пока Господь не посетит вас. Тогда Он все соберет, соединит и восполнит. О будущем игумене также возложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу. И когда Господь посетит вас, тогда пошлет обители сей и строителя, игумена и наставника всей братии, о Боге собранной. Но смотрите, братие, чтобы ничто не отменил он из законов монастырских, из постановлений святых апостолов и пророков, святых Вселенских Соборов, что имеет церковь Божия в пении соборном, на трапезе и весь чин монастырский и обычай, установленный о Боге нашим смирением. И Господь Бог направит стопы ваши к исполнению заповедей Его, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы, всех святых и чудотворца Николая. И Господь наш Иисус Христос да сохранит вас и утвердит вас в любви Своей. Я же, если телесно отхожу от вас, но духовно с вами неотступно пребуду. И узнаете по тому: если я обрету благодать перед Богом, то обитель сия по моем отшествии еще более умножится, распространится, всем обилием духовным наполнится, множество братии о Христе соберется в духовной любви, и в средствах пропитания не будет у вас скудости. Только любовь храните между собой. А если кто будет с чем-нибудь нарушать общее житие и чин, не повиноваться игумену, перекоряться с братьями, вы такого ропотника и крамольника изгоните из монастыря, чтобы и прочие братия убоялись делать подобное».

Так поучив их довольно, отпустил он их и, призвав к себе брата своего по плоти Леонтия, сказал ему: «Вот уже приблизился конец жизни моей. Оставляю тебе последнюю волю: заботься об обители сей, пока ты живешь в мире. Когда же останешься ты один, по смерти жены своей, удалишься от мира и в обители будешь, тогда прояви еще большую заботу и труды».

И благословив, отпустил его. Затем снова призвал братию. И вся братия пришли к нему, целовали его со слезами и умилением и просили у него последнего благословения. А он,

как отец любящий, облобызал всех, дал последнее прощение и у всех просил прощения. Одарив их молитвами и осенив благословением, в тот самый час, когда хотел разрешиться от телесного союза, причастился он Святых Животворящих Таин Христа Бога нашего и, воздвигнув руки горе, осенил все животворящим крестом, перекрестил лице свое и сказал: «Мир всем. О, Владыко Человеколюбче, сподоби меня одесную Тебя стать, когда воссядешь во славе Своей судить живым и мертвым и воздати каждому по делам его».

И сказав последнее слово: «Господи, в руке Твои предаю дух мой», предал Господу с молитвою чистую и священную свою душу. Жил же преподобный всего 52 года и пять недель. Ростом он был средний, выражение лица имел умильное, лик сухощавый, очи веселые, борода у него была невелика и не особенно густая, волосы русые, наполовину седые. Преставился он в 1479 году, месяца апреля в 20 день, во вторник второй седмицы по Пасхе.

Собрались вся братия, положили на одре честное и трудолюбное тело его; псалмопением и надгробными песнями провожали его ученики, плача и рыдая, сокрушались и изливали слез источники, лишившись своего наставника и не терпя разлучения с отцом своим. И если бы воля Господня была, то тогда они умерли бы с ним. Лице его просияло, не было на нем ни черноты, ни смуглости, как обычно бывает у умерших, но оно было таким, как бы он уснул, показуя тем духовную его чистоту и мздовоздаяние от Бога за труды его. Погребен он был братиею честно, с кадилами и со свечами. Честное и трудолюбивое тело его положили в созданном им монастыре, по правую сторону от алтаря, где оно покоится и донныне.

От гроба же святого исходит здравие: слепым – прозрение, бесов изгнание, расслабленным – укрепление, согбенным рукам и ногам – распрямление, хромым – хождение, немым – дар слова, от всех болезней подает он исцеление, нищих обогащает, малоимущим дает достаток и почет; всем дарует он полезное, и не только через приближение к раке его, но и кто где бы то ни было имя его призовет с верою, здравие получает, всякую необходимую просьбу исполняет он. Так творит он посредством чудес своих, совершая дело, достойное своего именованья. Распявшись миру, с миром к мирному Богу отошел он, возшел к присно славимому Владыке, украшаясь уготованным ему у Господа венцем, сподобился Христа видеть и со Христом пребывать всегда, о Христовой доброте радоваться. Перешел он в страну живых, где раздается глас празднующих и где находятя жилища радующихся.

Посмотрим на добродетели жития и премудрости древле просиявших святых, и что воистину ничем не был он скуден в житии, сравнительно с житием прежде угодивших святых отцов, и сей преподобный Александр, общего жития правитель, который в пустыне церковь воздвиг и общее житие составил, разве не стяжал он доброе о себе мнение, не получил от Бога даров исцеления и чудес? Как и ранее прославлены были святые, так и его Бог прославил и сотворил знаменитым по всей земле. Неужели же мы не похвалим того, кого прославил Бог в последние роды наши, даровав нам также о светильника и чудотворца во славу земли нашей Онежской, северной дальней страны?

Ты же, отче, успешно скончав течение постническое и по кончине получив воздаяние трудам своим, ясно просвещаемый зарями Святой Троицы и наслаждаясь неизреченной Божественной благодатью, поминай детей своих и сохраняй учеников своих, призывающих же тебя и припадающих к чудотворному гробу твоему прошение молитвенное исполняй и постоянно защищай их. Моли о нас, преподобный, чтобы твоими молитвами Господь Бог даровал нам грехов оставление. Ты знаешь немощь нашу и леность, знаешь ты и лукавого навет на нас и озлобление, знаешь ты, как естество наше легко соблазняется и быстро склоняется ко злу. Посему просим твоей помощи и заступления молитвенного пред Богом. Ревностно молясь, моли о нас Господа Бога и Пречистую Его Матерь как чадолюбивый отец, чтобы мы постоянно сохранялись от видимых и невидимых врагов и творили Ему угодное, чтобы Господь наставил нас и укрепил, сотворил нас подвижнейшими к исполнению Его Божественных заповедей, подал нам изобильно все благое и полезное,

чтобы мы получили покой и мир, пребывая безмолвно в житии сем, и могли бы исполнить всякую добродетель, освободиться будущих мук и получить вечные блага о Христе Иисусе Господе нашем.

О расхищении пришельцами вещей монастырских. Прошло некоторое время по преставлении преподобного отца нашего Александра, и явились многие раздорники и крамольники, пришлые странники, иереи, диаконы, клирики и иноки. Недолго пробыв в монастыре, они уходили, взяв что-нибудь или ограбив, и так уносили – одни книги, другой ризы церковные, иной одежду и обувь и другие вещи, видя, что все это никем не хранимо и не соблюдается. Не убоялись они суда Божия, не утрашили вечных мук и, если даже знали Священное Писание, то поступали хуже неверных. Ибо многие и из язычников спасаются, а эти, хоть и знают заповеди Божии, но будут осуждены без милости, ибо, если кто чужое восхищает неправдою, то вместе с сим и свое теряет, иной же и жизни лишится внезапно. Так и эти все, забывши обо всем, ушли и разнесли похищенное, разграбивши все, подобно татям и разбойникам, братию же оставили в негодовании, скорби и сетовании, так как они лишились самого необходимого. Оставшись во многом сетовании голодными, жаждущими и нагими, братия разошлись, и только пять из них остались на месте том, но и те были весьма стары годами или больны. Видя, что место то никто не оберегает и не хранит, поселяне соседней деревни также соблазнились и стали присваивать уголья монастырские и присоединять их к своим угольям. Пребывая в великом унижении и нужде, иноки дожили до того, что церковь Божия запустела без иерея и место постигло оскудение, так что уже не пахали и не сеяли, но питались только приношениями от христоролюбцев. И так продолжалось, по воле Божией, в течение восьми лет по преставлении преподобного.

О скорби иноков. Иноки же весьма печалились и с плачем и рыданием говорили между собою: «Что делать нам, ибо уже погибаем! Куда мы денемся, что нам есть, пить и во что одеться?»

Был среди них один брат, который ни святым книгам не учился, ни Писания не знал, но был исполнен разума духовного. И стал он увещевать братию такими словами: «Слышали ли вы, братия, что сказал Господь во Святом Евангелии: Не бойся малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам царство (Лк. 12, 32), мы же с Иовом говорим: если мы и получили от Бога благо, то разве не стерпим зла. И еще скажу вам. Когда отец наш и наставник поведал нам о своем ко Господу отхождении, то все это предсказал нам, как придут странники и, расхитив, удалятся, обидят и унижат нас. И велел он нам терпеть на месте том, пока не исполнится последнее пророческое слово святого, что и случилось, по смотрению Божию. Мы же жаловались, говоря: «сам ты, отче, к Богу отходишь, а нас оставляешь сиротами». Он же обещался пребывать с нами духом неотступно. Всему этому мы тогда не вняли. Теперь мы узнали, что все предсказания святого сбылись с нами».

И много говорил старец в утешение: «Потерпим еще немного, не отчаемся в надежде на Бога, но возложим упование наше на Господа и будем надеяться на молитвы отца нашего: не презрит он учеников своих и не оставит нас, детей своих!»

Как восхотел Господь преподобного Александра прославить даром чудес. Восхотел же Бог еще более прославить Своего угодника. Не желал святой славы человеческой ни при жизни, ни по смерти, но крепкая десница Господня прославила его. Не оставлял Господь святые его мощи в забвении, не допустил, чтобы храм великого чудотворца Николая стоял без пения и не оскудело место святых трудов, но, как предсказал преподобный: «Если я обрету благодать перед Богом, то не оскудеет святое место сие, но и больше распространится по отшествию моем». Так и случилось, по строению Вышнего Бога.

О собрании поселян и соединении с иноками и о игумене. Наступил праздник Успения Пресвятой Богородицы, собрались поселяне деревни той и, сколько их ни было, и стали говорить инокам: «Отцы наши! Как это вы пребываете здесь, не имея игумена? И у вас в том великая нужда, так как священника нет. А теперь оставьте место сие. Бог может

и в другом месте пропитать вас. Мы же станем искать себе священника белого, по своему выбору, как это обычно бывает у мирян».

Тот же вышеупомянутый старец имени которого нам не сохранило писание, но известный нам только по слухам, так сказал поселянам: «Лучше нам в голоде и жажде умереть здесь, нежели оставить святое место сие и нарушить поучения и наставления отца нашего, игумена Александра. Надеемся на Господа и на отца нашего Александра, что не оставит Бог святых трудов его. Теперь же, если вы хотите, соединимся воедино. На верховье реки нашей Чурьяги есть храм молебный, называемый часовня, а у храма того живет старец, именем Варлаам, священник саном. И мы теперь позовем его к себе в монастырь жить. Есть также у него сын, по имени Матфей, а ныне у нас служит диаконом. Уговорим его, чтобы он нам был игуменом, а вам священником!»

Послали за старцем Варлаамом и пришел к ним Варлаам, согласно их приглашению. И начали братья говорить ему: «Отец Варлаам, пойди ты к нам в монастырь и живи с нами до дня исхода своего, а сына своего убеди, чтобы был он нам игуменом и отцом духовным, мирянам же – священником, ради нужды их».

Варлаам отвечал: «Я пойду к вам, а сына моего сами уговаривайте, и я с вами».

Призвали дьяка Матфея иноки и в полном согласии с мирянами сказали ему: «Матфей! Ты теперь у нас дьяк, если же Бог изволит и будет твое желание, покажи нам свою любовь, будь нам отец и игумен».

Матфей стал отказываться: «Не мое это дело, не могу понести такого бремени, мал смысл имея и худой разум. И как я, сам еще не научившись, могу других учить, ведь Господь сказал в Евангелии: Врачу, исцелился сам (Лк. 4, 23). Следует прежде себя наставить, а потом незасорно и людей учить. Как я буду называться учителем, когда не могу называться и учеником? Будучи еще юным, как буду называться отцем? Ведь, я еще отрок. Оставьте теперь меня на время».

Случилось тут быть вельможе некоему, который служил ключником у вышеупомянутой боярыни Анастасии, звали его Иоаким Иаковлев. Жил он в селении, называемом Усть-Волга. Он также стал уговаривать Матфея. Матфей же сказал им: «Перестаньте теперь просить, дайте мне подумать о себе, и наутро я вам дам ответ».

Был уже вечер и все разошлись, решивши собраться утром. Наутро собрались снова, и, как накануне, стали увещевать Матфея. Был же у них в то время в том селении Леонтий, брат по плоти преподобного Александра. Больше всех уговаривал он Матфея. Матфей же сказал Леонтию: «Постригись и ты, Леонтий, и устрой монастырь. Тогда и я стану игуменом». И все сказали, что хороша речь сия и благ совет и полезно послушаться этих слов. «Уже ты, Леонтий, проводил свою жену в могилу и ничто не препятствует, детей же своих поручи Богу, доброму строителю».

О явлении трех святых мужей, как видел их Марк земледелец, и о строении монастыря и о Максиме игумене. В то время находился тут житель одной из деревень, родом из селения Усть-Волга, именем Марк, по прозванию Спица, знакомый тому вельможе Иоакиму. Марк отозвал Иоакима от собрания, и стал ему говорить тайно, наедине: «Иоаким, видел я в ночь сию чудное видение, изумительное для очей, исполненное ужаса, страшное для поведания. Видел я, господине, на монастыре и около монастыря много деревьев больших и малых и множество людей работающих, которые посекали эти деревья, рубили, тесали и кололи, воздвигали церкви, ставили келлии, огораживали монастырь. Видя сие, я ужаснулся и, одержимый страхом, стоял, глядя и изумляясь страшному видению. И подумал я: что это значит, откуда столько народа в пустыни сей? Посмотрев недолго, увидел я, что шествуют три мужа, двое из сих мужей, светоносных образом, были украшены сединами. Один из них, облаченный в святительскую одежду, был лыс, волосы на голове его были подобны чистой волне, борода же его была кругла, в руках имел он крест, крестом ограждал и благословлял место и работающих. Другой старец, также сединами украшенный, имел длинную бороду. Шествовал он, имея в руках воду святую и с благословением окроплял место и работающих.

Третий старец был среднего роста, умильный по виду, русый волосами, имел бороду небольшую и не особенно густую, с проседью наполовину. В руках у него было кадило, которым он, ходя, кадил на место и делателей, благословляя их. Четвертый же муж шел неподалеку сзади их; был он молод и не мал ростом. И подошли они близко ко мне. Я же смотрел и дивился красоте их и светлости лица их, и поклонился им до земли. Поднявшись, узнал я в третьем из них, который был среднего роста, игумена Александра, начальника месту сему. Увидев меня, он позвал меня к себе. Я подошел, поклонился ему и сказал: «Поведай мне истину, отче, чтобы услышал я от неложных уст твоих, кто это такие светносные мужи, вид которых изумил меня, ибо никогда в жизни не видел я таких мужей».

Преподобный же Александр сказал мне тихо: «Неужели ты не узнал первого из них? Перед образом его ты всегда молишься ему – это славный и великий чудотворец Николай».

«Что же за дело у него здесь и зачем пришел он сюда?» – спросил я. Преподобный же сказал мне: «Как ты не понимаешь, что стоит здесь храм во имя его, и он пришел посетить храм свой. Господь повелел ему снабдить монастырь сей и хранить место».

«Позволь мне, отче еще спросить тебя: кто это другой светносный муж, который носит святую воду; как зовут его?»

Александр сказал мне: «Это преподобный игумен, чудотворец Кирилл, называемый Белозерским».

«А он зачем пришел сюда, совершив такой путь, и кем он был послан?» – спросил Марк.

Александр же сказал ему: «Он отец наш, наставник и учитель; я получил пострижение в его монастыре, почему и называюсь учеником его. Когда я был еще в тленном житии, он много раз посещал меня и укреплял на подвиги. Некогда в болезни посетил он меня, и молитвами его я получил здравие. Ныне же я умолил его посетить место сие».

«А кто это младый старец, я и его не знаю. Скажи мне, отче, и это». Александр отвечал Марку: «Это дьяк Матфей, живущий в сей обители. Ныне, по Божию изволению, отцы наши устроят его и благословляют на мое место, во обители игуменом быть, и передают ему монастырь».

Марк же сказал: «Не прогневайся на меня, отче, надо мне спросить тебя еще одно слово; если же ты мне не скажешь, от кого узнаю я истину! Откуда это собралось столько народа в пустыне сей и кто может их прокормить?»

«Чадо Марк! – отвечал Александр, – Бог, создавший их, собрал их и послал к нам на помощь. Он может и напитать их. Ты же, чадо, не удивляйся чудесам Божиим неизреченным. Иди в богосозданную обитель, в наш монастырь, постригись и пребудь там до дня исхода своего. И поставят тебя пономарем, что значит причетником церковным».

Так и было по слову святого. И сказал Александр: «И вот что, чадо, поведаю тебе. Если кто с терпением поживет на месте сем, благодаря Бога, со многим смирением и покорением, тот, как имею я надежду на Господа, не лишен будет милости Божией. Так и ты, чадо, получишь жребий с нами и мздовоздаяние от Бога по своему труду».

Сказавши это, святой отошел, я же пришел в себя и, не видя никого, стал дивиться великому тому сну и страшному видению и решил о том поведавать тебе».

Как только услышал Иоаким эти речи от Марка, то вздохнул и сказал: «Благо тебе, брат Марк, ибо не лишил тебя Господь милости Своей, храни эти слова в сердце своем, не забудь наставления преподобного отца нашего Александра и совершай делом, что повелел тебе святой. На месте же сем воссияет великая благодать Божия, церкви воздвигнет Господь, место расширится, обитель умножится и исполнится довольством по слову святого».

Так и было. Снова придя в собрание, Иоаким стал еще прилежнее увещать Матфея и Леонтия, чтобы они оба постриглись, и обещался сделать в монастырь вклад. Услышав от Иоакима такие слова, Леонтий не замедлил своим решением, сказав: «Готов я на такой подвиг».

Посоветовавшись, решили принять пострижение оба мужа, Матфей и Леонтий. Иоаким же дал монастырю из скота своего двух лошадей и двух молочных коров. И дал им хлеба

от всякого жита, чтобы им доставало его до нового хлеба. Дал им вдоволь и семян. И, желая помогать им всякими вещами и часто посещать их, дал он им милостыню и, получив от них благословение, отправился домой.

Леонтий оставил у себя дома сына старшего, а сам пошел в монастырь, взял с собою двух сыновей, Максима и Конона. Максима он поставил служить братии, а Конона отдал на учение святым книгам дьяку некоему, жившему в обители, Симеону именем. Быстро выучившись, стал он горазд грамоте, и потом пробыл в обители немалое время дьяком.

Матфей же и Леонтий постриглись оба, а постриг их Варлаам старец, священник саном. Сначала он постриг Леонтия с именем Леонида. Потом постриг сына своего Матфея и нарек его Максимом. Леонид остался в монастыре, заботясь об обители. И повелел Леонид клирикам и диаконам написать житие преподобного Александра, ибо он хорошо знал святое житие его и чудеса, видел и все святые предсказания, которые сбылись. И стали писать клирики все сие для памяти.

Максим же отправился в Великий Новгород и, Божией помощью, был путь его благополучен и посуху и по водам. Скоро прибыл он в Великий Новгород и пришел к архиепископу Сергию. Архиепископ благословил его, посадил и стал подробно расспрашивать о монастыре, о средствах его и о устройении. Максим все рассказал ему о себе и о монастыре, что место то было пустынно и исполнено нужды. Видя, что Максим муж молодой, но смиренный, простой и незлобивый, архиепископ не воспрепятствовал ему, но освятил его священным саном и поставил игуменом, поучив его от Божественных Писаний и наставив духовными беседами, и дал ему грамоту игуменскую.

Приняв от архиепископа грамоту и благословение, игумен Максим отправился в монастырь свой. Итак, благодатью Христовою, дошел он до обители. Варлаам, Леонид и все братия встретили его. Игумен благословил их всех и о Христе целование дал им. Вошли они в церковь великого чудотворца Николая и пели молебен за великого князя и за архиепископа и за все православное христианство. И возведен был Максим на место игуменское и поучил братию довольно. Потом все разошлись, каждый в свою келлию, ибо уже наступил вечер.

Прошло немного времени, миновала осень, настала зима, воды и болота замерзли; начали падать на землю снег и иней. Стали приходиться люди и купцы с возами, на работу и для торговли. Сказав о сем кратко и почитаем далее и там иную пользу найдем.

Явление преподобного Александра Максиму игумену. Настал праздник успения великого чудотворца Николая и, по Божию строению, погода потеплела, снега обратились в воду, и не только не было для возов дороги, но и пешим трудно было идти. Игумен Максим был смущен этим и думал про себя: «Никто из приходящих торговцев не будет на праздник к нам. Мы уже перестали надеяться: как и прежде, у нас нет самого необходимого; некоторое время мы не пахали и не сеяли, но питались только приношениями от христороубцев. А теперь что нам делать, ибо у нас почти нет хлеба и только сохранилось немного рыбы для гостей». Так подумав, решил он оставить праздник без службы. А было все это по изволению Божию, ибо таким решением игумена пожелал Господь прославить различными чудесами угодника Своего Александра, а игумена привести от маловерия в веру, чтобы и на будущее время стал он веровать чудесам святого.

В навечерие праздника, отпев вечернее пение, братия разошлись, каждый в свою келлию. Игумен же, придя в свою келлию, сел в раздумье, недоумевая, что делать. Слегка задремав, услышал он, что застучали доски и увидел в видении, что из гробницы вышел старец, имеющий наружность светящегося игумена, и пошел к келлии его. Подойдя к оконцу келлии, он сотворил молитву, игумен же отвечал ему «аминь». И сказал старец игумену: «Как, брате, хочешь ты такой праздник оставить без службы! Пусть не будет сего и в мыслях твоих, не рассуждай и не размышляй, не будь неверен, но верь. Все недостатки ваши Бог восполнит, и праздник честно устроит и пошлет вам обилие, и в дальнейшее время не будет у вас скудости».

Игумен в изумлении смотрел на святого и едва узнал преподобного Александра, хотя много раз видел его при жизни. Тотчас пробудившись от сна, он уже не увидел никого, исполнился страхом и трепетом и дивился чуду, прославляя Бога и преподобного Александра чудотворца. Обрадовался он посещению святого и с весельем в душе молвил: «Что такое будет?» Тотчас пошел игумен к пономарю и велел ему печь просфоры, а сам, возвратившись к себе в келлию, стал готовиться к службе и в молитве провел всю ночь без сна. А в то время бушевала сильная буря, шел снег и иней. Затем небо прояснилось и настала тишина, снег примерз к мокрому льду, и установилась дорога по-прежнему. Так все переменилось в короткое время: Всещедрый Бог совершил сие, прославляя Своего угодника, преподобного Александра. Торговцы тронулись со станов своих и был путь их легок. Шли они к городу Каргополю от озер с рыбою. Собралось множество торговцев, и остановились они отдохнуть против монастыря по ту сторону реки. Игумен велел по обычаю звонить к заутрене, и начали пение. Пришли те торговцы и дали в монастырь рыб всякого рода, малых и больших, свежих и просольных, дали и игумену на молебен, кто сколько мог. Игумен же обещался вознести к Богу должное моление о них, что и исполнил, и, одарив их благословением, отпустил. И отправились они в путь свой.

Затем пришло от окрестных мест множество народа, везя с собою в монастырь кто деньги, кто хлеб всякого рода, привезли и печеного хлеба много, и все необходимое. Игумен и братия возрадовались, отпели молебен и воздали честь всем гостям, православным христианам. С духовным весельем праздновали они, ликуя друг со другом. Так проводили они праздник, и все народное множество разошлось каждый в дом свой. Игумен же поведал всей братии видение свое и посещение святого и что сказал ему святой. Услышав это, братия воздали хвалу Богу и преподобному Александру, угоднику Божию.

О создании церкви Пресвятой Богородицы. И прослышаны были чудеса святого Александра в окрестных местах и в городах; слух о них достиг и до берегов морских, и многие стали приходить и принимать пострижение, принося монастырю от имущества своего все необходимое, жертвуя угодыя, деревни, пожни, деньги, хлеб и скот. Братия умножились и обитель расширялась, наполнялась всяким довольством.

И задумал игумен с братиею воздвигнуть другую церковь, во имя Пречистой Богородицы, славного Ее Успения. Помолившись, приступили они к делу и, с помощью Божией и по молитве преподобного Александра, скоро построили церковь во имя Успения Богоматери и украсили ее иконами и книгами, насколько могли.

О Пияле и рассоле. Прошло немного времени. Верстах в 170 от монастыря вниз по Онеге реке находилось место, называемое Пияла. И по некоему Божию смотрению явился там в реке источник воды соленой, которая в той области называется рассолом. В то время пришел в Пиялу с берега моря некий старец, именем Тарасий, по прозвищу Беляй, искусный в соляном деле. Жители Пиялы стали уговаривать его приняться за ту работу и отдали ему в собственность часть той воды. Старец приступил к делу, подвел им воду близко к берегу, устроил колодезь и отделил воду от рассола. И дал старец Тарасий той воды соленой из своей части в Соловецкий монастырь на один солеварный чан, а в Александров Ошевнев монастырь на полчана. Игумен же Максим, услышав о том, поехал туда и прикупил той воды соленой еще на полчана. Купил и земли под двор, часть берега на пристанище и под дрова. Есть же и донныне там тот промысел. Братия работают, соль варят и продают купцам, на вырученные же деньги покупают себе одежду, обувь и все необходимое братии и монастырю. Жители Пиялы, люди добродетельные и богобоязненные, питают великую веру к Господу Богу и к Пречистой Его Матери и к преподобному Александру, имели желание помогать монастырю и пожертвовали к тому его промыслу один – деревню, другой – угодия и пожни, а иной – деньги и скот. И донныне подают они обители все необходимое, на спасение своим душам вечную милостьню.

О сирианском начальнике игумене Кирилле. Не пройдем молчанием и о следующем. На реке Онеге в Заостровии жил сын священника, именем Кириак. По смерти своих родителей остался он юным и еще не знающим никакого ремесла. И сказал он себе в

раздумье: «Как поступить мне: не могу я вести какое-либо дело, так как не привык к этому, а просить милостыню мне стыдно. Чем же стану я кормиться?» Но Бог не хотел смерти грешника, но желал сохранить его к жизни. И вот явилась у него такая мысль: «Слышал я о чудесах преподобного Александра в области города Каргополя. Пойду теперь в монастырь его, называемый Ошевнев. Если Бог изволит и молитва преподобного Александра покажет мне, меня там примут, я постригусь и стану иноком». Так он подумал и с помощью Божией отправился в путь, пришел в обитель, явился к игумену, пал к ногам его, принял от него благословение с молитвою, и изливая из очей источники слез, горячо просил игумена, чтобы тот принял его и сделал монахом. Видя его желание и усердие, игумен принимает его, постригает, нарекая имя ему Кирилл, и поручает его некоему искусному старцу. Старец научил его всякому благочинию, и затем настоятель послал его в поварню и в хлебню. Когда прошел он, как следует, все службы монастырские, игумен поставил его пономарем и просфорником и пробыл он в той службе времени не мало. Благий же Бог, желая всех людей спасти и в разум истинный привести, вложил еще желание Кириллу – научиться Божественному Писанию. И начал он просить об этом клириков и дьяков, живших во обители, предлагая им и плату. Начали они учить его с азбуки. Старец взялся за дело, а они направляли его. И научился он Писанию Божественному. Спустя некоторое время пришел он к игумену и попросил благословения и отпущения с молитвою. Игумен наставил его и отпустил с миром. Старец отправился в Великий Новгород, пришел там к архиепископу и припал к ногам его, прося исполнить желание свое. Архиепископ благословил его, посвятил в сан священства и отпустил. Он удалился в селение Кеноозеро, где и священствовал некоторое время, оттуда пришел он на Онегу реку, в селение, называемое Конечостровие, где был храм Всемилоственного Спаса, и пожил здесь честно, принося жертву Богу. Потом нашел он место, называемое Сырия Гора, отправился туда, построил там церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, основал монастырь и собрал братию. И донныне существует монастырь тот, называемый на Сырьей Горе. Мы же, оставив сие, обратимся к предыдущему.

О преподобном Александре, как видел его старец Герасим, и о пожаре на церкви. Во время настоятельства игумена Максима однажды загорелись келлии; а был в том монастыре старец некий, именем Герасим, семь лет не видевший очами. Во время пожара выйдя перед сени келлии своей, старец тотчас прозрел на один глаз и увидал, что наверху храма свт. Николая чудотворца стоит инок и, держась руками за крест, своею мантиею осеняет верх церкви. И ужаснулся он, подумав, что это привидение. Изумленный виденным, стал он всматриваться внимательнее и ясно узнал преподобного Александра, и с радостною душою начал взирать, как все стало кругом светло и весело. Увидал он и другой храм, Пресвятой Богородицы, и ряд келлий, а также и пламень, столь сильный, что все не чаяли спасения. Снова посмотрел он на верх церкви, но уже никого не увидал, и стал он дивиться великому чуду и посещению преподобного Александра. Затем пожар утих, подоспел народ, разметали постройки и пламень погас. Сгорело всего две келлии, остальные же сохранил Бог молитвами и явлением преподобного Александра.

Придя к себе в келлию, старец поведал все брату Дионисию, жившему с ним, затем пошел и рассказал игумену и всей братии. Игумен же и братия, услышав о сем, исполнились радости и, отпев молебен, прославили Бога и преподобного Александра чудотворца за то, что явлением своим он угасил пожар и исцелил очи слепого. Прозревший старец жил еще год и преставился к Господу.

Чудо святого над беснующимся. Был отрок из селения Слободы, Григорий именем, Иоанном сын, жил он в полуверсте от обители святого. И за его небрежение овладел этим отроком лукавый дух, как это случается по грехам нашим.

Настал праздник Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, и на тот праздник пошли все люди в монастырь на праздник, помолиться. А Григорий пошел на гумно свое и лег спать в сарае, куда собирают мякину. По забывчивости, ни молитвы не сотворил он, ни перекрестился, даже имени Пречистой Богородицы не помянул, и уснул крепко. Во время

сна внезапно поразил его нечистый дух; потерял он разум и стал творить неподобное. Его связывали без жалости, он же, разорвав путы, убежал неизвестно куда, часто срывая с себя одежду и бросая ее. Пробовали запирали его в комнате, но он и там творил много зла. Долго продолжалось это, призывали многих волхвов, но ни от кого не получил он помощи, ибо кто в состоянии помочь, кроме Бога? Видя это, родственники отрока говорили, что все это случилось по Божию попущению, за их грехи. Вспомнили они, наконец, о чудесах преподобного Александра, привели отрока в монастырь, приложили его ко гробу святого и, отслужив молебен, окропили его святой водой. И тотчас оставил его нечистый дух, молитвами святого отца нашего Александра, отрок исцелился и стал разумным, как будто никогда и не хворал. И удалился он в дом свой, радуясь, благодаря Господа Бога и чудотворца.

О игумене Максиме. Игумен Максим прожил в монастыре много лет, заботясь о нем с великим усердием, и явил многие труды и подвиги. Много деревень христороубцев присоединил он к монастырю, много угодий и пожней приобрел он ему: работая своими руками, рубил он деревья, собирал хворост и жег его и уравнивал пожни. Был он немал ростом, крепок и неутомим телом, и редко можно было встретить такового мужа, как он. Так он работал для того, чтобы пот и труды его послужили и по смерти его тем, что он приобрел монастырю. Трудился он и для того, чтобы получить покой вечный и своей душе спасение и мздовоздаяние от Бога. Но не буду говорить много о трудолюбивом муже, подвиги которого Бог ведает: в юности он страдоу утолил себя, чтобы тело свое соблюсти чистым от скверны, а душу сохранить от греха и уневестить ее Жениху своему Христу; в совершенном же возрасте молитвой и постом угасил телесные страсти, а в старости маститой бдением и слезами спас душу свою. Жил игумен Максим во всяком воздержании, никакими благами не пользуясь отдельно от братии. И отошел он от жития сего, пробыв настоятелем монастыря 42 года с половиною и предал Господу дух свой в добром исповедании.

В то время в обители был священником упомянутый выше Корнилий, который не получал от архиепископа благословения на игуменство и не был почтен саном настоятельства. Несколько времени спустя пришел в обитель из других монастырей старец, саном священник, именем Маркелл, и стал прельщать братию. Некие крамольники из братии пожелали его себе в игумены, другие же из братии стали им смиренно прекословить. Маркелл поехал в Великий Новгород и получил от архиепископа благословение на настоятельство и сан игуменский. Возвращаясь в обитель, привел он с собою какого-то пришлого чернеца. Спустя немного времени игумен Маркелл стал негодовать на священника Корнилия, Корнилий же начал прекословить Маркеллу. И поднялся из-за них в братии ропот. Священник удалился из обители, а игумен Маркелл снова стал обольщать братию: «Хочу я, братие, поехать в Москву плакаться и бить челом великому князю, просить милостыню».

Те же крамольники стали говорить остальной братии: «Бог послал нам в игумены отца и строителя. Заботится он о монастыре! Человек он добрый, речистый, и, как московский житель, все порядки там знает».

Взял с собою игумен пришлого чернеца, которого привез из Новгорода, и слугу, такого же пришельца. И сговорились они между собою. Братия же избрали старца некоего, именем Иону, и послали его с игуменом. Игумен взял с собою три лучших коня, выбрав их из табуна, двадцать рублей серебром из казны монастырской, вдоволь хлеба и рыбы, а также книги и ризы церковные, как некогда предсказал святой о расхищении своего монастыря; взял с собою и книгу, в которой были написаны житие и чудеса преподобного Александра, говоря: «Писание это возвещу и покажу преосвященному митрополиту, а он предоставит его великому князю». А говорил он это, льстя. Но если кто возьмет чужое правдою, то и свое с ним потеряет, а иной и жизни безжалостно лишится, что впоследствии случилось. Игумен лживым целованием облобызал братию и отправился в путь. Братия любовно проводили его и возвратились. Доехав до великого озера Воже, игумен приказал старцу

Ионе вернуться в монастырь. Когда тот не захотел возвратиться, Маркелл сказал ему: «Если ты не послушаешь, то сейчас умрешь, мы утопим тебя в озере!»

Взяли они все у старца и, бросив, бежали. Маркелл же, доехав до некоего места, злую приял кончину, то есть от разбойников. Возвратился Иона в обитель. И объяла братию великая скорбь о том, что Маркелл увез книгу с житием и чудесами преподобного Александра, и что они, лишившись такого дара, остались без воспоминания о подвигах и чудесах святого. И с тех пор письменного жития его не было. Некоторые из братии, склонные к крамолам, возроптали на старца Иону. Не перенес он сего и удалился. Но обитель не могла оставаться без настоятеля. Пришел из Новгородской волости некий священник, именем Вассиан, и братия приняли его себе в игумены.

О новгородце Алексии и сыне его Симеоне. Спустя немного времени прибыл в монастырь из Великого Новгорода человек некий боярского рода, именем Алексий, с сыном своим Симеоном и горячо просил он игумена с братиею о своем принятии в монастырь и о пострижении. Видя веру его к Богу и желание, игумен любовно принял его, постриг и нарек его во иночестве Иоасафом. Сын же его Симеон, недолго побыв в монастыре, удалился в город Каргополь, занялся торговлей и сделался купцом. И стал Симеон великую веру иметь к преподобному Александру и к монастырю его: часто приходил в обитель повидать отца своего, игумену же с братией приносил и присылал, сколько подавал ему Бог. Всемогущий Господь видел непреложную веру Симеона, и молитва преподобного всегда за него молящегося, споспешествовала ему, и благословил его Бог и умножил имение его. Сколько он ни давал в монастырь, Бог стократно возвращал ему. Отец его Иоасаф, пожив в монастыре лет 15 во всяком воздержании и благочинии, преставился в добром исповедании ко Господу. Проводив отца своего честно и отпев надгробное пение, Симеон велел служить по нем до установленного срока. Сам же весьма печалился по отце своем, благодаря Бога за то, что Бог сподобил его похоронить отца своими руками. Затем он снова возвратился в город и занялся торговлей. Но и после того много и прилежно заботился он о монастыре, как никто другой. К игумену питал он любовь, как к отцу, часто посещал братию и ободрял ее, много милостыни подавал им как бы от неистощимого сокровища, от Богом дарованного ему таланта. Благоволит и иным монастырям. О других его добродетелях скажем в своем месте.

О создании большой церкви. Когда же все так происходило, братии собралось в монастыре не мало, церковь же были тесна и ветха. И задумал игумен Вассиан с братиею воздвигнуть вместо той церкви большую. Но боялись греха – разорять церковь, построенную преподобным Александром. Наняли они работников и велели им приготовить лес на построение церкви, что и было исполнено. Начав строить великую церковь, игумен с братией снова запечалились. По бедности своей жалко им было деревьев, а также съестных припасов и других вещей, необходимых для содержания многих работников. Но питали они надежду, что если Бог изволит и помолится преподобный Александр, то произойдет подобное тому, как древле Господь напитал израильтян и пустыне, из камня источил им воду и пятью хлебами насытил пять тысяч людей (Исх. 16; Чис. 20, 1–12; Ин. 6, 5–14), и ныне Он малое умножит. И на глазах у всех сотворилось тогда явное чудо, которое даровал Бог по молитвам Своего угодника Александра. Та обычная мера пищи, которая ежедневно шла на своих, оказалась достаточною для всех и притом в изобилии.

Печалились иноки еще о том, что у них не было плотника. Но вот, точно Богом посланный, пришел в обитель с берега моря плотник именем Василий, известный многим как сообразительный и искусный в церковном строении. Игумен с братией стали говорить ему о создании церкви. Он же без колебания согласился: «Рад я потрудиться для такого Божьего дела и для вашей любви, лишь бы Бог помог. Вы позаботьтесь о деревьях, а Господь подаст разум для строения. Плату же вы дадите мне в свое время, по делу и по трудам моим». Уговорившись прийти в назначенный день и велев им церковь старую сносить и ровнять место, он удалился. Через короткое время Василий опять пришел в

обитель, но ветхая церковь еще стояла на месте. Тогда Василий спросил игумена и братию: «Почему вы не снесли ветхой церкви, или вы хотите на ином месте церковь ставить?»

Игумен же с братией стали Василия уговаривать: «Постарайся, господине, Бога ради: твое это дело, ибо тебе повелено Богом создать церковь, у нас же нет человека, который бы решился на это».

Василий же сказал им: «Я уговорился с вами новую церковь строить, а не ветхую разорять».

Игумен с братией стали его любовно уговаривать, и принялся Василий за дело, будучи весьма искусен в строении. Получив от игумена благословение, пошел он в хижину, которая дана была игуменом ему на отдых, и постился семь дней. Когда седьмой день уже склонялся к вечеру, Василий, помолившись, сел и стал думать о стройке и задремал он, потрудившись в молитве к Богу.

Преподобный Александр явился церковному строителю Василию. И тотчас увидел он в хижине свет и увидел еще, что в хижину к нему вошел светлепный старец, умильного вида, с обычной молитвой Иисусовой на устах, одетый в ризу священническую, имея в руке крест. Василий подивился красоте старца того, ибо не видал в обители такого старца, затем поклонился ему земным поклоном и сказал: «Благослови, господине, отче!»

«Встань, чадо, Бог благословит тебя!» – отвечал старец. И, осенив его крестом, сказал: «Чадо Василий, без сомнения берись за дело, на которое ты позван Богом. Тебе дана благодать от Бога на церковное строение и Господа ты имеешь помощником. Призывай себе на помощь и великого чудотворца Николая. А я готов помогать тебе».

Василий же сказал: «Отче святой, скажи мне, кто ты; удивился я видению твоего образа, ибо не видал здесь такого старца, как ты». Старец сказал ему: «Чадо Василий, я грешный Александр, начальник месту сему, был прежде игуменом и святой этой обители. А ныне пришел я, чадо, поведать тебе следующее. Когда ты начнешь строить храм Божий во имя великого чудотворца Николая, то с правой стороны алтаря построй притвор и присоедини к алтарю, ибо тут лежат мощи мои, над мощами же моими сделай раку».

И сказав это, стал он невидим. Очнувшись от видения, Василий уже никого не увидел и стал плакать от радости, радуясь посещению и явлению святого.

Когда церковь была еще не достроена, игумен Вассиан удалился из обители, так как его постигла немощь. И был после него другой игумен, так же Вассиан именем, прозванный Великим. И сей игумен также заботился об устройении монастырском, о создании церковном, об украшении святых икон и о всяких потребах монастырских. Василий же прославил церковь великую и преславную и все устроил в ней, как велел ему святой. Потом случилось тому же Василию строить церковь во имя Николая чудотворца на месте сгоревшей в селе Надпорожии, где я тогда священствовал. Василий сам рассказывал мне, беседуя со мною, и все подробно поведал мне о явлении преподобного и посещении святого. Потом он удалился, радуясь и многое благодарение воздавая Богу, творящему дивные чудеса и преславные явления Своим угодником Александром. Мы же это из уст его слышали и написали во славу Христу Богу.

О явлении преподобного старцу Тимофею и о написании образа преподобного Александра. По сем игумен Вассиан посоветовался с братией о иконах, как им следует быть. И призвали они из города иконописца, Симеона именем, по прозвищу Сокола. По приглашению их Симеон пришел к ним с сыном Иоанном. И стал игумен говорить Симеону о иконном писании. Симеон же так размышлял с собою: «Слышал я о чудесах преподобного Александра и думаю, что не напрасен труд мой будет, и буду я причастник святому сему месту». И сказал он игумену и братии: «Если Богу угодно будет и преподобному Александру и вам необходимо, потружусь, как Бог поможет и молитва преподобного».

Взяв благословение от игумена и молитвы от отцов, принялся он за дело. Был же в монастыре от древних лет старец некий, именем Тимофей, человек простой и неученый книгам, но духовный и трудолюбивый. И было ему за обычаем постоянно ходить на

монастырскую работу и трудиться для спасения своего. Однажды по вечерней молитве и по келейном правиле лег он отдохнуть немного, дневного труда ради, и уснул легким сном. И тотчас увидел он, как наяву, что пришел к нему старец умиленный образом, наполовину седой, и сказал ему: «Брат Тимофей, иди к игумену и к братии и скажи им, чтобы они велели написать образ игумена Александра, начальника обители сей, и положили его в притвор, на гробе моем. Я – Александр, как ты меня видишь».

Сказавши это, стал он невидим. Когда старец пришел в себя от видения, тотчас встал и прославил Бога и преподобного Александра. Утром он пошел к игумену и поведал ему о видении. После заутрени игумен рассказал об этом братии и поставил Тимофея во свидетели тому видению, а он поведал братии о видении подробно. И все прославили Бога и Его угодника Александра и велели иконописцу Симеону написать образ начальника Александра. Симеон же иконописец не ведал, по какому подобию написать образ, ибо уже прошло много лет по преставлении святого. Стали опрашивать древних иноков, живущих в обители, и жителей окрестных мест, но никто не видал преподобного при жизни, так что пришлось положиться только на видение помянутого выше старца Тимофея.

Прещедрый же Бог творит все, что хочет. В то время пришел в монастырь посетить братию человек некий, Никифор именем, житель селения Пиялы на реке Онеге. Этот Никифор, как было известно, видал блаженного Александра при жизни и, имея к нему великую веру, после смерти преподобного посещал братию. Вот что рассказал он о преподобном игумену с братией и иконописцу Симеону: «Александр ростом был средний человек, лицом сух, образом умилен, очи имел впавшие, борода была у него невелика и не особенно густа, волосы русые, наполовину седые».

Выслушав Никифора, игумен, братия, и иконописец исполнились радости, ибо нашли, чего искали, и получили желанное. Иконописец же с радостью и с тщанием написал образ преподобного; и положили его на гроб святого, где он находится и донныне. И от него приходящим с верой многие исцеления бывают, благодатью Христовой и молитвами преподобного отца нашего Александра.

О Закхее чернце. И поведал упомянутый выше дьяк Иоанн о некоем чернце, именем Закхее. Одно время был он в селении Пияле приказчиком промысла, где варят соль. Пробыв там несколько времени, пришел он по обычаю в монастырь, отдал игумену и братии отчет о службе своей и положил перед ними деньги, которые ему Бог даровал от того промысла. И по диавольскому наущению утаил он семь рублей серебра, оставив их в келлии своей. В монастыре же был тогда некий пришлец, Василий именем, ремеслом портной. Он часто хаживал к тому чернцу и, узнав, что у него есть серебро, украл его и затем ушел из монастыря. Закхей же, ничего о том не ведая, вдруг услышал, что братия ропщет на то, что Закхей-де утаил серебро, и, как лихоимец, казну монастырскую расхищает и скрывает в келлии своей. Услышав сие, он раскаялся в своем согрешении и сказал: «Зачем я столько серебра скрыл в келлии своей: пища и питье готовы мне с братией на трапезе, одежда и обувь даются готовыми из казны. Ни на что иное оно мне не послужит, кроме как на большее осуждение, на пагубу души моей скрываю я его, потому что для всей братии являюсь я злодеем, всем буду я ненавистен и прииму от них проклятие, а не благословение. Ныне я сам погубил свою душу из-за малого количества серебра! С еретиками осужден буду за это и с идолослужителями огню вечному предан буду, ибо святые отцы сребролюбие называют вторым идолопоклонством: Иуда сребра ради удавился, и кости его рассыпаны при аде. Так и я во тьму кромешную ввержен буду и буду терпеть бесконечную муку.

И сказал он потом: «Пойду и возьму серебро и положу его перед игуменом и братией, обнажу перед ними грех свой и получу прощение и благословение».

Пошел он за серебром, но не нашел его на положенном месте. Стал искать его и, ничего не найдя, сказал: «Горе мне и увы мне с бедой этой! Грех сотворил я, но ничего не получил. Беда мне одинакова – таить ли, или рассказать. Но думаю, лучше рассказать. Если мне и срам будет, то этим срамом избегну я позора ононого».

И поведал он игумену и братии о грехе своем. Много расспрашивали и искали, но ничего не нашли. Закхей же сказал, что серебро похитил брат Фотий, который был с ним в ссоре. Долго пререкались они и клялись, но ничего не добились. Был только один стыд и грех. Бог же не хотел людям погибели, но желал их спасти. И вот преподобный Александр явился во сне одному древнему старцу как наяву, и сказал: «Никто из братии не похитил вашего серебра, а украл его тот пришелец, потому он и ушел из монастыря. Иди и поведай сие игумену и братии. Послав, они найдут его в некоем ближнем селении и серебро у него, пока он еще не много истратил и пока не ушел далее». Сказавши это, он стал невидим. Придя в себя, старец уже никого не увидел и, подивившись видению, уверовал в истину его. Тотчас пошел он и рассказал игумену и братии. Те, послав искать вора, нашли его, отобрали серебро и, укоривши его за истраченное, отпустили его невредимым и прославили Бога и хвалу воздали прп. Александру, новому чудотворцу.

Иное сказание о преподобном Александре. Поведал мне тот же Иоанн дьяк многие иные значения и явления преподобного отца нашего Александра, о которых он слышал в монастыре том от живущих в нем иноков, ибо он часто посещал их. Когда преподобному предстояло отойти к Богу, то он сказал им: «Телом отхожу от вас, братие, но духом с вами неотступно буду».

Поэтому и являлся он часто во сне, видели его то посещающим кладовые, то идущим на мельницу и снова возвращающимся в монастырь, то когда не доставало монастырю необходимого и братия скорбели. Тогда святой являлся некоторым из братии как наяву и утешал их: «Не скорбите, братия. Бог все исполнит, только имейте смирение между собою».

Когда же случалась напасть от диавола, или печали, или насилия от властей, или обида от злых людей, преподобный также являлся и повелевал возносить моления Господу Богу и Пречистой Его Матери и призывать на помощь Николая чудотворца, чтобы он молился о них. И снова эти скорби пропадали, разрушаясь, как паутиная сеть. От всех скорбей и бед защищали и избавляли молитвы преподобного отца Александра. Бывало часто, что неискусными иноками и ненаучившимися людьми поднимался в монастыре ропот. И тогда святой не оставлял монастырь, снова являлся и повелевал прекратить ропот и сохранять между собой любовь.

Отложите же неверие и всякое сомнение, идите в притвор, где лежат чудотворные мощи святого, припадите ко гробу преподобного, облобызайте раку его, умилитесь и плачьте о прежнем неведении, прося прощения. На будущее же время не оставайтесь неверующими, чтобы не пострадать, как пострадал я, окаянный, или еще тяжелей. Укажу вам на инока Мисаила, который был также маловерен, как и я, о нем здесь много написано. Если же мы умолчим, то сами чудеса вопиют о том, за что Бог прославил его, а если кто одержим дьявольским неверием, то хоть весь мир явишь ему во свидетельство, он не поверит. Вы же идите с веселием и радостью и проповедуйте чудеса святого! Всякий, кто прибегнет к преподобному с верою, не постыдится и не уйдет неудовлетворенным, не получив Божией милости. Мы же за все то прославим Бога и преподобного отца нашего Александра чудотворца.

Чудо преподобного Александра о иноке Игнатии. И сие пусть будет известно. Некий старец, Игнатий именем, рассказал нам сам о себе следующее.

Когда он жил в миру, напали на него тяжкие болезни, различные недуги и скорби многие. Вспомнул он свои грехи, и смертный час и горькое разлучение души от тела, страшный и грозный суд, вечные те бесконечные муки и неусыпающий червь. Собрав свое скудное имущество, пришел он в монастырь и принял иноческий образ. Спустя сорок дней, согласно уставу монастырскому, послан был Игнатий настоятелем служить в поварню, работать на братию. И заботился он о своей службе, как только мог.

По попущению Божию, грех ради наших и по зависти дьявольской, был он напрасно оклеветан: будто он, Игнатий, чернец новоначальный, совсем не годен к такой службе, монастырю приносит вред, раздает за монастырь вещи монастырские, хлеб и рыбу, порученные ему. Встал в братии ропот, отрешили его от службы, посадили в темницу и

надели ему оковы железные на руки и ноги. Долгое время пробыл он в темнице, тесны были ему оковы на правой руке, и стал он молиться Господу, чтобы Он ослабил оковы заключенного.

Долго он молился, пролил много слез, многих святых призывал на помощь, но не было ему помощи. И вспомянул он преподобного Александра начальника и сказал: «О преподобный отче Александре! Слышал я о многих чудесах твоих, но не верил, потому что слаб я верою. Не могу я поверить на слух, пока не проявишь на мне благодать Божьего тебе дарования чудес. Помилуй меня, маловерного, чтобы и я стал верить чудесам твоим!» И взялся он левою рукою за правую и за железные ее оковы, и тотчас расширились оковы и спали с правой его руки. И начал он тотчас креститься правильно. С тех пор оковы стали просторными, надевал он их и снимал, славя Бога и дивясь неизглаголанной благодати Божией и чудесам преподобного Александра. Когда кто-нибудь из братии приходил посетить его, или сторож приносил пищу, тогда он надевал оковы на руку. Когда же уходили, он снимал их. Скрыл он чудо и не рассказывал никому, боясь, чтобы не сказали ропотники и невежды, что он колдун и что даже железные оковы не могут удержать его. Ради того скрыл он чудо, чтобы не препятствовали милости Божией и чудесам преподобного.

Услышав это, мы подробно расспрашивали его. Игнатий же инок подробно все рассказал нам по истине, мы же сие записали во славу Христу Богу и преподобному отцу нашему Александру, угоднику Божию.

Чудо о некоем юноше, исцеленном во обители святого. Недалеко от обители святого, вверх по Чурьяге реке, жил некий юноша, Михаил именем, Пахомиев сын. По смерти своих родителей остался он молод, и постигла его нищета. Пошел он в монастырь и на время нанялся служить. Когда он пробыл в монастыре несколько времени, случилась с ним тяжелая болезнь, сделался у него на правой ноге большой нарыв, и сильно страдал он от сего недуга. На ноге появились гнойные язвы и большая опухоль; долго и тяжело он болел, не будучи в состоянии ни есть, ни спать, ни встать с постели. По изволению и попущению Божию, грех ради наших, страдал он уже два месяца, и от тяжкого недуга согнулась нога его, и не знал он, что делать.

Благий же Бог праведных любит, а грешных милует и всех призывает ко спасению. Настал праздник перенесения мощей святителя Николая чудотворца. В навечерие праздника того юноша сильно разболелся и, весьма страдая, стал молиться со слезами Господу Богу и Пречистой Его Матери, призывая на молитву великого чудотворца Николая и святого старца, преподобного Александра, и сказал он себе: «О, сколько исцелений творит Бог через угодника Своего Александра!» И говорил он, молясь: «Святой Александр, помоги мне и избавь меня от сей болезни! Знаю я, отче преподобие: что бы ты ни попросил у Бога, Он все подает тебе. Не презри меня в болезни сей».

И много еще говорил он от жалости сердца своего, с великим умилением. И всю ночь провел без сна, тяжело страдая от лютого недуга. Настало время звонить к заутрени, и все люди пришли к пению. Он же один остался лежать, только повторяя слова: «Святой Александр, избави меня от болезни сей!» Тотчас ему стало легче от тяжкого того недуга, и он крепко заснул. Скорый же помощник блаженный Александр пришел к больному юноше в священнической одежде и сказал: «Что ты спишь? Встань, иди в притвор и приложись ко гробу Александра. Затем пойди к заутрене, помолись Николаю чудотворцу и меня призови на помощь. Надейся на Бога и совершенно выздоровеешь!»

Увидя старца, светлепоного и умильного образом, больной не посмел спросить, кто он и как имя ему, но только отвечал: «Отче, хотел бы я встать, но не могу, потому что правая моя нога очень болит, на ней гнойная язва и большая опухоль, от чего она и согнулась».

Преподобный подошел, взял рукою своею за пальцы больной ноги и потянул ее: нога распрямилась и стала такой же здоровой, как и другая. Больной снова согнул ногу свою, а святой опять распрямил ее: так было и третий раз. И сказал святой: «Теперь ты здоров; не

грешни более! Но, как говорил я, ступай ко гробу моему приложишься, потом иди к заутрени, и Господь подаст тебе здравие».

И стал невидим. Очнувшись, больной никого уже не увидел, и только чувствовал облегчение болезни своей. Тотчас встал, пошел в притвор и с честью облобызал раку святого, припадая к ней со многими слезами. И молился он, хвалу воздавая Богу: «Слава Тебе, Христе Боже наш за то, что Ты просветил нашу страну северную, даровав нам светильника, чудотворца Александра!»

Затем воздал благодарение преподобному отцу Александру и, радуясь, пошел к заутрене. С светлым лицом и веселой душой стал он рассказывать радостным голосом всему священному собранию о чудесном посещении святого Александра, о явлении преподобного и о чуде, которое сотворил над ним святой. И все прославили Бога и преподобного отца Александра, видя преславное чудо, как больной совершенно исцелился, точно и не хворал, как не могший ранее двигаться ходит и скачет, славя Бога, по словам писания пророка: скочит хромый яко елень (Ис. 35, 6). Что слышали мы из уст его, то и написали на пользу всем слушающим.

О некоем боярине Иоанне Михайловиче Юрьеве. Случилось это при державе сильного царя и грозного государя нашего, великого князя Иоанна Васильевича. И был тогда среди великих вельмож и сильных бояр некий боярин именем Иоанн Михайлович Юрьев. Богатством и славою превосходил он многих вельмож и к тому же был сродником благоверной и милостивой царицы, великой княгини Анастасии. Вследствие всего того превознесся он гордостью. И вот царь пожаловал его – дан ему был на управление город Каргополь. Он же приехал в город с великой гордостью и величанием и подобно тому, как прежде владевшие тем городом сильные князья творили много зла и насилия христианам, так и он стремился сотворить, да и еще хуже их. Господь же, противящийся гордым, не допустил, чтобы так было, но звериную злобу изменил в овечью кротость таким образом.

Услышав, что властелин города величав и горд, игумен Вассиан посоветовался с братией и, помолясь, взял, что следует для чествования вельможи того, боярина Иоанна, поехал в город и пришел к боярину, благословил его, поклонился ему до земли, как подобает властелину кланяться, и положил перед ним почетный дар. Боярин с любовью принял от него благословение и дар и велел ему сесть. Игумен же показал ему пожалованную государем грамоту свою несудимую, а в грамоте писано, чтобы наместничьим тиунам ни игумена с братией, ни их крестьян не судить и доводчикам их ни за чем не въезжать к ним. Боярин весьма одобрил грамоту, отдал ее игумену и сказал, что есть все-таки пошлина, которую ему надлежит взять с иноков, с их крестьян. Старец же некий, Евсейий именем, бывший с игуменом, возразил боярину: «Не надлежит тебе, господине, с нас брать, а нам тебе давать».

Боярин же с яростью сказал второй раз: «Как велел я брать с вас, так и будет!» – «Тогда будет, когда возьмешь», – отвечал старец.

Боярин зарычал, как лев, и сказал: «О горе мне с этим чернецом. Государь меня пожаловал городом Каргополем и всею Онегою рекою и с Поморьем, сколько его к сей области прилежит, а чернец не хочет мне повиноваться и еще противоречит!»

Видя ярость и негодование вельможи, игумен удалился. Вернулся он в монастырь с великой скорбью и стал сильно выговаривать старцу: «Как это мог ты противоречить столь великому человеку, славному боярину?»

Рассказал игумен случившееся братии, и все опечалились.

По уходе игумена боярин вышел на предсенье горницы своей и воззвал громким голосом: «Есть ли у меня человек, который бы восстал на Ошевнев монастырь и в особенности на чернеца Евсевия?»

Так зывал он на второй день и на третий, но не нашлось никого, кто бы по воле его сотворил такое дело, дерзнул бы на святое то место или восстал на игумена или на братию – никто не смел причинить им зло, боясь Божьего гнева. Многие приходили в монастырь к игумену и братии с вестями о таком озлоблении на них вельможи. Игумен же и вся братия

весьма опечалились, слыша о его неуголимой ярости и неукротимой лютости. Сильно роптали на того старца братия и послали Евсевия просить у боярина прощения.

Слышав от братии такие слова, старец тот весьма огорчился и, удалившись в свою келлию, заплакал горькими слезами и стал молиться Спасу, Пречистой Его Матери, Николаю чудотворцу и преподобному Александру, как бы умирить гнев того боярина. Всю ночь он молился со слезами, почти не спал. Встав рано утром, пришел к игумену и горячо просил его и братию, чтобы они помолились о нем Господу Богу и помогли ему чем-нибудь, если его постигнет какое-либо насилие от боярина. Получив благословение от игумена ехать в город к боярину, всю дорогу обливался он слезами. Когда он ехал в город по улице, был уже день, и встретился ему священник того боярина, шедший по своему делу. Остановил он старца и сказал ему: «Радуйся, брат Евсевий».

Старец испугался, думая, что священник сказал ему это в насмешку. Священник же повторил: «Радуйся, брат, ибо Бог помиловал вас и великий чудотворец Николай и ваш начальник избавил вас от гнева нашего боярина и от великих бед!»

Евсевий же спросил священника: «Скажи мне, отче, правду».

И стал ему священник подробно рассказывать, как по уходе игумена боярин вышел на предсенье горницы своей и зывал, отыскивая противника ошевенским чернецам, в особенности же Евсевия; как он, воззвав на второй и третий день, не получил желаемого, еще более разъярился, созвал слуг своих ближних и, напоив их, вечером накануне сего дня сговорился с ними причинить зло святому тому месту; из этих слуг он выбрал самого свирепого мужа и велел ему утром ехать в монастырь, с великим бесчестием схватить Евсевия, наложить на него оковы, привести и посадить его в темницу и крепко сторожить, пока не придумает, что с ним делать. Но в ту ночь совершилось боярину некое Божие явление, как он сам сказал священнику. После совета со слугами боярин опьянел от сильного питья, лег спать и уснул крепко. Потом, пробудившись, он почувствовал себя трезвым. Когда он опять уснул легким сном на своей постели, явился ему Николай чудотворец, как некогда царю Константину, имея некое оружие обнаженное в руке своей, и сказал: «Если не покаешься, то без милосердия умрешь».

С ним явился преподобный Александр, который также грозил боярину, говоря: «Если не послушаешь святого Николая и меня, то не будешь жив, но скоро умрешь!»

Видя страшное сие чудо и слыша грозное запрещение святых мужей и узнав из них только Николая чудотворца, по образу его, боярин испустил стон, горько заплакал и начал молиться: «О, великий архиерей Божий Николай, не погуби меня за грехи мои. Другого же святого мужа я не знаю имени, как назову его в святых молитвах!»

Николай же сказал: «Неужели ты не знаешь сего мужа, богосозданную обитель которого ты хвалился разорить и Богом собранное стадо учеников которого хочешь разогнать? Это преподобный Александр, начальник обители той. И вот он, соблюдая монастырь трудов своих, пришел остановить тебя, взял он с собою и меня, ибо мне также повелено Богом хранить место то, потому что там есть церковь во имя мое.

Услыхав это, боярин еще более испугался и снова стал молиться обоим святым, говоря: «О, великий чудотворец Николай, ты святой, уже в древние времена просиял ты святостью и творил великие чудеса. Знаю я их и всегда молюсь тебе!»

Также сказал он и преподобному Александру: «О преподобный Александр, прости мне неведение мое, ибо не знал я имени твоего и не слышал о чудесах твоих! Ныне узнал я о них, знаю и славлю имя твое святое и проповедую дивные чудеса твои, истинный раб Божий, угодник Христов, сопричастник в чудесах великому чудотворцу Николаю! Ныне, господин мой, прости меня Господа ради, ибо я сотворил это по неведению. Отныне же Бога поставляю во свидетели и даю обет ничем не вредить монастырю вашему, но даже рад я помогать ему».

Очнувшись от видения, боярин залился слезами, объятый страхом великим и трепетом, славил он святых чудотворцев Николая и Александра, дивясь случившемуся чуду.

«Когда же я, – сказал священник, – пришел к боярину, он поведал мне все то, что я тебе рассказал теперь. Повесть свою я кончил, ты же иди отселе, радуясь и веселясь о Господе. Смело иди к боярину, ничего не боясь и не ожидая дурного. С великой любовью он примет тебя, сам все о себе расскажет и отпустит тебя с честью и с похвалами, ты же с радостью возвратишься в свой монастырь».

Подал друг другу молитву и благословение, инок Евсевий и священник расстались. Священник пошел по своему делу, старец же поехал на свое подворье, а потом отправился к боярину. Боярин с любовью принял его, называя господином и отцом, попросил благословения и прощения, посадил с собою рядом и стал с ним весело и любезно беседовать. Проливая слезы, затем рассказал он подробно о случившемся с ним чуде Николая и Александра чудотворцев, согласно с рассказом священника, прибавив только: «Если бы я знал о такой благодати Божией в вашем монастыре и о чудесах святых чудотворцев, то, прибыв в город, я не поехал бы во двор, пожалованный государем, но сначала ехал бы в монастырь ваш помолиться Спасу, Пречистой Его Матери и Николаю чудотворцу и приложился к начальнику Александру. А потом поехал бы и на двор, пожалованный государем».

Весьма почтив и одарив старца, боярин отпустил его в монастырь с достаточной милостыней и с мирным приветом игумену и братии. С радостью и похвалами возвратился старец в монастырь свой, передал игумену и братии о чуде, случившемся с боярином, и показал им данную милостыню, серебряные деньги и другие вещи, необходимые монастырю. Игумен же и братия все прославили Бога, воздали похвалу чудотворцу Николаю и преподобному Александру.

Мы же сие слышали от уст самого боярина. Пришлось мне однажды быть у него на пиру с другими священниками, и всему собранию он ясно поведал о страшном чуде и о благодеянии Божиим. Также и старец тот рассказал мне. Слышав этот рассказ от обоих, я соединил все воедино и написал на пользу читающим и служащим, во славу Христа Бога.

О некоем человеке Ермолае, Павлове сыне, Иоаннове. Не следует и сие предавать забвению, но как свечу на высоком светильнике поставить, чтобы входящие видели свет. Надлежит нам предать сие писанию, чтобы прочитавшие получили пользу.

Верстах в трех от города Каргополя жил в деревне некий муж, принадлежавший к людям знаменитым, Ермолай именем, Павлов сын, Иоаннов. Бог послал ему радость, поставил его государь царь властелином помянутого выше села Надпорожья, и явил он там много добродетели. Так, он украсил книгами церковь Божию, храм во имя великого чудотворца Николая, повелев написать сгоревшие во время церковного пожара книги и положить их в церковь. Те книги сохранились в церкви донныне, во свидетельство его добродетели. Был тогда большой голод, и он накормил и напитал многих нищих и убогих, и многую милостыню творил он, так что его можно назвать отцом сирых. Иные добродетели его один Бог знает, мы же можем удостоверить, что сами видели своими глазами добрые поступки его. Имел он великую веру к обители преподобного Александра и часто посещал ее, ибо ему было поручено архиепископом блюсти монастырь тот. Весьма заботился он о монастыре, посылал туда много милостыни и дал обет постричься в том монастыре. Затем он оставил власть и жил в своем селе. Через короткое время умерла у него жена, и не взял он второй жены в дом свой, не прикоснулся нечистоте, но пребывал один, соблюдая чистоту своего вдовства. Потом послал он в монастырь к игумену и братии, предлагая в собственность монастырю часть села своего с засеянным хлебом. По совету с братией игумен ответил ему, что они не желают того сами, ибо оно близко к городу. Тогда он призвал зятя своего с женой, своей дочерью, и отдал им свое имение и село, оставив себе лишь одну ниву, засеянную хлебом, чтобы передать ее монастырю. Бог споспешествовал добродетели его, и нива та принесла обильный урожай. Ермолай поразмыслил и решил: «Возьму я хлеб, насыплю его в лодку, повезу на море, продам, на вырученные деньги куплю соли и опять продам, так получу я прибыль и отдам в монастырь, отчего сподоблюсь большой славы». Внезапно он заболел, и была болезнь его очень тяжела, так что все суставы

его распались и он уже отчаялся в жизни своей. Придя однажды в чувство, вспомнил он обет свой постричься и тотчас послал в монастырь к игумену и к братии, прося, чтобы они приняли его в монастырь и сделали монахом. Игумен тотчас поехал к нему и, увидав его тяжкую болезнь, решил не везти его в монастырь, но одел его в черные одежды и сделал монахом, во иночестве же нарек его Елисеем. И тотчас же стало ему легче. Игумен взял его в монастырь, он же привез с собою все свое богатое имущество и жил в обители во всяком благочестии и в добром исповедании. По навету же диавола некоторые из братии восстали на него, начали роптать и много раз поносили его, бранили и тем думали изгнать его из монастыря. Он же не сказал им ничего злого, но всем повиновался, и снова зажил, как бы ни в чем не пострадав от них. Однажды послан он был игуменом и братией на службу монастырскую в Турчасово (так называлось место) вести тяжбу с противником о земельном участке. Противник тот, любитель тяжб и ссор, желал ту деревню отнять у старца и сильно укорял и бранил его. Старец же ничего не отвечал, но в тайне сердца своего молил Бога и не только о себе, но и о противнике, чтобы Бог сделал его кротким. А бранил он старца сильно и перед народом, и некоторые, зная добродетель старца, говорили ему: «Как это ты, старец, терпишь такие укоры от худого человека?» Старец же отвечал им: «Никакого вреда не причинили мне его укоры, все члены тела моего целы и здоровы».

Не стерпел, наконец, этих досаждений старец, с жалостью пришел он в келлию, где жил, и стал со слезами молиться преподобному Александру. И сказал он, как бы укоряя святого: «Я надеялся на помощь твою, ты же ввернул меня в такие напасти, так что ни в монастыре, ни вне монастыря не могу я избегнуть зла. Если ты не помилуешь меня, то не могу терпеть сих бед, но уйду из монастыря твоего и поселюсь, где Бог ведает. Ныне, отче, помоги мне, или пошли мне терпение или отпусти меня идти, куда Бог повелит».

Сказавши это и сему подобное, лег он отдохнуть. Вставши утром, он не мог ясно видеть глазами своими, и перед глазами казался ему только слабый свет. Познал старец свое согрешение и стал молиться со слезами: «Прости мне Господа ради, отче святой Александр, что я согрешил перед тобою своим неразумием и грубостью, даруй хотя бы единому оку моему зрение. Не оставляй меня за мои грехи, не поминай моего невежества, но прославь свои чудеса. Если же ты, отче, и весь мир изумляешь чудесами, а меня презришь, то как мне проповедать твои чудеса, не испытав на себе такового дара!» Много и других умильных слов говорил он сверх того: «Не уйду я теперь из обители твоей и не преступлю своего обета».

И тотчас как бы сеть паутины разорвалась на правом его глазу, стал он ясно видеть по-прежнему и весело глядел. И пошел он к судьям. Те рассмотрели по правде и оправдали старца, противника же его признали виновным и отдали старцу, пока не даст за себя выкуп. Взяв же противника, старец недолго продержал его, помиловал его и отпустил, а сам возвратился в монастырь свой, радуясь всем случившимся чудесам и говоря, что Александрова молитва везде помогает. Обо всем он рассказал игумену и братии, и все прославили Бога и преподобного отца Александра.

Сказание о новых чудесах преподобного Александра. Происшедшие прежде преславные знамения, великие чудодействия Божия и дивные явления, которые сотворил Бог через угодника Своего, богоносного отца нашего Александра, в прежние времена и годы, записаны были от известных свидетелей и истинных сказателей, затем и мы сами слышали о чудесах святого и явлениях из уст тех, над кем они совершались. Подобаает и нам со страхом и трепетом достойно поведать и истинно написать о великих благодеяниях Божиих, которыми прославил Бог преподобного Александра в эти годы, о новоявленных чудесах святого, которые перед глазами нашими сотворил Бог.

Чудо преподобного о немом отроче. Поведаю я дивное чудо, которое в наши лета сотворилось в обители. О таком преславном чуде, какое ныне видели, мы и не слышали ранее.

Осенью 1563 года в самый мясопуст перед Рождеством Христовым, на память святого апостола Филиппа, пришел к нам в обитель некий юноша лет около двадцати, и не мог он

совсем говорить. Привели его к игумену. Тот много расспрашивал его, но юноша ничего не мог сказать в ответ и только бормотал невнятно. Собрались многие из братии, желая узнать, что такое с ним. И стали игумен и братия спрашивать юношу: «Из какого ты рода или селения?»

Он ничего не отвечал. Тогда они начали называть места по именам. Сначала он стоял, понурившись. Когда же назвали город Вологду, он весело взглянул на игумена и на братию и улыбнулся. Иноки спросили его о имени, но он и не посмотрел на них. Когда они произнесли имя Стефан, он опять весело взглянул и, ударяя в грудь свою тремя пальцами, тем указывал, что это его имя. И стали спрашивать его братия: «Почему ты не говоришь прямо? Мы не можем понять бормотания твоего».

Тогда юноша открыл уста свои и показал им горло. И все увидели, что глубоко близ гортани чернелся отрезанный корень языка его. Стали спрашивать, как это с ним случилось и за что он пострадал так. Долго бормотал он, но ничего нельзя было понять. И снова спросили его: «Сколько лет тому назад случилось это с тобою?»

Он показал им четыре пальца, означая тем, что прошло четыре года. Братия же спросили его: «Не хочешь ли ты пожить здесь, в монастыре нашем, послужить Богу и потрудиться для своего спасения? Бог тебя помилует и Николай чудотворец и наш начальник Александр».

Юноша поклонился игумену и братии. Тогда они сказали: «Кто поручится за тебя, что ты не бежишь?»

Взглянув на образ Господень, юноша простер свою правую руку к образу, как бы приводя образ Божий в поручители.

«А умеешь ли ты работать?» – спросили его братия.

Тот стал махать руками, как бы сечь и колоть. Они спросили его также и о другом деле. Он опять замахал руками, как бы делая то, о чем спрашивали. С благословения игумена приняли его и дали ему одежду и обувь. И стал тот юноша жить в монастыре в послушании и покорении, заботясь о своей службе. Некоторые же несмысленные и не боящиеся Бога стали надругаться над ним, насмехаясь, понося и укоряя его; иные даже толкали его и били. Тогда пришел он к игумену и братии и с умильными поклонами горячо и слезно просил, указывая пальцами противников своих, больших и малых, прося позволения уйти из монастыря. И это было не один раз, ни дважды, но много раз. Игумен же и братия утешали его, говоря: «Терпи, чадо, Бог тебя помилует!»

Прошла зима. Настал праздник перенесения мощей Николая чудотворца. В этот праздник, после заутрени, когда я готовился к службе, пришел ко мне тот юноша и, смиренно кланяясь, показал мне три пальца. Я понял и дал ему три монеты из того серебра, которое он дал мне на хранение. Пойдя к своим товарищам, он дал им две серебряные монеты на молебен в честь праздника. На третью же серебряную монету купил он у церковного сторожа три свечи, одну из них поставил перед образом Пречистой Матери Божией, другую – перед образом Николая чудотворца, а третью свечу – в притворе, у гроба Александра. Ничего не мог он сказать, но тайно молился тайным помышлением сердца своего: «Господи, помилуй меня ради своего угодника Александра!» И, проливая слезы, сказал мысленно: «О преподобный отче Александре! вот я – пришелец; если не проявишь на мне благодати чудес, дарованной тебе Богом, то не могу я ни верить в них по слуху, ни проповедать о них».

Из притвора юноша пошел к келарю, а келарь поручил его служить старцу некоему, Игнатию именем, который был поставлен кормить и поить гостей. Игнатий же приставил юношу разносить питье.

Окончив трапезу, братия разошлись по своим келлиям, гости же продолжали пить и веселиться. Старец с юношей пошел взять питья и наполнил из бочки доверху большой сосуд, который надо было нести. Захотелось юноше попить, и поклонился он старцу, как бы прося благословения. И сказал старец: «Чадо Стефан! Помолись Николаю чудотворцу и

преподобному Александру начальнику и испей во здравие: это, ведь, канун Николая чудотворца, ибо взято из полного сосуда».

Помолился Стефан мысленно, с печальным вздыханием сердца своего, молился втайне, Господь же услышал молитву своих угодников и явно помиловал его. Почерпнув малым сосудцем, юноша испил и тотчас почувствовал, что язык его вырос и удлинился от обрезанного своего корня. И воскликнул юноша: «Отче Игнатий, на мне чудо сотворил Господь по молитвам святых чудотворцев Николая и Александра, возрастил язык мой!»

Старец же искусен был в таком деле и воскликнул громким голосом по-гречески: «Кирие элейсон, что по-русски означает: «Господи, помилуй!» Велели звонить в колокола и отпели молебен, и множество народа сошлось на то великое и дивное чудо, дивясь неизглаголанному, видя, что отрок говорит ясно, проповедуя величие Божие. Весь народ разразился громкими восклицаниями, говоря, что все благое делает Бог через святых Своих: глухим подает слух и немым речь; во столько лет не мог вырасти язык его, ныне же вырос мгновенно, разрешившись от союза своего. И все прославили Бога ради случившегося чуда и воздали хвалу чудотворцу Николаю и преподобному Александру.

И поведал юноша следующее. Отец его жил в селении, называемом Корторма (в другом списке – Катрома), в области города Вологды. Напали разбойники и зарубили отца с матерью, а ему отрезали язык и разграбили все их имущество. Поэтому юноша стал нищим и, произнося лишь неясные звуки, скитался по миру, питаясь милостыней Христа ради. Исцелившись, юноша прослужил в монастыре два лета, а затем удалился, славя Бога и проповедуя о чудесах святых чудотворцев Николая и Александра.

Чудо преподобного Александра о некоем человеке Никите. Не умолчим и о сем чуде святого. Верстах в десяти от обители, в селении, называвшемся Верхний Борок, на реке Онеге, жил некий человек, именем Никита, Евстафиев сын. И случилось ему ехать где-то, как обычно ездят на возах люди, промышляющие торговлей. Съезжая с горы, взял он лошадь за повод, чтобы сдерживать ее ход. Лошадь еще более разгорячилась; он поскользнулся и, не удержав лошадь, упал, она же помчала через него воз, который раздавил обе его ноги. И он стал точно мертвый. Бывшие с ним соседи нашли его еле живым и отвезли его домой. Тяжко страдая от болезни своей, лежал он, совсем не мог ни встать, ни ходить. Не знал он, как быть, но пришла ему на ум мысль, и сказал он себе: «Вся страна наша полна слухом о чудесах преподобного отца нашего Александра». И стал он призывать скорого помощника: «Преподобный отче Александре, избавь меня от недуга сего и дай облегчение болезни! Я отправлюсь в монастырь твой, приложусь у твоего гроба и там получу совершенное исцеление».

О великое чудо! Человек тот лишь мысленно помянул святого с верою, преподобный же поспешил скоро на помощь, тотчас подал болящему здравие. Больной почувствовал себя здоровым, встал на ноги и исполнился великой радости, так как ранее не мог он двинуться, а теперь ходил всюду. Тотчас пошел он в обитель святого, с честью облобызал раку преподобного и ясно рассказал всему священному собору чудо, содеянное над ним чудным Александром. И возвратился он в дом свой, радуясь и воздавая великое благодарение Господу и Пречистой Его Матери и проповедуя чудеса преподобного отца нашего Александра.

Чудо святого о иноке Мисаиле. Был некий инок, Мисаил именем, постриженник монастыря блаженного Александра. В молодые годы он жил распутно и сверх того имел большую склонность к пьянственному питию и пил много, что, как известно, препятствует успеху и в душевных, и в телесных трудах и отлучает от Бога. Но не одна только эта дурная привычка была у него, овладело им маловерие к святому отцу Александру. Не осуждая, говорю я о нем: он сам поведал мне о себе это. Господь не пожелал оставить его в неверии и явил над ним такое чудо.

Случилось Мисаилу быть в помянутом селении Верхний Борок, лежавшем у Онеги реки, верстах в десяти от обители, на пиру у некоего христоробца именем Никиты, Васильева сына. И воздал ему тот христоробец достойную честь, как был у него обычай почитать

гостей и угождать им. Много пил тот инок, вливая в себя питье, как в пустой сосуд, и от безмерного пьянства стал точно юродивый и бесчинствовал на пиру, делая неподобающее и говоря нелепое, о чем писать бесполезно и непристойно. Наступила ночь, и лег он отдохнуть. Проснувшись внезапно, вспомнил он свое неистовство, почувствовал стыд и задумал удалиться, чтобы избежать позора. Вышел он из дому в одной свитке, остальную одежду неся в узле, и не знал, как перейти на другой берег той страшной и быстрой реки. И провалился он в реку, едва удержавшись руками за лед. Он еще не отрезвился от пьянства и потому думал, что все это сон. Но оглянувшись назад, увидел он, что струи текут через руки его, и стал громко кричать. Никто не услышал его, потому что все спали. Видя конец жизни своей и горький час смертный, начал он молиться Господу Богу и Пречистой Его Матери и призывать многих святых на помощь. Но не было ему помощи. Вспомнил он тогда о преподобном Александре и сказал: «О, преподобный отче Александре! Избавь меня от горького часа смертного, не сотвори по моему неверию, но сделай по чудесам твоим, чтобы и я мог проповедать великие чудеса твои!»

Велико могущество Божие и неизреченны чудеса святого! Тотчас почувствовал он под ногами своими как бы некий упор и по грудь высунулся из воды на лед. Но лед был не крепок и обломился. Тогда он громко воскликнул: «Великий чудотворец Александр, избавь меня от внезапной смерти!»

И второй раз ринулся из воды и упал на лед телом до пояса. И стал он руками хвататься за снег и за лед и изранил руки и ноги до крови. Дополз он до берега и встал на ноги, босой, потому что обувь свалилась где-то с ног его. Добравшись до дороги, пришел он на ту же сторону реки к некоему человеку, Иоанну именем, Иаковлеву сыну, который впустил его. Показав ему кровавые руки и ноги, рассказал он всю беду свою, как тонул и как преподобный Александр сотворил над ним превеликое и страшное чудо, даровав ему помощь и скорое избавление от горькой смерти. Слушавшие его дивились несказанному Божию милосердию и великому чуду преподобного. Наутро, как только рассвело, пошли они на реку и нашли в реке одежду его, примерзшую одним рукавом ко льду, почему он и не утонул. Стали мерить глубину воды и намерили четыре сажени. И все прославили Бога и преподобного Александра. Старец же тот отправился в обитель, проповедуя чудеса преподобного Александра.

О помянутом выше Симеоне, Алексиеве сыне. Однажды пришел в обитель помянутый выше Симеон, у которого было в обычае часто посещать братию. И видя, что обветшала теплая церковь Божия, храм во имя Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, пожелал тот христоробивый человек воздвигнуть новую церковь вместо ветхой. И сговорился он с игуменом и с братией нанять работников и приготовить лес на создание новой церкви. И дал он вдоволь серебра на все устройство церковное и украсил церковь иконами и книгами и наполнил всем необходимым.

По попущению Божию, грехов ради наших, случился великий пожар, погорел весь монастырь, обе церкви и келлии до основания; уцелели только хлебная, поварня, келлия для гостей и дворец. Пришел в обитель Симеон посетить братию и, видя их в скорби и сетования, утешал их, говоря: «Господа и отцы, это случилось по грехам моим; вы же Бога ради терпите на месте сем, все снова Бог исполнит».

Снова нанял он работников, велел готовить лес на строение церкви и дал вдоволь серебра своего на такое Божие дело. Затем он привез в монастырь все свое имущество, сколько у него было. И спустя два года по пожаре создана была церковь теплая во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения, обширная и достойная хвалы, превышавшая сгоревшую церковь. И велел Симеон написать книги богослужебные, вместо сгоревших, и украсил церковь лучше прежней, ибо Бог споспешествовал ему по вере и делу его.

Когда церковь была построена, наступил праздник успения великого чудотворца Николая, и на праздник собралось из окрестных селений множество народа. В навечерие праздника отслужили вечерню, и велел игумен звонить на другой день с раннего утра,

праздника ради. Собрались братья к пению; к началу пения пришел и тот христоролюбивый человек Симеон.

Некоторые из народа собрались в церкви, другие же на трапезу, слушая Божественное пение и чтение и дивясь благодати Божией, красоте первосозданного храма и украшению святых икон, удивляясь и добродетели христоролюбца, искусному мастерству строения и обширности его. Также иноки благодарили Бога, Пречистую Его Матерь и Николая чудотворца и прославили чудеса преподобного отца нашего, начальника Александра, ибо Господь по его молитвам даровал нам такого строителя; и возносили они мольбы ко Господу Богу о христоролюбце Симеоне, ибо такой храм создал нам Бог его строением и по любви его к нам, нищим.

Также и Симеон мысленно радовался и славил Бога за то, что сподобил его Бог воздвигнуть такой храм во имя Пречистой Богородицы, честного Ее Успения. И сказал он мысленно: «Дай же мне, Господи, еще и другой храм воздвигнуть, во имя великого чудотворца Николая!» Сказал он это не для хвалы, не возносясь тщеславию и не хвалясь богатством. Дьявол же позавидовал добродетели христоролюбца того и замыслил, вселукавый, сотворить не одно зло, но многие души желал он низринут в ров пагубы.

Жил у христоролюбца того один нищий, хромой и слепой на одно око, Пантелеимон именем, которого он покоил у себя в другой келлии. Так прожил у него нищий много лет. И захотел злодей и враг возбудить в святом том месте смятение и злую ненависть, христоролюбца же Симеона лишить воздаяния, возбудив против него разные умышления, чтобы он, не стерпев досады, удалился из монастыря. Но не мог поколебать твердого столпа, совратить христоролюбца с пути веры. Ибо ничего нельзя утаить от Бога и никакая добродетель не оставляется Им в забвении. И не допустил Бог того, что желал дьявол, и преуспела Александрова молитва.

Восхотел дьявол лишить нищего хромца покоя и внушил ему злую мысль, которую тот и выполнил. Жил в том селении пришлый человек, Иоанн именем, и подружился он с хромцом. Дьявол сдружил их прелюбодеянием, ибо хромец пал с женою его. С той весны они и стали друзьями, и сговорились при случае украсть у христоролюбца серебро, что и исполнили. Как сказано выше, Симеон стоял на заутрени и молился, они же в то время обокрали его и задумались, как бы не открылось злодейство их, ибо много народа было тогда в монастыре. По окончании утрени и после молебного пения игумен с братией пришли к Симеону и поклонились ему до земли, говоря: «Спасибо, господин Симеон, за то, что ты проявил таковую о Христе любовь к нам, нищим, воздвигнув нам строения. Мы должны о твоём спасении молить Бога».

В свою очередь, Симеон поклонился им и сказал: «Господа и отцы, не мое это строение, но Божие».

Все разошлись по келлиям. Пришел в свою келлию и Симеон, не зная о случившемся. Келлия его была заперта, как обыкновенно. Войдя в сени, пошел он к задней стене их и увидел, что вопреки обыкновению дверь там не заперта. Тогда пошел он в другую келлию свою, в которой жил тот хромец, взял свечу, вернулся в сени и у видал, что серебро его украдено. Придя к игумену, он известил его о случившемся. Собрались игумен, вся братия и множество народа и все увидели, что ящик разломан и серебро взято. Симеон же сказал игумену и братии: «Ищите серебро мое; если же не отыщете, то вы все участники этого дела. Бог сохранил его от потопления в море и от пожара, а вы теперь вдруг захотели воспользоваться серебром, обещанным мною на храм Николаю чудотворцу».

Долго укорял он игумена и братию, и из-за сего было в монастыре великое смятение. Игумен же и братия отвечали ему: «Господин Симеон! все единодушно скажем тебе: не наше это дело и не наш умысел. Сам дьявол не может сего сделать один, но человек, послушав дьявола, сделал это. Мы же надеемся на Господа Бога, на Пречистую Его мать, на чудотворца Николая и на молитвы отца нашего Александра, не оставит нас Господь и не презрит слез наших, но явит серебро твое и обличит похитителя. Ныне же мы не можем

прекословить тебе; возьми что хочешь, призови палача и вели ему мучить различными муками, а мы готовы заодно с тобою помогать тебе против злодея, кто бы он ни был».

Симеон пошел в другую келлию свою, где у него жил нищий хромец, и сказал ему: «Друг Пантелеимон, не знаешь ли ты чего-нибудь о похищении серебра моего?» Нищий начал плакать и со слезами сказал: «Я нищий, но по твоей добродетели не голодаю, и не жажду, и не испытываю никакого недостатка. Не подозревай меня, господине! Если бы я что умыслил, Бог бы не попустил сего. Думается мне, что это дело старца Варлаама, так как он хорошо знал о серебре твоём и, будучи искусным кузнецом, мог сделать ключи; в этом участвовал и брат его, беглец Григорий, монастырский сторож. Нет никого другого, кто бы осмелился на такое дело».

И много другой лжи высказал он, чего и не переслушаешь, желая оправдать себя. Пошел Симеон в собор и сказал игумену и братии: «Есть у вас старец Варлаам, казначей, который знал о серебре моем, потому что оно было у него в казне. Еще у него есть брат, беглец, сторож монастырский. Это их дело».

Старец же Варлаам сказал: «Я готов на муку и на смерть, но неповинен я в таком злом деле».

То же сказал и брат его. Игумен и братия отставили старца того от казны, говоря: «Если это верно, то и нам он не годен для такой службы».

Брата же его, беглеца, и другого отрока, помянутого выше Стефана, над которым сотворилось чудо, посадили в темницу и заковали в железные оковы. Братия сильно скорбели. Долго искали, но ничего не нашли; многих спрашивали, но никто ничего не рассказывал. Всюду всячески искали, но не достигли никакого успеха. А в городе и с укором стали говорить, что-де чернецы украли серебро. Спустя несколько дней Симеон снова пришел на собор и сказал игумену и братии: «Отыскали ли вы пропавшее серебро мое?» Игумен и братия сказали Симеону: «Что мы тебе раньше говорили, то и теперь скажем, призови палача и вели мучить заключенных без милости. Если среди них не найдешь виновного, то мы все виновны перед тобою: вели бить нас всех, от первого и до последнего. Иначе мы отыскать не можем. Кровь же праведного взыщется на виновном в день суда, и станет праведник перед Господом в великом дерзновении и венец примет от рук Господа за пролитую кровь, и причтен будет к мученикам, и со Христом будет царствовать вовеки. Виновный же вместо корысти здесь примет позорную кончину, а по смерти наследует геенну огненную, дно адово и бесконечную муку».

Затем игумен и братия тихо и умильно сказали Симеону: «Не смеем мы сказать тебе, господине, ибо ты гневаешься. Если же не прогневаешься, то скажем с твоего позволения».

«Говорите», – сказал он.

И сказали они ему: «Живет у тебя нищий, хромой и слепой на одно око. Все мы думаем, что это он похитил твое серебро».

«Господа и отцы! Вы знаете, что на улице подобрал я сего детину, неведомого нищего, хромого, гнусного, коростового, смердящего гноем от ноги, которая согнулась от болезни. Привел я его в дом, покоил его, сам служил ему, носил его в баню и из бани на своих руках, не гнушаясь ни струпа на его язвах, ни смрадного их запаха. Позвал я искусного врача, чтобы вылечить его, не жалея на врача серебра моего, сколько тот ни захотел получить. Не за любовь ко мне, а за нищету помиловал его Бог, и нога его, хотя и не выпрямилась, но исцелилась от язвы. Я всячески старался угождать ему, миловал его, как член своего тела, утешал, как свое детище. Прожил он в моем доме больше десяти лет, потом, заботясь о его спасении, поместил я его к вам в монастырь и дал ему в монастыре такую же келлию, какую устроил и себе, вы все это знаете. Уже 25 лет, как я взял его, и не думаю, чтобы он так поступил. Если же это верно, значит я сам похититель!»

И пошел Симеон в келлию того хромца и сказал ему все, что слышал от братии. Пронырливый же хромец стал обольщать Симеона лживыми и льстивыми словами: «Господине, ты видишь беду мою. Нищ я и убог. Есть ли кто хуже меня? Я жив среди

мертвых и мертв среди живых, и считаю я себя поэтому непогребенным мертвецом. Они же все не могут и смотреть на меня и ненавидят тебя в особенности из-за меня».

Мною подобного говорил злоковарный хромец. Пришел от него Симеон в свою келлию и стал со слезами молиться Господу Его и Пречистой Его Матери, святого же Николая как бы упрекал, говоря: «О великий чудотворец Николай! обещал я серебро на храм твой: где ты скрыл его, скажи мне, чтобы мне пойти и взять его: или кому ты отдал его; зачем же ты отдал с своим и мое, пригодное на мою потребу? Я надеялся, что с своим ты сохранишь и мое, и мне думается, что неправильно ты поступил со мною. Не только ты меня обидел, но и себе досадил. Уже третий год нет храма твоего в обители, и теперь не знаю, когда он и будет, если ты не явишь серебра того».

Говорил он и еще многое от великой скорби. Потом сел и, раздумывая, сказал: «Если призову палача, как сказали мне черноризцы, то причину скорбь игумену и братии, и многих обижу, многих подвергну истязаниям и пролью много крови; если же падет хоть одна капля крови, придется мне сильно ответить перед Богом. Если же по грехам моим кто-нибудь, не перенеся истязаний, умрет или по судьбам Божиим придет кому-нибудь конец жизни, то я в день Страшного Суда буду осужден, как разбойник и убийца. К чему же мне тогда послужит потерянное серебро мое? Ни в чем мне не поможет малая моя милостыня, подаваемая рукою, пролившею кровь; не будет мне тогда никакого избавления от храмов Божиих, от построения и украшения их, но все сие будет мне во обличение на суде перед Богом. Если я хоть одну душу оскорблю, то погублю свою душу и предам ее вечным мукам. Лучше мне не видать серебра того, нежели оскорбить хоть одну душу! Знает Господь, что это серебро не родилось со мною, ни осталось мне в наследство от отца моего, ни трудом великим не стяжал я его, ни нашел его в кладе, ни отнял его насилием, но даровано оно было мне Богом по молитвам великого чудотворца Николая и преподобного начальника Александра, как прибыль от моей небольшой торговли. Все, что я имел, принадлежит Богу, а не мне, ибо Он создал меня и душу вдохнул и жизнь даровал, дал мне имущество и сделал меня строителем дома Своего. Я же не умел владеть домом и не радел о его устройнии, не передал серебра его торжникам, которые продают Царство Небесное, и не дал займы доброму Заимодавцу, от Которого было бы стократное воздаяние. Поэтому Господь мой и отнял от меня домовное строение. Когда давал мне Господь, я радовался, когда же взял у меня, не жалею, ибо освободился я от печали моих забот. Пусть будет воля Господня!»

Потом стал он молиться со слезами: «О великий архиерей Божий Николай! согрешил я перед тобою, прости мне неподобные слова, сказанный мною тебе от неразумия и грубости. Ныне призываю я на молитву преподобного Александра, ибо знаю, что он может умолить за меня грешного твою святыню. Поэтому я молюсь тебе и Александра призываю, что вы оба и сообща творите чудеса многие; можете вы и на мне явить чудо, избавить меня от скорби и сделать радостным».

Много и еще говорил он с умилением. Затем лег спать и в ту же ночь было некое Божие явление, о чем он нам не поведал. На другой день утром встал он радостный, пошел к заутрени, велел после заутрени отслужить молебен, затем предложил игумену и братии собраться на собор и позвать того хромца. И сказал Симеон игумену и братии: «Вот он, тот хромец, которого вы называете похитителем серебра!»

Хромец же стал говорить нелепое и не только возражал, но и всех, как пес, облаял, желая скрыть свое злодейство. Видя его коварство, Симеон велел отвести его в темницу и крепко сторожить. Некий же старец из братии сказал, неизвестно по какой причине, от неразумия ли и простоты, или от Бога дано ему было такое слово: «Господин Симеон, прежде привел ты к нам похитителя, а потом принесешь и серебро».

На эти слова Симеон весьма обиделся. Братия же стали укорять того брата, говоря: «Зачем ты причиняешь такому христороубцу новую печаль!» Старец же отвечал: «Нам от него печаль, а ему печаль не от нас!» Тогда сказал игумен: «Помолитесь, братия, ибо уже давно мы скорбим и сетуем, семь седмиц исполняются и приближается пятидесятница печали нашей».

Некоторые же из древних иноков сказали: «Господь Бог помилует, а медлит Он, ожидая обращения нашего и желая чудом прославить Своих угодников».

Пошли они в церковь Божией Матери и стали молиться о том, чтобы Господь избавил обитель преподобного Александра от скорби.

О нахождении серебра и обличении воров. Дошел до помянутого выше пришельца Иоанна слух, что друга его, хромого, посадили в темницу и крепко стерегут. И напал на него страх и трясение, вошла в кости его боязнь и в сердце его трепет, и не мог он ни пить, ни есть, ни спать. И стал он раздумывать: «Если бежать мне куда-нибудь, то буду убит на дороге, как собака, или же меня догонят и безжалостно схватят. Если здесь останусь, также немилостиво мучим буду. Если же расскажу обо всем такому же неправедному человеку, как я, то он предаст меня смерти. Серебро это пособить мне не может, и я окажусь сам своим убийцей. Если же мне повиниться Симеону, то уже много серебра истрачено – часть мною, а часть хромцом: с кого его взыскать? Я же особенно пострадаю за это, так уж лучше возвратить серебро Симеону и сказать ему правду».

Нашел он человека именем Аверкия, который был участником той обители, и сказал ему тайно: «Видел я серебро, брошенное в некоей бане. Пойди и скажи о нем Симеону».

«Правда ли это?» – спросил Аверкий.

«Правда, я сам видел», – отвечал он.

Аверкий пошел и сказал Симеону. Захватив свечу, пошли они оба и под доскою нашли мешок с серебром. Симеон взял его, пошел в монастырь и, войдя в притвор, облобызал раку святого и с горячими слезами вознес преподобному молитву, ибо он не презрел его моления. Потом он отнес серебро в свою келлию, послал за вышеупомянутым вором и сказал ему: «Друг, где ты узнал о серебре моем?»

«Там, где сказал тебе Аверкий», – отвечал тот.

Пошли они туда, но не нашли ничего. Тогда вор сказал Симеону: «Ты взял его». Симеон же сказал: «Я не столько взял, сколько ты украл у меня».

«Не украл я серебра твоего», – сказал вор и начал лгать, рассказывая иначе, чем было в действительности.

Симеон схватил его за грудь, повел его в монастырь и привел его к мосту через реку. Видя себя крепко схваченным, вор очень испугался и спросил Симеона: «Господине, помилуешь ли ты меня?» Симеон сказал: «Если ты расскажешь мне правду, то помилую».

«Вернемся же, господине, и поищем в одном месте».

Пришли они на некое место. Вор палкою разрыл снег и нашел мешочек, больше чем на половину насыпанный серебром.

Симеон взял вора за одну руку, в другой же руке вор нес мешочек, и пошли они к монастырю, а день был светлый. Как же это не чудо: волк сам принес пастуху похищенную овцу, донеся на себя сам; украденное серебро вор сам возвратил хозяину, принеся его своими руками, и сам явился обличителем своего злодейства. Семь седмиц не было слуха о сем, ныне же в пятидесятый день и в первый час объявил Господь утаенное и молитвами преподобного Александра открыл. От всех тайно сделал он тать, ныне же всем стало явно и все узнали!

Привел Симеон его на двор; сказали игумену и братии. И собрались многие, пришли также и жители того селения посмотреть на преславное чудо. Но выше чуда была несказанная милость Божия, неисповедимое явление великих чудотворцев Николая и Александра. И великую хвалу воздали Богу, ибо не презрел Он молитвы и слез нищих и убогих рабов Своих; не только от скорбей избавил Он их, но и оправдал. Одних похитителей явил он виновными, возвратил серебро, а христоробца Симеона снова успокоил и обрадовал. Вора Симеон посадил в темницу, а невинных отпустил, затем поехал в город, позвал оттуда сотника и некоторых из главных людей и городе, а также и палача, и поставил перед ними того лукавого хромца и другого вора – пришельца. Сотник стал допрашивать обоих, как они крали, каким умыслом. Они стали лгать, говоря не так, как было в действительности. Тогда сотник объявил им: «Если не скажете истины, то

подвергнетесь разным мукам». Стали они препираться, и пришлец вор сказал хромому: «Ранее меня ты соблазнил жену мою великим соблазном и обилием серебра. Поведай же сначала коварство».

Но злокозненный человек, хромец, возразил: «Сначала ты расскажи о своем злодействе. Приходя ко мне, ты говорил о красоте твоей жены и о доступности ее. Сам ты соблазнил меня, звал и принуждал к прелюбодеянию с женой своей, злой и лукавый человек!» «Говори прежде ты», – сказал сотник вору-пришельцу.

И начал вор рассказывать: «Господине, я пришлый и убогий человек, пришел я сюда, поселился у одного здешнего жителя и, не имея, чем кормиться, начал ходить в монастырь и исполнять всякую службу на монастыре и вне его, тем и кормился. Увидал меня хромец и сказал: «что ты ко мне не зайдешь?» Стал я ходить к нему, он же давал мне то хлеба, то рыбы и другое необходимое. Видя его ласку ко мне, я думал, что Бога ради он кормит меня, за мою нищету. Стал и он ходить ко мне. Однажды пришел он ко мне и вино принес с собою и стал меня поить, а также и жену мою. Напившись, пошел он в монастырь, а я проводил его до келлии. И стал он говорить мне тайно: «Желаешь ли быть мне другом?» «Очень хочу», – сказал я. Тогда он сказал: «Знаю я, где много серебра; сколько хочешь, дам тебе, только отдай мне свою жену на прелюбодеяние. Потом уйдем и поселимся вместе, потому что жена твоя мне очень нравится».

Прельстился я многим серебром и соблазнительными его словами и сделал, как он хотел, отдав ему жену свою. И подумал я: «Уйдем мы куда-нибудь, как сказал тот хромец, и построим себе жилище. Затем, дождавшись удобного случая, удавим хромца, как бешеную собаку, серебро станет нашим и будем мы с женою жить, питаюсь на то серебро в остальное время жизни». Спустя некоторое время пришел я к нему, и дал он мне два мешочка серебра, в одном было взято немного, а в другом было взято около трети. Часть серебра я отдал в рост, но не крал, ибо не знал о серебре Симеоновом».

Когда вору стали препираться и рассказывать о своих преступлениях, Симеон велел записывать их речи, на обличение их. Сотник же спросил хромца: «А что же скажешь о том, что рассказывал твой друг?» Хромец сказал: «Когда я согрешил с женою его, стала она обнимать меня и соблазнять ласковыми словами: «Уйдем, господине; убьем мужа моего, как старого пса, станем с тобою беззазорно веселиться». Много и иных легкомысленных и позорных слов сказала она, прельщая меня. Прельщенный этими любодейными словами, я надеялся, что она весьма любит меня и сделает, как сказала». Рассказав, как ходил, крал и отдавал серебро, которое теперь взято, хромец прибавил: «Но сам я не взял ни одной серебряной монеты».

Долго его допрашивали, но он ничего еще не сказал. Тогда вор-пришлец закричал на хромого: «Рассказывай, злодей, а то нас будут немилостиво мучить. Я все скажу, сколько взято мною: одна часть скрыта в доме, где я живу, другую же отдал сыну, третью отнес в город и там спрятал».

Симеон и сотник поехали с вором в город и разыскали там двадцать рублей серебра. Собрали они, сколько он сказал, и лишь часть не могли отыскать. Вора-пришельца Симеон велел выгнать из селения, а хромца, подержав немного, отпустил, и тот ушел.

Все это случилось по Божию смотрению и по молитвам Пречистой Богоматери и чудотворца Николая.

И прославил Господь угодника своего, преподобного Александра, за великие труды его и подвиги, которыми измлада поработал он Христу. Велико исправление сего блаженного мужа, отвержение от мира, воздержание, славные и предивные чудеса святого и явления, непорочная и добродетельная жизнь по Бозе могут многих подвигнуть на любовь к Богу и наставить к спасению. Посему и ныне, отцы и братия, ликуем мы весело и светло празднуем отца нашего торжество духовное, веселясь и радостно похваляя добродетельные подвиги и великие труды его по Боге. Приходя с верою, поклоняемся раке преподобного, где положены честные его мощи, при которых милостиво исполняются прошения и подаются исцеления до сего дня, ибо костям сим содействует Святы́й Дух и через них помогает

живущим в страхе Божиим и хранящим заповеди Его. И видя это, думаем, что воистину видим мы самого чудотворца. Ибо хотя и в гробу положен святой, но духом всегда он среди нас и смотрит за всеми нами, живем ли мы по заповедям его и сохраняем ли предание его невредимым. Радуюсь этому, он милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как любимых детей своих. Если же мы станем нерадеть о своем спасении и не будем исполнять заповеди Божии и закон монашеский и не сохраним наставление отца нашего, то сами лишим себя помощи Божией, и молитва отца нашего не поможет нам. А без Божией помощи и без отеческих молитв мы не можем сотворить ничего благого.

Поэтому, любимые, сердечно позаботимся о своем спасении и будем подражать отцам нашим в том суровом житии, таким каким они богоугодно пожил здесь в безмолвии, тишине, любви, смирении и кротости, во бдении, молитвах и покаянии, со многими слезами, имея одно стремление – спастись. Соблюдаем себя и не оскверним святого места, которое отцы наши очистили от бесов плачем и рыданием и печальным сердечным воздыханием, и омыли горячими слезами, чтобы, богоугодно поживши здесь, получили мы оставление грехов и в будущем веке прияли блага, уготованные им, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава ныне и присно и во веки.

О житии и подвигах и о писавшем житие преподобного. И следующее поведаю вам, отцы святые и братья о Христе. Вы слышали чудеса святого и житие и подвиги блаженного отца нашего Александра, как святой измлада поработал Христу и потрудился своего ради спасения. Немного лет пожил он в жизни сей, но много угодил Богу и многие чудеса сотворил. И кому достанет силы подробно описать добродетельные его труды и подвиги! Я же, многогрешный, недостойный и грубый разумом священноинок Феодосий, составивший житие святого отца Александра, осмелился написать нечто малое о блаженном, не на разум свой надеясь или на свое умение, ибо сие дело выше моей силы. Не по своему мудрованию, но с Божией помощью и по произволению святого совершил я это, в собственности же видя чудеса его, которые Бог творил его ради и творит до сегодня. Иное я слышал от рассказывавших мне истинное – и радовался я, благодаря святого, ибо как он пожил и потрудился. А кроме того, никем не было писано житие святого. И от этого великая печаль и скорбь овладели душой моей, в особенности же одержим был я любовью к святому великому отцу Александру. Поэтому я написал из многого малое. Но иные чудеса прошел я молчанием, ради множества их, другие же поэтому не написано мною, что не дошли до слуха нашего. Хотя сими чудесами и помиловал Бог людей, но они скрыли чудеса святого по своему неразумию и невежеству, думая, что Божие благодеяние и чудеса святого послужат им к стыду и сраму. Мы за это не дадим ответа, а святой сам повествует о себе. Но мы зло ответим, если, слыша о чудотворениях, не напишем по лености. Сие же малое предал я писанию, чтобы не осталось в забвении добродетельное житие святого о Боге и чтобы вы не были лишены такого дара, не зная жития отца своего. Написано житие его на пользу духовную желающим своего спасения и для соревнования подвигам его. Поэтому я осмелился писать, что знал о святом лучше других и мог принести пользу; не желал я сего скрыть в молчании, боясь за преслушание смерти, чтобы не сподобиться мне осуждения одного раба, скрывшего талант в земле. Посему и позаботился написать о всех трудах и подвигах святого, что только мне будет о них известно, чтобы никто не подумал или не сказал, что, не ведая истины о святом, написал я неправильно. И вы не говорите обо мне так: «Не мог он помнить совершившееся за столько лет, что написал». Ибо много лет прошло после преставления святого. Что от кого я слышал, то и рассказываю. Не дай Бог солгать на святого! Пусть не будет так! Но только скажу вот что.

Отец мой священствовал в том селении, где родился святой, и там разыскал я земледельца некоего, Исаака именем. Тот Исаак был родственник преподобному, сын старшего его брата Амвросия, и был моложе преподобного на немного лет. С детства жил он вместе со святым и все хорошо знал о нем. Часто приходил он к отцу моему и беседовал о святом. Отец мой спрашивал, Исаак же все рассказывал ему по порядку, я всю беседу слушал внимательно. Был я тогда еще только молод, только что навикал святому Писанию.

Затем отец мой переселился оттуда на реку Онегу в село, называемое Надпорожье, где была церковь во имя Николая Чудотворца, и при церкви этой священствовал отец мой. В то время властелин села того, Григорий именем, великую веру имел к монастырю преподобного, блюсти который поручено было ему от архиепископа. Поэтому часто приходил к нему священник, Корнилий именем, которого посылал игумен, постоянно беседовал с отцом моим о святом, о житии и чудесах его. Корнилий хорошо знал о святом и часто рассказывал и читал писанное, иное же писал по приказанию отца своего, старца Леонида, который прежде писания о сем рассказывал. По смерти родителя я сподобился священства и остался тут жить. Спустя некоторое время пришел к нему некий дьяк, Иоанн именем, много лет проведенный в обители. И был он принят служить с нами в святом том храме. О многих чудесах святого рассказывал он мне. Слушая все это, я весьма дивился, и, распалемый, как огнем, желанием и любовью к святому, был влеком великим усердием, как бы неким вервием. Пребывая в миру, я часто стремился пройти в обитель святого, но не сподобился. Когда же потерял я жену, то пришел в обитель святого и облекся в одежду иноческую. Немного времени спустя я был сподоблен священства от преосвященного архиепископа Пимена. И нашел я в обители древних иноков и сродников святого, которые и рассказывали мне чудеса, происшедшие от богоносного отца: одни – известные, другие – не явленные. Я записывал, что слышал от известных свидетелей, но многое обошел молчанием, так как с течением долгого времени было забыто, не будучи записано. Никаких записей не нашел я; какие же были писания, то они погибли по небрежению, как сказано выше. Слышав все это, я весьма дивился тому, что о житии и чудесах святого не было написано ясно в продолжение стольких лет. Подумав об этом, я сказал себе, что сие происходит по Божию строению, как и оказалось по изволению Божию.

О явлении преподобного священнику Феодосию, первый и второй раз с приказанием, и третий раз с угрозой и наказанием, а потом с милостью и прощением. Не умолчу о Божием даровании, не могу утаить благодеяния Господа нашего и не хочу скрыть явления и чудеса преподобного отца нашего, нового чудотворца Александра, начальника и игумена нашей обители, Ошевнева монастыря, который сотворил Бог его ради на мне грешном.

Пришел я в монастырь, приняли меня, и игумен постриг меня и сделал иноком и в черные одежды облек меня в понедельник первой недели Святого поста. И поручил он меня старцу некоему, Елисею именем. Прошло сорок дней, указанных монастырским уставом, и еще несколько дней прошло, и вот в среду Светлой недели явился мне преподобный Александр, как наяву, назвал меня по имени и сказал мне: «Чадо Феодосие, иди в Великий Новгород, возьми от архиепископа благословение и приими сан священства».

А узнал я святого по написанному образу, который положен на гроб его. И стал я отказываться. Он же взял меня за правую руку и дал мне обещание, как бы со временем желая дать мне мздовоздаяние некое, что и случилось после, по слову святого. Пошел я к архиепископу, принял сан священства и возвратился в обитель. Спустя несколько времени некоторые братья монастырские возроптали, и я присоединился к ним. И вот второй раз явился мне преподобный Александр в великой церкви и сказал мне: «Разве ты начальник во обители?» Я же поклонился ему и сказал: «Что это ты, господине отче, спрашиваешь меня, как бы не зная? У нас есть игумен, а я – священник».

Святой сказал: «Так скажи своему игумену: «душевное попечение о всех лежит на твоей душе». Тебе же скажу: «оставь всякие злые козни и позаботься о своей душе»».

Упав перед ним на землю, стал я плакать и сказал: «Ты мне, отче, будь наставником и учителем!»

Придя в себя от явления, я никого не увидал и только заливался слезами от наставления святого. С наступлением вечера пришел я на собор и сказал одному из братии, что не мое это дело; и они также прекратили свое начинание. Прошло несколько времени и по навету диавола овладело мною неверие, иногда я веровал в истинность явления, иногда же считал его за призрак сна. Также и о чудесах святого думал я надвое, а видел я много чудес,

происходивших перед нашими очами. Подумал я и сказал себе: «Если бы не было даровано святому от Бога, то не мог бы он творить сих знамений». Пришел в себя и познал свое согрешение и стал помышлять о том, чтобы написать хотя малое из многого. И взялся я за дело не по своему ухищрению, но возлагая надежду на Бога и надеясь на молитвы преподобного. Простер я грешную и грубую свою десницу и начертал начало душеполезной повести. Потом, написав немного, обленился и по небрежению оставил в забвении.

Наступил праздник великого и светлого дня Христова Воскресения; любовно ликовали и с честью проводили его. Отпев вечерню, разошлись мы по келлиям, я лег отдохнуть и вижу, что нахожусь в некоем великом храме и там явилось мне некое Божие видение и услышал я голоса, о которых я не осмеливаюсь написать или когда-либо поведать иным, будучи сам недостойн. И увидел я, что вошел преподобный Александр, держа в руке небольшой прут. Взглянул он на меня гневно и сказал: «Зачем ты приходил к вечерне?» И затем продолжал: «Зачем ты начинаешь дело выше своей меры? А что уже ты начал, то почему не оканчиваешь по лености?»

И пригрозил мне мукою. Я стал плакать, молиться и сказал: «Господине отче, не прогневайся на промедление мое. Отпусти мне, в чем я согрешил тебе, яви мне милость, ибо я стар и не могу перенести страдания. Если ты обидишь меня, то я не стану уже называть тебя отцом и удалюсь из монастыря твоего».

Видя мои умиленные слезы, преподобный слегка улыбнулся и сказал: «Не разговаривай много, не противоречь и пади ниц!»

Упал я на помост, где стоял, и протянул руки и ноги, святой же сделал надо мною прутом знак, как бы ударяя, но ни боли не было, ни удара я не чувствовал, только до одежды коснулся он. Затем велел мне встать. Очнувшись, я никого не увидел. Начал я плакать и рыдать, ибо много противоречил святому, и увидел, что правая моя рука ослабела, а кисть руки согнулась у запястья: едва мог я сложить три перста в крестное знамение и перекрестить лицо, но два перста так и остались пригнутыми к ладони. Видя сие, исполнился я страхом и трепетом и познал свое согрешение, ибо за маловерие мое сотворил мне это Господь. Всеблагий Бог возжелал обратить мое маловерие в веру и Своего угодника еще более прославить, чтобы и другие научились бояться Бога и избежали страдания, подобного моему. Пошел я и рассказал о случившемся помянутому выше старцу Елисею. Он же, утешая, сказал мне: «Не скорби больше, радуйся и веселись, ибо Господь посетит тебя: Он творит все, что пожелает».

Потом пошел я в притвор к гробу Александру, стал лобызать раку святого и, непрестанно вздыхая, плакал обильными слезами. И со умилением сказал я: «О великий чудотворец, преподобный Александр, видел я и убедился, что ты воистину неложный чудотворец; верую я и еще верую, помоги моему маловерию! Всю мою надежду по Боге на тебя я возлагаю, не оставь меня!»

И другие многие умильные речи говорил я от жалости души моей, и не один раз, ни дважды, но много раз. Потом вошел я в собор, рассказал о случившемся игумену и всей братии и руку свою обессиленную и больную всем ясно показал, и молил всех с покорением помолиться за меня. Все же вещи, какие имел в келлии своей, велел я отнести в казну. И уже стал я разлучаться с жизнью, каждый день ожидая смерти; приходил день, наступал вечер, я же не имел надежды увидеть завтрашний день; приходила ночь, день наступал и озарялся светом, а я не знал, доживу ли до вечера. Но перестану о том много рассказывать, ибо все это полно великой жалости. Однажды пришел я в притвор, пал у гроба святого, заплакал и сказал: «О преподобный отче Александре! помилуй меня, не гневайся на меня больше, вспомни первое свое явление, когда ты обещал, желая воздать мне некое мздовоздаяние. Ныне и есть время даровать мне его. Исполни слово своего обещания! Знаю я, отче, что ты все можешь выпросить у Бога. Пусть же и о мне умолит Бога твое преподобие! Вот я уже состарился в грехах, не прошу ни богатства, ни продления годов жизни, ни почета, ни славы мира сего, ни сана, ни величества. Что же прошу, то даруй:

чтобы подал мне Господь твоими молитвами отпущение моих грехов. Хотел я удалиться из обители твоей, но ты не допустил мне этого. И далее не попусти, чтобы совершилось намерение мое. С этих пор дай мне, преподобный, терпение и твердую решимость не оставлять святого сего места, не преступить святого своего обета, не удаляться от твоей святыни. И еще, отче, прошу у тебя; укрепи мою мышцу обессиленную, расправь десницу мою искривленную и распрями согнутые персты мои, чтобы я проповедал о чудесах твоих. Если тебе угодно будет, то, сколько достанет у меня силы разузнать и разыскать известия о житии и чудесах твоих, поработаю я для тебя с желанием и любовью, со страхом и трепетом, ради чудес твоих, совершаемых над нами, за леность же и небрежение пусть не буду страдать я так, как теперь или даже тяжелее!»

Выйдя из притвора, тотчас почувствовал я облегчение болезни в руке моей. Когда святой явился ко мне, намереваясь бить меня прутом, я жалобно стал плакать и сказал: «О, преподобный отче, ты видишь, что я стар и не могу перенести страданий!»

И иное многое сказал я. Святой же сжалился над моим молением и слегка улыбнулся, прообразуя тем, что милостиво простит меня и обессиленную руку сделает здоровой. Когда же сделал надо мною знак прутом, как бы ударяя трижды, тогда прообразовал, что я буду три недели страдать от болезни той. И спустя три недели с каждым днем делалось мне легче и легче, и затем стала рука моя здоровой, подобно другой.

О, неизглаголанная милость Божия! О, великое чудо преподобного Александра, ибо обессиленную мышцу укрепил он, искривленную руку выпрямил и согнутые персты расправил! Многие и миряне, видевшие такое чудо, славили Бога и преподобного отца Александра, ибо все видели, как ранее нельзя мне было ни пищи к устам поднести тою рукою, ни взять что в руку, а теперь она стала здоровой, как будто никогда и не болела.

В пятую Неделю по Пасхе стал я опять служить Божественную литургию. Потом пожелал я писать житие святого и чудеса его, как сказано выше, малое из многого, что мог я разыскать и узнать, для ревности читающих и слушающих на пользу. Как недостойный раб, не хотевший исполнить дела господина своего, был бит за это, так и я, не желавший добровольно послужить преподобному, тотчас как бы насильно стал работать, и так написал я житие преподобного и чудеса святого.

Прославляю я Бога за то, что сподобил меня совершить таковое Божие дело, прославляю и чудеса преподобного Александра, ибо не отстранил меня Господь от таковой святой службы и не лишил меня святой такового дара своего. Ныне же, если бы я и больше узнал, не поленился бы писать и еще бы побудил старость свою за любовь к святому, сколько есть силы.

Здесь кончается душеполезная сия повесть. И если кто больше узнает или вернее услышит и расскажет яснее, чем я, худой и меньший из всех в обители, то мы о сем прославим и возблагодарим Бога, а он от Бога сугубую мзду примет и большей части сподобится о Христе Иисусе.

Написано было житие преподобного отца Александра в 1567 году, при державе царя государя и великого князя Иоанна Васильевича, всей России самодержца, при митрополите всея России Филиппе, при архиепископе Пимене Великого Новгорода и Пскова, во обители великого Николая Чудотворца, в созданном преподобным Александром монастыре, который именуется Ошевнев, где святой приял конец жития сего, а наследовал начало жизни вечной и радость неизреченную, которую все мы да получим о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава со Отцем и Святым Духом.

И о сем особенно молю вас, святые отцы и братия, когда будете читать житие святого, то, где я по небрежности описался или по лености не исправил, и вы Бога ради сами исправляйте, а мою грешную душу не отягощайте упреками Господа ради, и простите меня грешного, а Господь наш Иисус Христос простит вам ваши согрешения, и да будет со всеми вами милость Его со Отцем и со Святым Духом во веки. Аминь.

Источник: профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Память мученика младенца Гавриила Белостокского, Слуцкого

Родился 22 марта 1684 г. в деревне Зверки Белостокского уезда Гродненской губернии, в семье благочестивых крестьян Петра и Анастасии. Он рос кротким, незлобивым, заметна была в нем склонность к созерцательному уединению. В 1690 г. 11 апреля мать шестилетнего Гавриила понесла мужу обед в поле. Вскоре приближался праздник Святой Пасхи. В это время в дом забрался арендатор-еврей, приласкал дитя и тайно увез его в г. Белосток, где младенца предали мучениям: распяли, прокололи бока, постепенно испуская кровь. На девятый день ребенок скончался, его бросили в поле у опушки леса близ деревни Зверки. Голодные собаки, нашедшие тело, не только не растерзали его, но охраняли даже от хищных птиц. На доносившийся лай собак пришли жители деревни, нашли тело мученика и признали, что младенец погиб в результате ритуального убийства. Тело замученного Гавриила при большом стечении народа, глубоко взволнованного подобным

зверством, предано было земле близ храма.

Через 30 лет после погребения мощи св. Гавриила оставались нетленными. В 1746 г. храм, в котором был погребен младенец, сгорел, но святые мощи уцелели. Частично обгорела ручка, но когда святые мощи были перенесены в монастырь, ручка чудесно зажила и вновь покрылась кожей.

Св. Гавриил считается целителем детей. Святые мощи его несколько раз меняли место своего пребывания. С 1944 по 1992 гг. они хранились в Гродненской Покровской церкви, откуда торжественно были перенесены в Свято-Никольский собор г. Белостока.

Полное житие мученика младенца Гавриила Белостокского, Слуцкого

В сонме исчислимых лишь только Господом святых православной церкви мы находим имена множества мучеников, добровольно принесших себя в «жертву живую». Это они, пребывая в готовности быть всецело преданными Христу даже до смерти, мученически свидетельствовали о Том, Кто есть «путь и истина и жизнь» (Ин.14,6), о непреходящей ценности жизни во Христе и со Христом.

Среди мучеников всех времен определенное место в православном календаре занимают дети. Начиная со времен мучеников Маккавейских и 14 тысяч младенцев, истребленных Иродом в Вифлееме, православное благочестие с особой любовью относится именно к детям, ставшим жертвами внезапной насильственной смерти. В их случае жертвенная смерть соединялась с чистотою их невинности. Тем самым еще не совсем зрелые в физическом смысле отроки и младенцы становились истинной «солью земли» и «светом мира» (Мф.5,13-14).

Отсюда причисление многих младенцев и отроков, замученных за веру от язычников в первые века христианства, а также в дальнейшем пострадавших от иноверных, инославных и атеистов, к лику святых. Отсюда и народное почитание и в дальнейшем причисление к лику святых мученика младенца Гавриила, названного Белостокским, Заблудовским и Слуцким.

Личность святого младенца Гавриила является образом современного мученичества. Он не просто страдает перед судом язычников или еретиков за исповедание веры, но страдает безвинно и умирает, не сопротивляясь злу, чтобы таким образом последовать примеру Христа. Он – отроча чистейшее (как поется в акафисте), плод спокойной и даже радостной

готовности терпеть страдания «даже до крове» за Пострадавшего нас ради. Вместе с земной мученической кончиной младенца Гавриила и одновременным его рождением для новой, лучшей жизни мы получили особенного ходатая за нас, грешных, перед престолом Всевышнего.

Мученик младенец Гавриил родился, жил и пострадал на территории нынешней Польши. Поэтому Польская Православная Церковь относится к нему с особенным почитанием. В его честь строятся православные храмы, он является небесным покровителем Братства Православной молодежи в Польше, а также считается особенным целителем детей. После исторически обусловленных взлетов и падений в почитании святого мученика в настоящее время его память отмечается также всеми Православными Церквями.

Святой мученик младенец Гавриил Белостокский (Заблудовский, Слуцкий) родился 22 марта 1684 года в селе Зверки Заблудовского прихода Белостокского уезда Гродненской губернии. Был он сыном благочестивых крестьян Петра и Анастасии Говдель. Крестили его с именем святого Архангела Гавриила в храме тогдашнего Свято-Успенского Заблудовского монастыря, одной из немногих обителей в этой части Речи Посполитой, сохранившей в то время верность православию.

Младенец Гавриил отличался от других детей необычными для его возраста качествами души. Он рос ребенком кротким и незлобивым. В нем была заметна склонность к молитве и уединению, чем к детским увеселениям и играм. Его родители, несмотря на притеснения, которым подвергались тогда православные Речи Посполитой, не желавшие принимать Брестскую унию, свято хранили православную веру. Большое влияние на святого младенца Гавриила оказывала близость монастыря, в котором во время богослужений он духовно созрел, учился молитве и познавал Бога.

В 1690 году семью Говдель постигло великое горе. Невинный мальчик стал жертвой изуверства. 11 апреля, когда мать шестилетнего Гавриила понесла мужу обед в поле, в дом забрался арендатор деревни Шутко. Он приласкал дитя и тайно увез его в Белосток, где младенца предали мучениям. Сначала его посадили в подвал, где при помощи острых орудий проткнули ему бок для выпуска крови. После этого мученик был распят на кресте, установленном в корыте, и исколот острыми орудиями для выпуска остатков крови. На девятый день ребенок скончался.

Палачи тайно вывезли бездыханное тело в поле и бросили у опушки леса вблизи села Зверки. Приближался праздник Святой Пасхи. К телу прибегали голодные собаки, над ним кружились хищные птицы, но собаки не только не растерзали его, но даже охраняли тело от птиц. На доносившийся лай сошлись жители села и обнаружили жертву изуверства. Изуверы были найдены и наказаны, а в мемуарах городского Заблудовского правления оставлена соответствующая запись.

При стечении народа, глубоко взволнованного подобным зверством, тело замученного младенца Гавриила было предано земле близ кладбищенского храма в Зверках, где и пробыло около 30 лет.

В начале 18 века по всей территории Белостокского уезда прошел мор. Людей едва успевали хоронить. В селе Зверки умерших детей старались хоронить поближе к могиле младенца Гавриила, чувствуя необычную благодать этого места. Однажды в 1720 году во время погребения случайно заделали гроб мученика. К величайшему удивлению, его тело обнаружили нетленным. Весть об этом молниеносно разнеслась среди православно верующего народа, усиливая почитание мученика. Предание связывает с этим событием многие исцеления, происшедшие у могилы святого, и окончание эпидемии, что послужило поводом для почитания мученика. Обретенные мощи благоговейно перенесли в крипту под храмом в селе Зверки.

В 1746 году сгорела сельская церковь в Зверках, но мощи остались неповрежденными. Частично обгорела только ручка, да и то, несомненно, произошло согласно Божию промыслу, ради укрепления веры и благочестия в православном народе. Когда святые мощи

были перенесены в Заблудовский монастырь, ручка чудесно зажила и вновь покрылась кожей.

В 1752 году архимандрит Слуцкого монастыря Досифей (Голяховский), наместник Киевского митрополита, составил тропарь и кондак младенцу.

9 мая 1755 года ввиду напряженной обстановки, вызванной внешними обстоятельствами и недоброжелательностью инославного населения, по благословению Киевского митрополита архимандрит Михаил (Козачинский) перенес мощи святого мученика младенца Гавриила в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь Минской губернии и составил стихотворную повесть о младенце мученике Гаврииле. Крестный ход со святыми мощами, которые в раке несли на руках, величественно прошествовал более 300 верст. Мощи младенца мученика Гавриила лежали в раке совершенно открытыми. Обе ручки младенца держали маленький наперсный крест. Пальцы исколоты, на теле рваные раны.

В 1820 году младенец Гавриил был причислен к лику святых Русской Православной Церковью.

Вместе с возрастающей славой младенца мученика Гавриила и расширяющимся его почитанием православные христиане старались особым образом украсить раку с его святыми мощами. В 1897 году на добровольные пожертвования была изготовлена новая серебряная рака.

В 1908 году в типографии Успенской Почаевской Лавры была напечатана служба святому мученику младенцу Гавриилу, составленная архиепископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким).

В том же году епископ Гродненский и Брестский Михаил вместе с епископом Белостокским Владимиром приняли решение перенести из Слуцка часть мощей святого мученика младенца Гавриила в город Белосток.

Перенесение креста и мощевика, в котором до 1897 года почивали мощи святого мученика, началось 31 мая. Святыни были перенесены из города Слуцка в Жировицкий монастырь Успения Божией Матери. С 1 по 12 июня через деревни Ялужка, Новая Воля, Полота, Заблудов, Зверки и Дойлиды святыне мощи были перенесены из Жировицкого монастыря в Белосток. Таким образом, почти через 150 лет святыня вернулась на свою отчизну.

Частица святых мощей мученика младенца Гавриила находилась в Свято-Никольском кафедральном соборе города Белостока до 1912 года, пока не была перенесена в Благовещенский монастырь в Супрасле.

В Слуцке, где остались мощи, находилась специальная книга, в которой записывались известные духовным и государственным властям чудесные случаи, связанные с находящимися там мощами святого мученика младенца Гавриила. Всенародное почитание мученика младенца Гавриила установилось по всей Российской Империи. В день памяти святого к месту его упокоения со всей страны собирались тысячи паломников.

В 1915 году во время Первой мировой войны епископ Белостокский Владимир вывез деревянную раку с частицей святых мощей мученика младенца Гавриила в Москву и временно поместил в Покровском Соборе на Красной площади.

После октябрьского переворота 1917 года в России начались кровавые гонения на православных.

Врагам Христа мешала память об уподобившемся Ему младенце. Так, защищавший его память от поругания священномученик Иоанн Восторгов, настоятель московского Покровского собора на Красной площади, привлекался большевиками в качестве обвиняемого и впоследствии был расстрелян.

Решением Совета Народных Комиссаров от 29 июля 1920 года было постановлено: «планово и последовательно препроводить на территории полную ликвидацию мощей...». Это распоряжение не обошло и святыне мощи мученика младенца Гавриила.

В 30-х годах Троицкий Слуцкий монастырь, где до сих пор хранились мощи, был закрыт, а святыне мощи мученика перенесены в музей атеизма в Минске.

Во время Второй мировой войны репрессии стали слабеть, и в 1942 году в хаосе военной неразберихи православным жителям Минска удалось поместить святые мощи мученика младенца Гавриила в деревянную раку в кафедральном соборе Преображения Господня в Минске, настоятелем которого был митрополит Пантелеимон (Рожновский).

В 1943 году известие о нахождении святых мощей в минском соборе дошло до настоятеля церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селении Свислочи отца Алексия Зноско. Отец Алексий за короткое время написал акафист святому мученику Гавриилу, используя более 40 акафистов, которые служили ему образцом. Акафист был утвержден церковной властью в 1943–1944 годах и введен в церковное употребление.

9–10 июля 1944 года святые мощи были перенесены из Минска в Гродно, в церковь Покрова Божией Матери, где они и находились до 21 сентября 1992 года.

Послевоенная судьба этой святыни покрыта завесой тайны. Святые мощи на протяжении последних нескольких десятков лет находились в подземельях гродненской церкви вдалеке от тех, кто мог бы осквернить их. Святые мощи находились во влажном подвальном помещении в крайне неблагоприятных условиях. Однако они не пострадали, что в очередной раз свидетельствует об их святости.

21–22 сентября 1992 года по благословению архиепископов Гродненского и Волковысского Валентина и Белостокского и Гданского Саввы (ныне митрополита Варшавского и всея Польши) святые мощи были перенесены первым, начиная с 1944 года, крестным ходом из гродненской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, где они хранились, в Свято-Николаевский собор г. Белостока. На белорусско-польской границе их встречало несколько тысяч верующих, которые сопровождали мощи до самого Белостока через все города и села. Мощи младенца мученика Гавриила перевозились на автомобиле в дубовой раке. По пути следования верующие осыпали ее цветами. В каждом городе или деревне, где есть храм, делали остановку. Святые мощи вносились с крестным ходом в храм, где служились молебны и акафисты. Верующие прикладывались к святыне, оставаясь на ночь в храме для молитвы перед святыми мощами младенца Гавриила.

В самом Белостоке святые мощи встретили на окраине города и пронесли по главным улицам крестным ходом в Николаевский собор. Крестный ход продолжался около трех часов. В нем участвовало около 60 тысяч человек. Движение транспорта по улицам было остановлено. Крестный ход встречали даже представители светских властей.

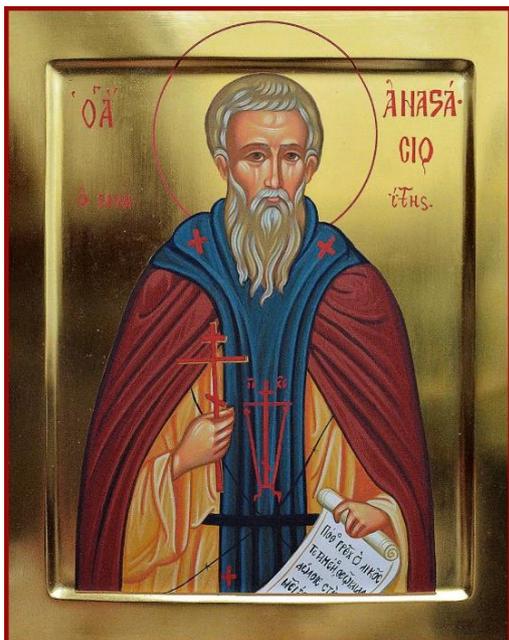
Богослужение в Николаевском соборе продолжалось всю ночь. Утром 27 сентября была также отслужена Божественная литургия. После нее святые мощи младенца мученика Гавриила обнесли крестным ходом вокруг храма и поместили в правом приделе собора. Еженедельно по вторникам перед ракой со святыми мощами читается акафист мученику Гавриилу. В Польше мученик младенец Гавриил почитается православными как покровитель детей и молодежи.

С 1993 года ежегодно 2–3 мая по новому стилю мощи младенца Гавриила переносятся из Белостока в Заблудов, где при открытой раке верующие проводят всю ночь на богослужении. Мощи привозят на автомобиле до окраины Заблудова и оттуда на руках верующие несут их в заблудовский храм. По случаю праздника 2 мая из Белостока выходит паломнический крестный ход в Заблудов.

Память мученика младенца Гавриила отмечается: 20 апреля/3 мая (в годовщину его мученической кончины), в 3-ю Неделю по Пятидесятнице (собор Белорусских святых), а в Польской Автокефальной Православной Церкви также 9/22 сентября (в годовщину обретения и перенесения его мощей из Гродно в Белосток). В прошлом его память отмечалась также в День Святого Духа.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-gavriil-belostokskij-slutskij-mladenets>

Память преподобного отца нашего Анастасия, игумена Синайской горы

Святой Анастасий был воспитан еще с самой юности своей в великом благочестии, что видно из следующих им самим сказанных слов:

- Видевшие Христа во плоти считали Его за пророка; но мы, хотя и не видали Его телесными очами, тем не менее с ранних лет, будучи еще младенцами и отроками, всегда признавали Его за Бога, всесильного Владыку, Создателя веков и научились исповедывать Его, как сияние славы Отчей. Святое же Его Евангелие мы выслушиваем с такою любовью, как будто видим пред собою Самого, обращающегося к нам, Христа; принимая же непорочную жемчужину пречистого Тела Его, веруем, что принимаем Самого Христа. А когда видим на иконе только лишь изображение Его, то поклоняемся, припадаем и почитаем Его, как бы видя Его Самого, взирающего на нас с небес.

Из этих слов преподобного Анастасия ясно видно, что он с самого детства своего научен был познавать Христа Бога истинного, верить в Него, бояться Его непритворным страхом, всем сердцем любить Его и почитать Его приличествующим Ему поклонением.

Достигнувши совершеннолетнего возраста, святой Анастасий оставил мир и, взявши по Евангельской заповеди крест (Мф.16:24), самоотверженно последовал за Христом. Удалившись в монастырь, Анастасий принял здесь монашество. Но желая достигнуть возможно высших подвигов добродетели и стремясь подражать совершенным в добродетели мужам, святой Анастасий отправился в Иерусалим и поселился на Синайской горе, где подвизался вместе со многими святыми мужами, преуспевавшими в подвигах иноческого жития.

В это время игуменом Синайской горы был преподобный Иоанн Лествичник¹ За свое смиренномудрие он получил от Бога дар духовного разумения и премудрости. Он составил много душеполезных бесед, написал житие некоторых святых отцов и сподобился получение пресвитерского сана.

После святого Иоанна Лествичника и брата его Георгия, святой Анастасий был игуменом Синайской горы. Он весьма много потрудился в обличении еретиков, называвшихся акефалами², т. е. безглавыми, много писал против них и, состязуясь с ними, обличал, и посрамлял их. Ересь акееалов зародилась в Александрии³ в правление императора Зенона⁴; основателями ее были лица, враждебные и противившиеся четвертому вселенскому собору святых отцов⁵, происходившему в Халкидоне⁶. Во время зарождение сей ереси в Александрии был лжепатриарх еретик Петр, по прозванию Могос⁷. К той же ереси акефалов потом присоединился Севир, получивший прозвание "Безглавый", за принадлежность к ереси безглавых; это тот самый Севир, который в правление императора Анастасия⁸ завладел престолом антиохийского патриаршества⁹.

Всех этих еретиков и поражал святой Анастасий, причем он боролся с ними не только на горе Синайской, но кроме того он сам обходил Сирию, Аравию и Египет, повсюду искореняя и изгоняя сию ересь и утверждая Церковь Христову. Много послужив Господу таким образом, преподобный Анастасий отошел ко Господу в глубокой старости. Кончина его последовала в царствование императора Ираклия¹⁰.

Следует заметить, что было два Анастасия с одним и тем же прозванием "Синаита". Первый-старший годами и саном антиохийский патриарх, претерпевший невинно

изгнание от императора Иустина, а другой - сейчас упомянутый, живший несколько позднее того и бывший игуменом Синайской горы.

1 Святой Иоанн Лествичник, игумен Синайской горы, великий подвижник благочестия, автор сочинение "Лествица", где начертаны как бы ступени восхождения по пути нравственного совершенства. Жил святой Иоанн в VI в. - См. житие его под 30 марта.

2 Акефалы (от греческого слова "кефали" - голова), наименование, прилагавшееся к некоторым церковным партиям как напр., к той, которая на соборе Ефесском (третьем Вселенском) не хотела идти ни за Кириллом, ни за Иоанном антиохийским, а также и к той партии, которая отделилась от патриарха александрийского, когда он подписал энотикон, - и к некоторым другим.

3 Александрия - город на севере Египта, славившийся в древности своею образованностью и торговлею.

4 Император Зенон царствовал с 474 по 491 г.

5 Четвертый Вселенский Собор был собран по распоряжению Императора Маркиана (450-457 г.) в Халкидоне в 451 г. На этом соборе был окончательно определен догмат об образе соединения в лице Господа Иисуса Христа двух естеств.

6 Город Халкидон находится в Вифинии (малоазийской области), у Босфорского пролива.

7 Петр Могос или Монг - монофизит, был патриархом с 477 г. по 490 г.

8 Анастасий (Дикор) управлял империей с 491 г. по 518 г.

9 Севир - ересеначальник, был патриархом с 512 г. по 519 г.

10 Император Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

Память святого Анастасия Синаита, патриарха Антиохийского

На тридцать пятом году царствования императора Юстиниана Великого¹, после кончины антиохийского патриарха Домна Младшего², на патриарший престол вступил Анастасий по прозванию Синаит, потому что он был взят на святительскую кафедру с Синайской горы.

В это время в Церкви начинались смуты, по поводу неблагочестивого мудрствование некоторых лиц относительно Божественной Христовой плоти, именно, - что будто бы во время пребывания

Спасителя среди людей, до вольных страданий Его плоть не испытывала страданий, не подчинялась природным потребностям, и будто бы Господь наш Иисус Христос принимал пищу и питье прежде Своих страданий и воскресение таким же образом, как он вкушал, являясь Своим Апостолам после воскресение³. Сие нечестивое мудрствование зародилось в

Константинополе. Подробно об этом написано в житии святого Евтихия, патриарха константинопольского⁴. К этому еретическому мудрствованию сначала присоединился и соблазненный еретиками император Юстиниан (но потом он оставил эту ересь), который и хотел возвести это еретическое учение в догмат веры. Вследствие этого произошло в Церкви большое смятение, так что был низложен с патриаршего престола и святой патриарх Евтихий, воспротивившийся ереси.

Все колебавшиеся, по незнанию, - принять это учение, или нет, ждали совета и указание от патриарха антиохийского Анастасия Синаита, так как святой Анастасий был муж весьма сведущий в божественном Писании, стойкий в исповедании православной веры и святой по жизни. Еретики приложили все усилия, чтобы склонить святого Анастасия на свою сторону, в надежде, что если они склонится к их учению, то все православные последуют его примеру. С этою целью они обращались за помощью к царю, но впрочем успеха не имели, так как святой Анастасий письменно обличил царя в его заблуждении. Он посылал также свои пастырские послания и во все Сирийские области к духовенству и мирянам, поучая всех оберегаться от означенной ереси. Кроме того в Антиохии он ежедневно поучал в церкви, повторяя это Апостольское наставление: **"Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема"** (Гал. 1:8).

Узнав обо всем этом император Юстиниан разгневался на святейшего патриарха Анастасия и восхотел низвергнуть его с престола, как и константинопольского патриарха Квтихия, но вдруг почувствовал приближение своей смерти и оставил свое намерение. Умирая, царь покаялся в ереси и написал в завещании, чтобы святой патриарх Евтихий был возвращен из заточения на свою кафедру. Таким образом Юстиниан умер в раскаянии и был сопричтен к благочестивым царям; в Церкви же снова водворился мир.

По смерти Юстиниана управление государством принял на себя его племянник, Иустин Младший⁵. По наущению еретиков последний низложил с престола Антиохийского архиепископа Божия Анастасия Синаита, взведя на него несправедливые обвинения. Так святого Анастасия обвиняли прежде всего в том, будто бы он не берег церковных денег и тратил их понапрасну; затем, в том, будто он злословил царя, выразившись о нем на обращенный к нему вопрос: почему он не щадит церковного имущества, так: "потому, чтобы последнего не отнял всемирный губитель Иустин". Находились еще говорившие, что когда Анастасий был возводим на антиохийский престол, в то время Иустин, заведывавший у своего дяди Юстиниана царскими палатами, ждал от Анастасия подарка золотом, так как был алчным сребролюбом. Но святой Анастасий не дал ему ничего, справедливо рассуждая, что нехорошо давать золото за получение духовного сана, не за золото приобретаемого, но подаваемого благодатью Святого Духа. С того времени Иустин стал гневаться на Анастасия. Когда же он по смерти своего дяди принял управление государством, то стал искать обвинений против ни в чем неповинного святителя Анастасия и, воспользовавшись ложными обвинениями, низвергнул его с престола.

После низвержения Анастасия, на антиохийский патриарший престол был назначен против его воли игумен фаранской лавры Григорий⁶, муж также преукрашенный благочестием, с похвалою воспоминаемый в Лимонаре святейшего патриарха иерусалимского Софрония⁷. По смерти сего Григория блаженный Анастасий Синаит, после двадцати трехлетнего своего пребывания в изгнании в царствование императора Маврикия⁸, снова был возвращен на антиохийский патриарший престол⁹. В то время папою в Риме был святой Григорий Великий, по прозванию Двоеслов, или Собеседник¹⁰. Сей святой пребывал в искреннейшем духовном общении с сим блаженным Анастасием, находясь с ним в переписке. Когда святой папа Григорий услышал, что Анастасий возвратился к своему престолу, то немедленно, сорадуясь его возвращению, послал к нему послание, в котором писал ему следующее:

"Слава на небесах Богу, на земли же да будет мир и радость, так как обширная река, некогда оставившая сухую антиохийскую каменистую почву, ныне снова возвратилась в свое русло и напаяет собою омываемые ею долины".

В другом письме он снова говорит:

"Ты сообщаяешь мне, святой отец, что если бы было возможно, то ты желал бы вести со мною беседу без бумаги и пера и соболезуешь, что сему препятствует слишком большое расстояние между востоком и западом. Но я говорю правду, что и на бумаге со мною мысль твоя ведет собеседование - как бы без бумаги. Из слов твоей беседы я вижу твою любовь ко мне и мы, соединенные по благодати всемогущего Бога союзом любви, - не разделены расстоянием. К чему ты желаешь иметь позолоченные голубиные крылья, которые ты уже имеешь? Ибо сии крылья суть любовь к Богу и ближнему. На сих крыльях взлетает святая Церковь, ими она превосходит все земное. Если бы ты, святой отец, не имел сих крыльев, то не прилетел бы ко мне с такою любовью в письме. Итак, умоляю тебя, молись о мне немощном, дабы твоими молитвами Господь скорее освободил бы меня от столь великих (причиняемых Риму лангобардами¹¹) бедствий и волнений, и привел бы к пристанищу вечного покоя. Я с благодарностью принял твои добрые благопожелания, которые ты, человек Божий, будучи смирен духом, выражал мне и относительно которых ты говоришь: что в состоянии отдать нищий кроме того, что принадлежит нищему? Но, если бы ты не соделал себя нищим духом, то не были бы столь щедрыми твои благословения. Всемогущий Бог да защитит тебя Своим покровом от всякого зла. И так как твоя жизнь весьма важна для

всех добрых людей, то, по прошествии лишь многих лет да переселит тебя Всевышний в вечные обители отечества небесного".

Из этого послания святого Григория, папы Римского, к блаженноиу Анастасию патриарху Антиохийскому становится очевидною взаимная во Святом Духе любовь их обоих и вместе с тем в этом послании свидетельствуется благочестие и святость жизни Анастасия.

Блаженный Анастасий, проживши шесть лет после своего возвращения на престол, преставился ко Господу на четырнадцатом году царствования императора Маврикия.

После сего святого Анастасия Синаита на патриаршество вступил другой Анастасий, но уже без этого наименования Синаит¹². Последний был убит иудеями в царствование императора, гонителя христиан, Фоки¹³ и был почитаем верующими как Христов мученик.

Следует заметить, что было два Анастасия с наименованием "Синаита". Первый - сей антиохийский патриарх, преставившийся в царствование императора Маврикия, а другой, празднуемый ныне же, был игуменом горы Синайской и скончался в царствование императора Ираклия¹⁴, который был преемником гонителя Фоки, убившего Маврикия. В те времена были также и другие преподобные отцы с именем Анастасие, прославившиеся добродетельною жизнью, но не Синаиты, как сей Анастасий, который, вступивши на престол патриарший в Антиохии после Анастасия Синаита, был убит иудеями. Кроме того в Лимонаре в главах 48-й 49-й упоминается авва Анастасий, бывший в Иерусалиме ключарем живоносного Гроба и церкви Воскресение Христа Бога нашего.

1 Император Юстиниан Великий царствовал с 527 г. по 565 г.

2 Патриарх антиохийский Домн 2-ой управлял патриаршею кафедрою с 546 г. по 560 г.

3 Таких мыслей придерживались так называемые еретики автартодокеты (от греческого - нетленный) -отрасль ереси монофизитов.

4 См. житие его под 6 апреля.

5 Иустин II царствовал с 565 г. по 578 г.

6 Лавра фаранская получила свое наименование от близ лежащего селение Фаран. Место сей обители указано в житии преподобного Евфимия следующими словами: "прииде Евфимий в лавру, нарицаемую Фара, отстоящую в расстоянии шести миль от святого града".-Григорий 2-й управлял антиохийским патриархатом с 573-596 г.

7 Патриарх иерусалимский святой Софроний 2-ый управлял патриаршею кафедрою с 634г. по 644 г. Память его празднуется святою Церковью 11 марта.- Лимонарь (от греческого луг, цветник). Названная таким именем книга Софрония, патриарха Иерусалимского, содержит в себе собрание повестей о деяниях некоторых пустынножителей, просиявших святостью. Книга эта переведена на славянский язык и была напечатана в первый раз в 1628 г.

8 Святой Маврикий управлял Византиею с 582 г. по 602 г.

9 Святой Анастасий Синаит в первый раз управлял патриаршею кафедрою с 561 г. по 572 г., а во второй раз с 596 г. по 601 г.

10 Святой Григорий Двоеслов был римским папою с 590 г. по 604 г. Память его совершается Церковью 12-го марта. Мощи его покоятся в Ватиканском соборе Апостола Петра в придельном храме, посвященном его имени.-Из сочинений св. Григория особенно замечательны: "Диалог о жизни италийских отцов" (за это сочинение ему и усвоено наименование "Двоеслова") и "Правило пастырское", в котором говорится об обязанностях пастыря.

11 Лангобарды - германское племя; в древнейшее время обитали между нижнею Эльбою и Аллером; с IV в. постепенно начали переходить на юго-восток к Дунаю и в VI в. овладели Панноной. Отсюда в 568 г. они пошли в Италию и покорили ее всю в войне против восточных римлян, за исключением Лигурии, Экзархата, Пентополя, Римского Дуката, области Неаполя и обоих южных полуостровов. Из покоренных областей средней Италии было образовано Лангобардское королевство, которое в 774 г. было покорено Карлом Великим, принявшим титул короля Лангобардов. Позднейшие немецкие короли а императоры, в качестве владетелей Италии, носили титул королей Лангобардских.

12 Анастасий II управлял антиохийским патриархатом с 602 г. по 610 г.

13 Император Фока царствовал с 602 г. по 610 г.

14 Император Ираклий царствовал с 610 г. по 641 г.

Память святого Григория, патриарха Антиохийского

Преподобный Григорий был игуменом монастыря, называвшегося Фаран и находившегося между Синайской горой и Раифом. По особому Божию промыслению он чудесным образом был предуказан Богом как человек достойный патриаршего престола. Об этом так повествуется в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха иерусалимского.

Авва Георгий армянин, ученик аввы Сергия, сообщил нам, следующее: так как авва Григорий, бывший игуменом лавры Фарана, неоднократно просил меня привести его к авве Сергию, то я отправился с ним к старцу, пребывавшему в то время в пустыне около Мертвого моря¹. Старец, увидев его, приветствовал его и принял весьма любезно. Он принес воды, омыл ему ноги и весь день беседовал с ним о спасении души, а на другой день отпустил его. Когда авва Григорий удалился от аввы Сергия, я спросил старца:

- Знаешь ли ты, отче, что я соблазнился; потому что многих епископов, пресвитеров, и иных отцов приводил я к тебе и ты никому из них не умыл ног, Только авве Григорию?

На эти слова старец отвечал мне:

- Я не знаю, кто такой Григорий, но знаю, что я принял патриарха в мою пещеру, ибо я видел, что он носит омофор² и держит в руках Евангелие.

Это Авва Сергий говорил об авве Григории в пророческом духе, потому что по прошествии пяти лет, по судьбам Божиим, авва Григорий был поставлен патриархом в городе Антиохии³.

О сем авве Григории, патриархе Антиохии, некоторые из старцев передавали, что он имел в особенности следующие добродетели: милостыню, непамятозлобие, покаяние, смирение. Он имел также и большое сострадание к согрешающим, приобрел и многие другие добродетели. Святейший Софроний, патриарх Иерусалимский, дает о нем такое свидетельство:

- Такой муж, как антиохийский патриарх, блаженный Григорий, достоин сопричисления к лику святых и преподобных: он против воли был взят на патриаршество и проводил святую жизнь о Христе Господе нашем, Ему же слава во веки. Аминь.

1 Мертвое море - соленое, асфальтовое, на юге Палестины, образовавшееся в долине Сиддим после гибели Содома и Гоморры. Длина его 70 верст, ширина 25. На севере оно глубже, а на юге мельче. Уровень его на 1200 фут. ниже Средиземного моря. Обилие в воде этого моря горько соленых частиц производит то, что ни в самом море, ни в окрестностях его нет никакой жизни, нет ни рыб, ни птиц, ни растений. Попытки проникнуть до середины озера были безуспешны, а для многих губительны. Вода Мертвого моря отличается особенною плотностью; погрузиться в нее трудно; волны ударяют в скалистые берега подобно обломкам камней.

2 Омофор (греч. плечо и ношу) - нарамник, принадлежность облачения архиерейского. Омофор представляет собою длинный и широкий плат, с изображениями креста, одеваемый поверх других архиерейских одежд и опускающийся вниз одним концом спереди, а другим сзади. В символическом смысле омофор знаменует собою заблудшую овцу, которую Добрый Пастырь возложил на плечи Свои (Лк. 15:4-7).

3 Святой Григорий I управлял антиохийской кафедрой с 573 г. по 596 г.

Память святителя Николая, епископа Охридского и Жичского¹

Св. Николай (Велимирович), сербский Златоуст, родился 23 декабря 1880 г. в маленьком горном селе Лелич в семье крестьянина. Родители с малых лет водили Николая в расположенный неподалеку монастырь Челие (т. е. Кельи) на службы и к причастию, а когда мальчик подрос, отдали в школу при этом монастыре. Там он и получил начальное образование. Впоследствии в обители Челие будет жить ученик св. Николая, другой сербский подвижник прп. Иустин (Попович) [25 марта]. С самого детства Николай выказал живую устремленность к молитве. По окончании монастырской школы отец послал Николая в гимназию в гор. Валево в Центральной Сербии. Наделенный редким умом, юноша пожелал затем продолжить обучение в военной академии, однако Провидение судило иначе.

В академию Николая не приняли по состоянию здоровья, и он поступил в белградскую Богословию (т. е. семинарию) Святого Саввы, дабы подготовиться к служению в воинстве Христовом. Получив церковную стипендию, он продолжил высшее образование в Швейцарии, Германии и Англии. Он в совершенстве овладел несколькими иностранными языками, интересовался самыми разными темами, от европейской литературы до древнеиндийской философии, причем не ради стяжания книжного знания, но для того, чтобы показать превосходство православной веры и духовности.

В 1908 г. Николай блестяще защитил в Берне докторскую диссертацию по теме «Вера в Воскресение Христово как основной догмат Апостольской Церкви». Именно это учение станет сердцем его жизни и проповеди. На следующий год Николай поступил в Оксфордский университет, где закончил философский факультет, а свою вторую диссертацию защитил уже в Женеве, на французском языке, и посвящена она была философии Беркли. Вернувшись на родину в 1909 г., он тяжело заболел дизентерией. Тогда он сказал: «Если мое служение угодно Богу, Он исцелит меня». Николай дал обещание, что в случае выздоровления станет монахом и целиком посвятит себя служению народу Божию. Поправившись, он, верный своему обещанию, немедленно отправился в монастырь Раковица близ Белграда, где принял монашеский постриг, а позднее был рукоположен в иеромонаха.

Сразу же после этого о. Николай отправился учиться в Россию, в Санкт-Петербургскую духовную академию. При приеме в Академию он даже не упомянул о законченных им западноевропейских факультетах, поступив в качестве окончившего курс семинарии. Он регулярно посещал лекции и оставался незаметным для товарищей до одного из академических духовно-литературных вечеров, где буквально поразил своими знаниями и проповедническим даром и студентов, и преподавателей, и в особенности митрополита Петербургского Антония (Вадковского), который выхлопотал для него у российского правительства бесплатное путешествие по всей России. Это паломничество по русским святыням стало для иеромонаха Николая подлинным откровением. Впоследствии он часто вспоминал о России с большой теплотой.

¹ Почитавшийся местно в течение долгого времени, он был официально канонизирован Сербской Церковью в мае 2003 г.

Возвращение о. Николая в Сербию совпало с началом Первой мировой войны, и он щедро жертвовал на нужды страждущего народа, помогал больным и бедным, совершенно отказываясь от своего жалования. В 1915 г. сербское правительство отправило его в Англию и Америку, чтобы поведать о страданиях сербского народа и добиться оказания помощи сербским эмигрантам. Целых четыре года, с 1915-го по 1919-й, о. Николай выступал в различных церквях, университетах, колледжах, залах и собраниях, объясняя, за что сражается раздираемая врагами Сербия.

В 1919 г. иеромонах Николай был избран епископом Жичским, а два года спустя перемещен на Охридскую кафедру. Как годовичное пребывание в России, так и ежегодные посещения Святой Горы Афон, где он общался с прп. Силуаном [11 сент.]², позволили ему углубить ощущение наследия святых отцов. Именно поэтому блестящий обладатель докторских степеней европейских университетов поступил в школу простых монахов и православного народа, в душе которого созерцал образ Христа распятого и воскресшего. Слова Спасителя: Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь (Ин. 14:6) стали основанием его жизни и вобрали в себя всю его философию.

Враг рода человеческого обрушился на владыку Николая посредством одного епископа, оскорбившего его. Однако святитель выказал в этом деле беспредельную добродетель и кротость, отказавшись обвинить обидчика и даже пожаловаться на него. Его пастырская деятельность в епархии была разносторонней: он восстанавливал многочисленные разрушенные и опустевшие монастыри, основывал детские приюты, куда принимали всех детей без различия национальности или веры. Самым знаменитым из основанных им благотворительных учреждений стало Битольское, где преподавал будущий святитель Иоанн (Максимович) [19 июня]. Другие были созданы в Кралево, Чачаке, Горном Милановаце и Крагуеваце, где перед Второй мировой войной нашли приют более шести сотен детей.

Свт. Николай оказывал особое внимание нравственному и духовному образованию своих чад: им было составлено немало книг, около двадцати томов, написанных поэтично и в то же время глубоко. Среди его сочинений самым любимым в народе по сей день остается «Охридский Пролог», где на каждый день года представлены краткие жития святых, сопровождаемые толкованиями и духовными размышлениями. Св. Николай написал также много стихов, песен и служб святым. По поводу этих последних прп. Иустин (Попович) не колеблясь написал: «Да простит меня св. Иоанн Дамаскин, но Николай его превзошел!» Будучи опытным духовным отцом, впитавшим многовековую мудрость Церкви, он оставил также около трехсот «Миссионерских писем», в которых содержатся ответы на конкретные вопросы пастырской практики, заданные верующими.

Кроме того, свт. Николай стал вдохновителем православного народного движения, называемого Богомольческим. Отличительными чертами движения были любовь к молитвенному деланию, стремление к частому причащению и перевод или составление песнопений и молитв на сербском языке, а не на церковнославянском. Участники движения вдохнули порыв энтузиазма и евангельскую свежесть в Сербскую Церковь. Влияние владыки Николая на сербский народ было столь глубоко, что люди принимали каждое его слово, письменное или устное, как равное по достоинству изречениям отцов египетской пустыни.

Св. Николай заботился не только о братстве, вверенном ему Богом, но и о всей Церкви. Он явил себя человеком мира и объединения и старался поддерживать добрые отношения с православными греками и болгарам. В 1930 г. он участвовал во Всеправославном предсоборном совещании в монастыре Ватопед на Святой Горе Афон, где стал подлинным гласом Православия, высказавшись против соображения преданий Церкви с веком сим. Он также был решительным сторонником отмены конкордата с Ватиканом, который

² И впоследствии свидетельствовал о святости старца Силуана. Именно свт. Николай рукоположил в диакона о. Софрония (Сахарова) – ученика и автора биографии прп. Силуана (архим. Софроний скончался в 1993 г.).

Югославия готовилась подписать в 1937 г. и который сделал бы из этой страны миссионерскую территорию Римской Церкви. Свт. Николай задолго предсказал, что всеильная Европа рассыплется в прах, если отречется от своих христианских основ. Он пророчески писал об этом, что Христос удалится из Европы, как некогда из страны Гадаринской, по прошению ее жителей³.

Когда разразилась Вторая мировая война, св. Николай предпочел страдать с народом Божиим, чем искать безопасности. Он отважно восстал против массовых расстрелов в Кралево, восклицая: «И это немецкая культура – убить сотню невинных сербов за одного немца! Даже турки были более справедливы... Если я виноват, убейте меня. Я предпочитаю погибнуть, чем ежедневно взирать на страдания моего народа». Он с негодованием восставал против лицемерного христианства, оправдывавшего самые ужасные преступления, совершавшиеся против сербов в Хорватии, однако отказывался ненавидеть самих преступников, питая к ним глубокую жалость. Впоследствии он составил великолепную службу в честь новомучеников сербских [15 июня].

Доблесть святителя не осталась без последствий. Немцы арестовали его в 1941 г. Более трех лет св. Николай провел вместе с патриархом Сербским Гавриилом в самых суровых тюрьмах. Он днем и ночью со слезами молился за свой народ. В 1944 г. владыка был помещен в лагерь смерти Дахау. Освобождение пришло 8 мая 1945 г., после прибытия союзнических войск. Однако св. Николай до конца своих дней страдал от последствий дурного обращения, которому подвергся в лагере. Когда его спрашивали о жизни в Дахау, он рассказывал: «В лагере так: садишься в угол и говоришь себе: “Я прах и пепел, Господи, возьми мою душу!” И душа твоя поднимается к небу, и ты видишь Бога лицом к лицу. Но ты не можешь выдержать этого и говоришь Ему: “Я не готов, дай мне вернуться вниз!” Короче говоря, я бы отдал всю свою оставшуюся жизнь за один день в Дахау!»

Уверившись, что в Югославии насильственным способом пришел к власти атеистический, антиправославный режим Иосифа Броза (Тито), св. Николай предпочел остаться в эмиграции. Некоторое время он жил в Англии, затем в Америке, где снова нашел в себе силы продолжить пастырскую деятельность. Он путешествовал по всей Северной Америке, настойчиво проповедуя в любых обстоятельствах, и стал подлинным апостолом Православия в Новом Свете. Он писал духовные труды по-английски, преподавал в сербской семинарии в Либертивилле (штат Иллинойс), в Свято-Владимирской семинарии в Вашингтоне, в Джорданвилльской семинарии (Нью-Йорк) и Свято-Тихоновской (Пенсильвания).

Пятого марта (ст. ст.) 1956 г. в русском монастыре Святителя Тихона в штате Пенсильвания свт. Николай Сербский предал доблестную душу Господу в час, когда готовился служить Божественную литургию. Двадцатого апреля 1991 г. его святые мощи были перенесены из Соединенных Штатов в деревню Лелич, в церковь, основанную самим святителем. Затем там возник монастырь.

*«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители
Симонопетра.*

³ «Послание сербскому народу из темницы».